ISSN 0131—0097

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 31 (3289)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

28 июля — 4 августа

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Московская аномалия. (См. в номере материал «Страна по имени Москва»).

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии О. И. КОЗАК и Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 09.07.90. Подписано к печати 24.07.90. А 00347. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2528. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Две базисные проблемы мы пытаемся решить в ходе перестройки. В экономике — это преодоление монополии государства на собственность. В политическом механизме — это преодоление монополии одной партии на власть в государстве.

И если эти две проблемы, по существу, мы даже не начали решать, то дело в третьей базисной проблеме — в стране никак не сложится блок сил, способных руководить перестройкой.

На первом этапе, начавшемся в 1985 году и закончившемся в 1988 году, перестройку пытался вести центр своими силами.

На втором этапе — от первого Съезда народных депутатов и до сих пор, включая XXVIII съезд,— преобразованиями пытается руководить коалиция центра с консервативными силами.

Результаты и первого и второго этапа всем видны — подлинная перестройка еще не началась.

Поэтому все яснее становится необходимость нового механизма перестройки: на основе коалиции центра с конструктивными радикальными силами и со всеми лучшими кадрами в аппарате государства, партии и руководимых ею общественных организаций.

Этот подход не удается реализовать из-за неготовности центра.

Поэтому там, где радикалы победили на выборах, им пришлось реализовать усеченный вариант этой коалиции: коалицию леворадикального большинства в выборных органах власти с лучшими кадрами аппарата.

Эту коалицию выдвинул и впервые реализовал Моссовет. И первым представителем аппарата, который пошел на сотрудничество, был Юрий Михайлович Лужков. Демократическое большинство Московского Совета избрало тайным голосованием его — бывшего первого заместителя председателя исполкома Моссовета — председателем нового горисполкома нового Моссовета. Жизнь подтверждает и правильность этого выбора, и правильность курса, реализуемого силами демократии в России, в Ленинграде, в Москве.

Тем самым накапливаются весомые доводы в пользу той генеральной коалиции — коалиции центра, радикальных сил и части аппарата, которая в сложившейся сегодня ситуации только и может обеспечить быстрый перелом в ходе перестройки, выход страны из кризиса.

*Гавриил ПОПОВ,
народный депутат СССР,
председатель Моссовета*

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

С председателем Московского городского исполнительного комитета Юрием Михайловичем ЛУЖКОВЫМ беседует специальный корреспондент «Огонька», народный депутат Моссовета Леонид ПЛЕШАКОВ.

СТРАНА ПО ИМЕНИ МОСКВА

Так получилось, что в один из дней первой сессии Моссовета 21-го созыва наши места в зале заседаний оказались рядом, и, как это бывает, завязался обмен мнениями о выступлениях депутатов. По репликам соседа я понял, что он хорошо осведомлен о проблемах города. А когда председатель Моссовета Гавриил Харитонович Попов предложил в качестве кандидата в председатели Мосгорисполкома Юрия Михайловича Лужкова и попросил последнего изложить программу деятельности, мой сосед встал и направился к трибуне. Только тут я узнал имя своего собеседника.

Изложенная Лужковым программа предусматривала смелые и радикальные реформы городского хозяйства столицы. Не менее смело и откровенно он отвечал и на заданные вопросы. Один из них был с подко-

выркой. В течение нескольких дней перед тем депутаты, стоявшие на различных политических платформах, довольно бодро пикировались со своими оппонентами. И вполне естественно, что кто-то в духе времени спросил претендента, какой платформы он придерживается. «Я стою на хозяйственной платформе»,— тут же нашелся Лужков и был — редкий случай — награжден за свой ответ аплодисментами. В результате кандидатуру Лужкова поддержали 297 депутатов из 384.

Когда через несколько дней я встретился с новым предгорисполкома, чтобы взять интервью, то первым долгом спросил, какой смысл вкладывает он в понятие «хозяйственная платформа».

— Если в двух словах,— это оздоровление экономики столицы в самом широком смысле.

— «Оздоровление экономики» после десятка лет, когда мы на всех углах клятвенно заверяли, что превращаем Москву в образцовый коммунистический город? Помните такую, совсем недавнюю, платформу?

— То была не платформа, а безответственное политиканство, которое и привело столицу к нынешнему состоянию.

— Очень много проблем?

— «Много» — не то слово. Сплошные проблемы — более точное определение...

— Может быть, начнем с самых главных?

— По-моему, правильнее было бы начать со статистики, если можно так выразиться, с цифрового образа Москвы. Тогда и «болевые точки» города станут более понятны.

— Согласен.

— Итак, начнем...

В Москве проживает девять миллионов жителей. Рабочий класс столицы составляет один миллион четыреста тысяч человек. Один миллион двести тысяч — научные работники, это примерно двадцать восемь процентов от общего научного потенциала страны. В нашем городе полтора миллиона учащихся. В четырнадцати тысячах зарегистрированных кооперативов, по нашим подсчетам, работает четыреста тысяч человек. Наконец, в городе проживает два миллиона двести тысяч пенсионеров...

— Пенсионеров больше, чем рабочих — производителей материальных ценностей?

— Да, пенсионеров больше, чем рабочих. В смысле возраста населения Москва — самая старая столица мира.

Пойдем дальше. Около семи миллионов человек живет в Московской области.

Столица и область — это давно сложившийся, практически единый комплекс, искусственно разделенный на две административные части, что, в свою очередь, порождает свои проблемы. Но об этом чуть позже...

В год Москва дает свыше 32 миллиардов промышленной продукции. При этом некоторые ее виды уникальны и производятся только в столице. 16 миллиардов рублей годовой прибыли Москва отчисляет в союзный и республиканский бюджеты, получая обратно на свои нужды только восемь. Четыре из них идут на строительство, четыре — на содержание города.

Уникальность положения, а можно сказать, что в определенном смысле и беда Москвы заключается в том, что она является столицей страны, республики и области. Здесь сосредоточены 168 министерств и ведомств союзного и республиканского уровня, огромный управленческий аппарат области, что создает немалые проблемы для городского хозяйства. В Москве находятся МИД СССР, иностранные посольства и представительства множества зарубежных фирм, что прибавляет дополнительные заботы.

Ежедневно в Москву приезжает от двух до трех миллионов жителей дальних и ближних областей, краев, республик. В предпраздничные дни ее посещает до пяти миллионов приезжих. Что это такое, я думаю, не нужно объяснять ни москвичам, ни гостям столицы.

Ну, и, наконец, о прозе жизни, о самых, как говорится, элементарных, каждодневных потребностях города.

В хорошие дни Москва съедает около десяти тысяч тонн овощей, картофеля. Две с лишним тысячи тонн хлеба. Тысячу тонн кондитерских изделий. Около трех тысяч тонн молока и молочных продуктов. Четыре с половиной тысячи тонн мяса. Сто тонн масла. Сто тонн соли! Около тысячи тонн сахара. В общем, в день Москва потребляет около тридцати тысяч тонн продуктов. И все это по нашим непростым временам — проблемы, проблемы, проблемы...

— Проблем действительно хватает. В их изобилии и разнообразии я убедился во время предвыборной кампании при встречах с избирателями. В своих программах многие кандидаты в депутаты обещали ускорить разработку и принятие Закона о статусе Москвы, что всегда встречало горячую поддержку избирателей. Как вы лично, Юрий Михайлович, относитесь к подобной идее?

— Поддерживаю безоговорочно. Более того, считаю, что она могла бы стать единой программой всего депутатского корпуса нового Моссовета. Сделать свой город красивым, нарядным, более благоустроенным и обеспеченным — такую задачу должны поставить перед собой все депутаты, независимо от их приверженности к разным платформам, будь то «Демократическая Россия», «Москва» или «Независимые», называй они себя левыми радикалами или консерваторами. Главное — чтобы все сдержали слово, данное избирателям, чтобы все считали своей основной задачей улучшение жизни в Москве.

— Юрий Михайлович, в рассуждениях относительно Закона о статусе Москвы меня смущает одна деталь: подчеркивается исключительность нашего города. Но ведь точно так же может ставить вопрос, допустим, и Тюмень, так как от добытых в этой области нефти и газа зависит все народное хозяйство страны, а их экспорт дает государственной казне большую часть валютных поступлений, или любой другой город тоже по-своему исключительный.

— Действительно, каждый даже самый ординарный город по-своему уникален. Будь то Тюмень, Владимир или Гусь-Хрустальный. Все самобытны, неповторимы либо в промышленном отношении, либо в каком ином плане. Если так ставить задачу, то и Москва такой же, как и все, город. Правда, крупнейший в государстве, но не более того, и, значит, не может выходить из ряда других, не имеет права на какой-то особый статус в государстве.

Но... ни Тюмень, ни Владимир, ни Гусь-Хрустальный не являются столицами государства, в них не располагаются правительства страны и республики, в них нет Министерства иностранных дел, нет зарубежных посольств, не размещен Президентский совет, не живет и не работает Президент.

То есть если говорить об исключительности Москвы, то она определяется не столько тем, что Москва — крупная городская система, уникальный промышленный и административный узел. Она неповторима тем, что является столицей двух государств — СССР и России, присутствие в ней союзных и республиканских учреждений налагает на нее особую обязанность — обеспечить их успешное функционирование в интересах всей страны и республики.

Статус Москвы — это отнюдь не закрепление ее преимуществ в материально-техническом снабжении или продовольственном обеспечении. Статус Москвы — это режим, который будет определять права Моссовета над всей территорией города, четко обозначит взаимоотношения с центральными учреждениями и ведомствами, расположенными здесь. Ведь они, по сути дела, удельные княжества: у них есть своя собственность, свои строительные организации, свои жилые дома, гаражи, даже магазины — все, что угодно. И все это не подчиняется Моссовету, хотя находится на нашем обеспечении.

— Поясните, пожалуйста, примером.

— Возьмем такую «мелочь», как гостиничное хозяйство. Москва, согласно общепринятым нормативам, должна иметь 340 тысяч гостиничных мест. Имеет 72 тысячи. Из них в подчинении горисполкома — всего 27 тысяч. Остальное принадлежит различным ведомствам. Жестокий гостиничный дефицит — это не только мучение для гостей столицы и гримаса на ее внешнем облике — пассажиры, ночующие на скамейках или просто на полу авто-, аэро- и железнодорожных вокзалов,— это еще и упущенная выгода. Одно гостиничное место в Москве, сданное советским гражданам, приносит годовой доход в тысячу рублей. Сданное же иностранцу — десять тысяч рублей. Доход, получаемый от наших, исполкомовских, гостиниц, поступает в бюджет Моссовета. Ведомственные же гостиницы перечисляют свой на счета собственных ведомств. А ведь находятся они на полном обеспечении городских коммунальных служб: и энергоснабжение, и водоснабжение, и канализация — все наше. И транспорт, которым пользуются постояльцы этих гостиниц, тоже наш. И все эти отрасли получают дотации из бюджета Моссовета, так что город вправе требовать компенсацию... если у города будут такие права.

Еще более сложная ситуация во взаимоотношениях города и предприятий союзного и республиканского подчинения. Эти гиганты, чаще всего монополисты в какой-то отрасли производства, не то что Москву, государство держат в своих руках, и сладить с их барским пренебрежением к нуждам и заботам города при нынешнем характере взаимоотношений просто невозможно.

Или вот еще пример. Сейчас на территории города более 100 «долгостроев» остаточной сметной стоимостью около 900 миллионов рублей. Министерства и ведомства на многие годы омертвили выделенные им участки земли площадью более тысячи гектаров. Из них только под жилищное строительство отведено 90 гектаров, на которых можно построить 500 тысяч квадратных метров жилья. Дело стоит. Город несет убытки. И взыскать их — нет прав.

На складах предприятий скопились многомиллионные сверхнормативные запасы товарно-материальных ценностей. Эти резервы можно было бы перевести в разряд товара, то есть предоставить всем желающим на конкурсной основе брать в аренду или покупать основные фонды, а также получать в долгосрочное пользование участки земли для создания дополнительного потенциала городской системы. При этом приоритет мог бы быть отдан тем, кто производит товары народного потребления и услуги. Но опять-таки все это лежащее мертвым грузом добро находится в руках ведомств, и Моссовет не имеет к нему доступа. Нужен юридически обоснованный инструмент, который бы позволил городу разрешать подобные абсурдные ситуации.

И теперь вторая часть вопроса. Я специально разделил вопросы юрисдикции, вопросы права и вопросы обеспечения. Конечно, мы не можем себе позволить, просто не имеем морального права, выделяться по уровням обеспечения в сравнении с другими городскими системами и регионами страны. Тем более что Москва — такая городская система, которая сама может заработать, чтобы жить безбедно. Повторю: мы производим продукции на 32 миллиарда рублей, а на содержание города уходит четыре. И на них мы содержим не только свой город, но и правительственные учреждения, министерства, ведомства и весь государственный аппарат — все, что не дает продукции, но пользуется услугами столицы.

— Все они на «иждивении» города?

— Конечно. Поэтому требование особого статуса — это не просьба какого-то подаяния. Это требование справедливости. Взносы, которые город делает государству, должны быть пропорционально поделены со всеми остальными системами, которые расположены в Москве.

Нам не нужны никакие преимущества, но на столичные функции не сама Москва, а государство должно что-то давать и из своего бюджета. Немного. Только для того, чтобы достойно представлять страну. Мы говорим: тот, кто лучше и больше работает, должен больше получать. Кто выполняет какие-то дополнительные обязанности, должен за это тоже дополнительно вознаграждаться.

— Но, если я правильно понимаю, сами союзные и республиканские ведомства, все эти учрежденческие структуры далеко не единственное и даже не главное зло. Исторически сложившаяся структура московских промышленных предприятий, их расположение в городской черте давно вступили в противоречие с интересами Москвы. Многие заводы и фабрики не только наносят прямой вред, отравляют столицу выбросами, но еще бьют по карману, по ее бюджету, так как она должна заботиться об экологическом благополучии. Как Москве отлучить от себя предприятия, которые находятся в подчинении все тех же ведомств?

— Мы и раньше занимались этими проблемами, но методами дуболомными, нам более привычными. Подготавливали документы, принимали постановления: «Убирайся из Москвы, и все». А завод не уезжает. Ему ведь нужно, чтобы убраться отсюда, на новом месте построить такой же завод, и жилье, и всю необходимую инфраструктуру создать. А он не хочет, так как не может этого сделать: там нет специалистов, отсюда они не очень хотят уезжать. Против завода выступают жители, живущие вокруг него. А сами заводчане — они бы и дальше работали без вопросов: их дома в другом районе.

Так вот, это наше дуболомство, или волюнтаризм,— классический образчик командного решения государственных задач — обычно не дает результата: все остается на своих местах. Правительству надо было бы сразу назвать точки, куда переводить производство, дать деньги для того, чтобы можно было построить новое производство и вывезти людей. У нас сейчас около двухсот пятидесяти предприятий, которые необходимо срочно выводить за пределы города...

— Как это «простимулировать», если приказы не действуют?

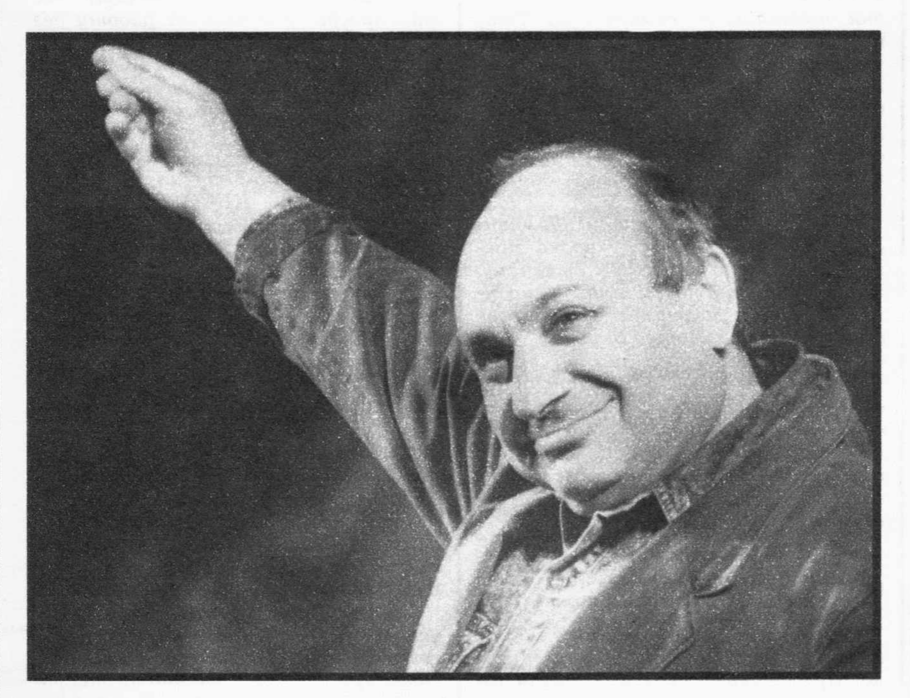
— Все меры должны носить прежде всего экономический характер.

Вчера я подписал решение о серьезном изменении системы штрафных санкций за нарушение экологической среды. Проведем мониторинг, автоматизируем контроль, будем фиксировать нарушения, документировать все и принимать соответствующие меры. Конечно, работа предстоит непростая. Вот некоторые ее детали. Допустим, по норме, ТЭЦ выбрасывает сотни тонн пыли. И вдруг она допустила сверхнормативный выброс — лишних 20 тонн. А дальше снова работает в допустимых рамках. Давайте подсчитаем: эти сверхнормативные двадцать тонн не идут ни в какое сравнение с сотнями «разрешенных», «допустимых» тонн. Вот я и поставил вопрос: за сверхнормативные выбросы мы должны немедленно налагать штрафные санкции, а вот за то, что среда загрязняется даже в пределах нормы и городу приходится расходовать средства, чтобы поддержи-

Окончание на стр. 22.

ОТКУДА БЕРУТСЯ ЭТИ СЛОВА

Фото Александра КРЕЙМЕРА

Михаил Жванецкий и Урмас Отт — несостоявшееся теле- и состоявшееся видеознакомство, видеоприложение к журналу «Огонек» № 6 за 1990 год.

«Огонек» представляет вам фрагменты этой встречи.

УРМАС ОТТ: — ***Как вы лично, как гражданин своей страны, чувствуете себя на фоне трансляции XXVIII съезда?***

Михаил Жванецкий: — Я чувствую себя тревожно, хотя думаю, что третий (на экране телевизора — изображение Президента) не может помешать нашей беседе. Вы знаете, тревожно. Ничего хорошего от съездов не было до сих пор, и я не жду ничего хорошего и от этого. Я не знаю, что им посоветовать,— их много, может, они и сами решат, что им делать с убеждениями, если они у них есть, с перспективами, если они у них есть, потому что, как мы поняли (а мы уже раньше это поняли), не все здесь коммунисты, а есть люди из тех, кто делал когда-то карьеру, но мы же не можем сказать, что они все по убеждению собрались... Когда идет Съезд народных депутатов РСФСР, у меня есть ощущение какой-то перспективы, я чувствую движение вперед. Там что-то происходит, жизнь...

— Можно сказать, что и Михаил Михайлович Жванецкий в каком-то смысле — сейчас очень модна такая конъюнктура — жертва коммунистического террора?

— Почему жертва? Я живу хорошо. Вовсе не жертва, даже наоборот — я и на ноги-то встал во время этого... Просто я всегда прикрывался смехом. Конечно, можно было бы изобразить что угодно, упрятать в каталажку. Но так как я вызывал смех... Я думаю, что и они понимали, что где-то в глубине все это не так смешно, но они тоже прикрывались смехом и как-то оставили меня на свободе. А жил я неплохо, ну, жил на частные пожертвования, пока не перешел уже сейчас, в период перестройки, на собственные заработки. Видите, вот уже кабинет...

— У вас нет больших связей где-то в Кремле, вы никогда не участвовали в этих знаменитых кремлевских концертах?

— Я всегда участвовал в банях. Ну, не всегда, но в банях. Меня любили приглашать в баню. Как Высоцкого с гитарой, меня с портфелем. Голый, с портфелем — это примерно мой портрет. Вот такой портфельчик... Народ там веселый, крепкий, жизнерадостный, в проруби сидят: «Михалыч!!» — «А-а-а!!!» — «Портфельчик есть?» — «Да!» Этим я и спасался. Там бывали большие люди, горком партии московский, для меня самое большое — это горком партии... Выше — это уже действительно высоко, им там и дела не было. Я читал то, что писал, но в бане это все выглядело несколько веселее. Не так мрачно.

— Эти люди отличаются: банный вариант и вариант, который мы видим на экране?

— Вот это, сегодня? Я думаю, да. Посмотрите, сейчас явно лицо какое-то уже задумавшееся, а когда-то было очень жизнерадостное. Я видел, как в бане было интересно, когда кто-то принес подписать бумагу очень важную, а человек с верхней полки спрашивает: «Да где же он?» — «Да там он».— «Ну, пусть войдет!» Он разделся догола, взял бумагу, протянул наверх, тот говорит: «Ручку давай!» Тот подписал, этот оделся и уехал... Ну, это было очень хорошо.

— А платили много за эти выступления?

— Они ничего не платили. Вот эти люди не платили ничего. Я, например, выступал за телефон для мамы в Одессе. Она болела, мне нужно было поставить ей телефон. Я чуть ли не у министра связи выступал. Где я только не пел, не танцевал, чтобы поставили телефон! Семь лет я пел и танцевал — ровно столько, сколько нужно было стоять в очереди, так что подвижка была очень небольшая. Я выступал конкретно, как в натуральном хозяйстве.

— Стали ли вы в этих компаниях своим человеком?

— Никогда. Нет, что-то на мне есть, какое-то клеймо, вы даже знаете, какое, я даже знаю, какое. Я своим стать не мог. Они мгновенно менялись. Они говорили: «Выйди на минутку». Что ж там такое? «Ну, войди-ка опять». И все время, если какие-то замечания, нужно было выйти. Обычно, если днем, бывало, меня привозил какой-нибудь референт. Привозил в кабинет министра, закрывалась дверь, вынималось виски. «Закрой дверь». Виски. Я читал минут пятнадцать. Потом вдруг этот министр: «Да он же антисоветчик!» А референт говорит: «Мне кажется, что он это делает с ангелом в душе». Тот, министр: «Ну, наливай еще, давай, быстро, начинаем работать...»

«...И так тонко складывается ситуация, что при гражданской войне мы опять будем бить друг друга: беспайковый — беспайкового, низкооплачиваемый — низкооплачиваемого, ведь вы понимаете, что до них, до наших главных врагов, дело не дойдет — и дачу их не найдешь, и опять кончится дело масонами, завмагами, армянами и мировой усталостью, которая позволит всем вождям, от районных до столичных, снова занять свое место, что они немедленно сделают с криком: «Дорогу пролетариату, народ требует, народ желает, чтобы мы немедленно сели ему на шею, а мы с вами расчистим им путь своей кровью — к этому опять идет...»

— Михаил Михайлович, испытываете ли вы перед каким-то новым материалом такое чувство, как страх? И увеличивался ли этот страх в течение вашей карьеры? Я имею в виду, боитесь ли вы начинать работу над новым материалом — как это пройдет, как это воспримется?

— Нет, не боюсь. Я внутренне очень свободный человек. Я пишу, и меня текст тащит, как собака постаревшего хозяина. Пишу все, что придет в голову. Чихаю на бумагу, плюю на бумагу — все делаю на бумагу. И вот это больше всего нравится публике — эта взрывчатость, непредсказуемость текста. Потом, когда читаю, сам удивляюсь, откуда эти слова. Поэтому я на сцене часто смеюсь...

«...Кто видел на трибуне плачущего большевика? Это был он — достали, собчаками затравили...»

«...У меня с Райкиным всегда были отношения хорошие — у него со мной неважные...»

«...Это наши деньги. То, что мы должны были получать, мы вложили сюда. И хотим пригласить сюда людей...»

«...Сейчас вообще Одесса растянулась — от Америки до Австралии...»

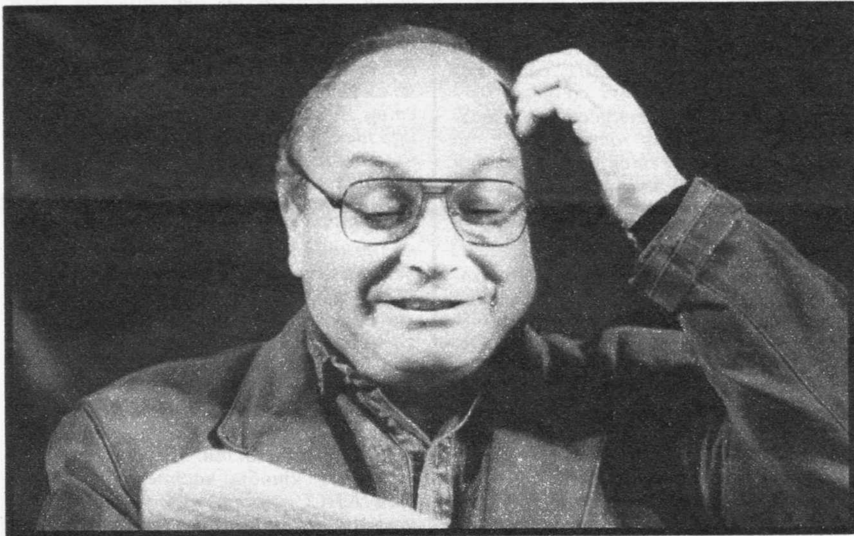
«...Так интересно, как здесь, мне там не бывает. Я там чужой, я там как кошка, попавшая на сцену...»

«...Мне нравится посудомоечная машина, которой у нас почему-то нигде нет...»

«...Миша, как же вы меня не вспоминаете, мы же в Ташкенте литра три выпили?..— Поэтому и не вспоминаю, сынок...»

«...Я чувствую зависть к такому писателю, как Фазиль Искандер,— настоящую, постоянную, неутихающую. Я не буду, конечно, устранять его с политической арены...»

«...Тщательно целую. Ваш Миша».

Продолжение всего этого и многого другого, а также невоспроизводимые интонации Михаила Жванецкого — это выпуск № 6 видеоприложения к журналу «Огонек».

— Михаил Михайлович, у меня такое ощущение, что вы придумываете все эти истории...

— Абсолютно нет. В том-то и дело, что они все документальные.

Напоминаем, что заявки на приобретение этой видеокассеты, а также видеовыпусков №№ 1—5 за этот год и выпусков «Огонек-видео» за прошлый год принимаются по адресу: 117313, Москва, абонементный ящик 843; телефон 212-15-79.

■

В газете «Горьковский рабочий» опубликовано сообщение о том, что Горьковский горком партии освободил занимаемый им бывший губернаторский дом в кремле, а обком КПСС передает это помещение Горьковскому художественному музею в аренду сроком на пять лет. Годовая арендная плата — 20 тысяч рублей.

Передача одного из лучших зданий города художественному музею, который из-за ограниченной площади не может полностью развернуть свои возможности, безусловно, отрадный факт. Горком КПСС занимал это здание, построенное в 30-х годах прошлого столетия и находящееся на учете как памятник архитектуры, бесплатно.

Вызывает удивление, почему обком партии, не имея права на владение зданием (согласно статусу здание это принадлежит государству), сдает его в аренду на пять лет за большую плату культурному учреждению — художественному музею. Для погашения этой аренды музею, не располагающему такими средствами, будут выделяться фонды областным управлением культуры, то есть опять-таки государством.

Если вспомнить поступок братьев Третьяковых, передавших свою художественную галерею со всем бесценным собранием искусства безвозмездно Российскому государству, то акт обкома кажется по меньшей мере неправомерным.

Мы считаем, что упомянутое здание следует передать Горьковскому художественному музею в бессрочное пользование и бесплатно. Полагаем, что многочисленные предметы живописи и скульптуры, хранящиеся в запасниках музея, станут доступными трудящимся.

О. МОЩАНСКИЙ, Э. РУББАХ,
старые нижегородцы
Горький

■

Мне 29 лет, старший лейтенант запаса. Свое военное образование получил на военной кафедре Тульского политехнического института. Моя специальность — горный инженер-электрик.

Итак, о главном. Проработав семь лет на шахте, обзаведясь семьей (у меня трое детей), я ухожу служить в армию. В военкомате объяснили, что в связи с вынужденным сокращением Вооруженных Сил они призывают из запаса младший состав. Вот это-то меня и озадачило. Мы сокращаем кадровый офицерский корпус, а на его место призываем запас. Зачем? Чтобы обмануть международную общественность, обнародуя процент сокращения? Сокращаем профессиональных военных, а на их место призываем дилетантов, каковым являюсь и я. Что за маневр Министерства обороны?

Другой аспект. Ни один мужчина соответствующего возраста не может быть истинно свободен в своей гражданской жизни, пока действует Закон о всеобщей воинской обязанности. Можно стать арендатором, взять стадо бычков, ссуду в банке — и в одночасье загреметь в армию. Можно затеять строительство личного дома, поехать с семьей в отпуск, да мало ли чего можно задумать или начать, но ты офицер запаса, и в любой момент тебя ждет армия. Я даже думаю, зачем еще недавно неугодных сажали в «психушки» — в армию, и точка.

Поверьте, дело не в том, хочу я или не хочу служить. Надо — так надо. Но НАДО ЛИ? Надо ли отзывать специалистов из народного хозяйства (а за семь лет, думаю, я таковым стал, к тому же я теряю выслугу за подземный стаж)? Надо ли замещать кадровых офицеров? А переезд семьи, жилье? Дети и школа... И все это временно и неизвестно зачем.

Кстати, из нашего 50-тысячного города призывают человек десять. В масштабах страны цифра внушительная. Мы уже не 18-летние юноши, за плечами работа, жены и дети. Может быть, прочитав мое письмо, кто-нибудь из высшего руководства Министерства обороны задумается над тем, что творит?

Ю. В. ЕРОХИН
Кировское Донецкой области

■

Прошел XXVIII съезд КПСС. К сожалению, его ход и решения мало что изменили в наших взглядах на партию. По-прежнему ее руководители говорят об авангардной роли КПСС и о вреде фракций. Мы не уверены, что, даже расколовшись на несколько самостоятельных партий, коммунисты смогут указать обществу правильный путь выхода из кризиса, а потому не поддерживаем ни одну из платформ, с которой коммунисты пришли на съезд. Кстати, мы не признаем себя и членами Компартии РСФСР, так как не давали полномочий Российской партконференции создавать новую партию.

Мы заявляем о своем твердом желании выйти из рядов КПСС. Однако не хотим, чтобы наш уход укрепил партию материально. Все, чем владеет партия, создавалось за счет денег всех ее членов и за счет незаконно присвоенной государственной собственности. Справедливость требует, чтобы часть собственности КПСС, пропорциональная количеству вышедших из ее рядов членов, была передана Советам.

П. Г. КОЛЕСНИКОВ,
А. В. ПЕТРУШЕНКОВ,
В. С. БУРЛАКОВ,
Е. Ф. ВАНЖА, В. С. БИРЮКОВ,
водители 1-го автокомбината
Москвы

■

Недавно в поселке Батагай собрались на зональное совещание представители торговли, бытового обслуживания и транспорта, председатели райисполкомов северных районов, руководители министерств и ведомств. Не знаю, насколько серьезно они решили вопросы, связанные с улучшением быта на далеком севере, но их-то обслужили по-царски.

В статье «Щедрая гостеприимность», напечатанной в газете «Верхоянский коммунист», сообщается, что специально для собравшихся на совещание завезли картофель (более полутонны) и колбасу (около двух тонн). Вот так аппетит! Цитирую: «20 мая из Москвы привезены 320 коробок яиц, 100 ящиков пепси-колы, 50 ящиков боржоми, 5 ящиков коньяка грузинского, 5 звездочек, и 5 ящиков вина «Мускат Белый».

Кто же оплачивал рейс? У московской конторы «Главсевероторга» не оказалось денег, и рейс оплатил сам Янский продснаб — 40 тысяч рублей, не считая стоимости доставленных по небу продуктов. Напитки и яства 21 мая привезли в ресторан, присовокупив 106 банок черной и красной икры. Вечером того же дня приземлился самолет из Ташкента, доставив вместе с капустой и помидорами участникам совещания 170 килограммов клубники. Справедливости ради надо отметить, что после того, как зав. рестораном отказалась ее принять, клубнику передали в детсад — повезло детям!

Каким вином их угощали! Шампанское, мускат, коньяк и водка прекрасно шли под окорока и буженину, под рыбный паштет и икру, невиданные в наших местах в мае свежие огурчики и помидоры! Вкусно!

Вот уж поистине пир во время чумы, у нас нет мыла и сахару, бумаги и т. д., труднее перечислить, что есть, а мы самолет в Москву — за коньяком, самолет в Ташкент — за клубникой. На чьи денежки, спрашивается? Разве это не издевательство над собственным народом?

В. СТАРОСТИНА
Верхоянск

■

Человеку, не побывавшему в шкуре бомжа, понять жизнь бомжа трудно. Представьте себя в большом городе, без близких, без гроша в кармане, голодного, немытого, не имеющего угла, где можно переждать непогоду, переночевать. Встречая косые взгляды, избегая постовых, вы бредете неизвестно куда: нужно двигаться, стоять на месте холодно да и подозрительно. Любая встреча с милицией грозит вам подпиской, а это первый шаг за решетку. Две подписки, третьей не дано. Третья — тюрьма.

Сейчас много говорят о милосердии, сострадании, устраивают даже бродячих собак, а о бездомных людях, существующих в нечеловеческих условиях, говорить не принято. Десятки тысяч бомжей бродят по стране. Вы мне скажете: устраивайся работать и живи, как все люди. Вот в этом-то и загвоздка. Бомжами в основном становятся люди, отсидевшие и потерявшие жилье и прописку. Хорошо, если есть мать и отец. С женами сложнее: половина из них подает на развод в течение первого года заключения и, разумеется, прописывать вас не собирается. До 40 лет можно устроиться и прописаться по лимиту, а если за 40 и к тому же больны, вот тогда-то и начнутся ваши мытарства. В милиции скажут: устраивайся работать, пропишем. На работе ответят: пропишись, тогда возьмем. Этот замкнутый круг и родит бомжей.

Если бы правоохранительные органы помогали с пропиской и работой так же оперативно, как сажают, то было бы меньше повторных преступлений и бомжей. А что получается: побегает человек, побегает, а везде одно и то же — не нужен, не требуется, нет прописки. А где взять денег, где сегодня ночевать? Не важно, какими путями, но надо заработать (попрошайничеством, сбором бутылок), а доведенный до отчаяния пойдет на любое «дело», но чтобы к вечеру напиться, забыться где угодно: на чердаке, в теплоцентрали и т. д.

Я прошел многое. Первый раз сел на год и потерял прописку и жилье, четвертый раз сижу из-за прописки. Мне 46 лет, болен, без родных. Летом освобождаюсь и опять, видимо, становлюсь бомжем. А изменить все так просто — брать на работу без прописки. Но кто это решит?

Н. Я. СОБОЛЕВ,
бывший и будущий (?) бомж
Новгородская область

■

Если бы некто поручил ЦРУ скомпрометировать КПСС, то лучшие аналитики не додумались бы до того, что сделали сами делегаты Компартии РСФСР.

Тридцать пять человек, выступивших в накаленных политическими эмоциями прениях, забыли выдвинуть весьма важную для коммунистов и трудящихся Федерации экономическую программу! История не знает такого прецедента... Чем же они пытались привлечь на свою сторону исстрадавшихся россиян? Созданием новой пирамиды партийной власти, призванной тешить национальное самосознание, призывами к консолидации сил, монолитности рядов и борьбе за чистоту марксизма.

Лексика, фразеология, лозунги не уступали тому, что хорошо известно по трагическим годам истории. Одни крушили перестройку, распродающую крестьян с землей или без.., рабочих с заводами или без них. Другие призывали укоротить языки Арбатовым, Собчакам, Коротичам. Третьи, имеющие более чем прямое отношение к Вооруженным Силам, дипломатично умалчивали о новоявленном Русте и его букете цветов в Батумском аэропорту, но обрушивали свой гнев на руководство за недооценку событий в Восточной Европе, будто мало нам Венгрии, Чехословакии, Афганистана.

Настойчиво шли поиски тех, кто не дал разъяснений (понимай: «закрытых писем», милых сердцу избранных), привел партию к кризису, а идеи социализма — к дискредитации. При этом имелись в виду не только новые политические течения и партии, но и Политбюро. Из выступавших в прениях 15 делегатов подвергли политическому прессингу именно этот высший орган. Забыв о партийной и человеческой этике, некоторые выступавшие словно соревновались: кто острее и хлестче скажет об инициаторах перестройки.

Недобрым ветром истории веяло от призывов персонально установить виновных (Т. И. Ляпакова) или от обвинений в «организованных действиях по развалу КПСС изнутри» (И. К. Полозков). В духе зловещих митингов памятных лет звучали слова В. В. Чикина о том, что над партией нависла сгущающаяся тень ликвидаторства, тень злой митинговщины и провокационных законопроектов в двух шагах отсюда.

Как это понимать? Хватайте, русичи, топоры да вилы и с богом — на парламент, на перестройку?

Я хочу спросить: почему ныне такие принципиальные члены ЦК, по словам И. К. Полозкова, «передоверившиеся Политбюро», много лет терпеливо взирали на явно коррумпированное Политбюро «во главе с верным ленинцем, товарищем Леонидом Ильичом Брежневым»? Почему они поддержали и единодушно проголосо-

вали за «живой труп» — К. У. Черненко и еще тогда не дали исстрадавшемуся народу глотка демократии, гласности, перестройки?

Нет, не «левые и правые», как утверждал делегат РКП Н. В. Еременко, «стремятся посеять недоверие народа к социалистическому образу жизни, подорвать идейные основы перестройки, а коммунистическую партию... спихнуть под забор истории». Это делали сами делегаты съезда, три четверти которых олицетворяют пирамиду власти. За редчайшим исключением слово имели только они, те, кто борется, по словам О. А. Акимкиной, «за власть». Слова не получили коммунисты, которые могли действительно способствовать радикальному обновлению партии.

Проблемы, которые волнуют общество, остались за бортом. Даже в самых общих чертах не намечены контуры программы экономического развития.

Е. П. ФАДЕЕВ
Мариуполь

■

В соответствии со ст. 40 Конституции РСФСР государственное здравоохранение у нас в стране пока бесплатно. И компенсаций из госбюджета за его услуги гражданам не выплачивают. Но в Лазаревской районной детской поликлинике г. Сочи, где я работаю врачом-педиатром, с согласия местных властей решили ввести новшество: за прием больных иногородних детей требуют с родителей деньги. Прием в поликлинике — 3 руб., вызов на дом — 4 руб. 50 коп. В противном случае отказывают в помощи. Вот так!

И все это идет под флагом постановления Совета Министров СССР об оказании платных услуг населению.

На сегодня в поликлинике есть и штаты, и финансы, чтобы не прибегать к столь беззастенчивому залезанию и в без того тощий кошелек трудящихся. Поликлиника к тому же не является хозрасчетной. И если 70 лет власти занимались тайным обворовыванием народа, то теперь этим занимаются открыто. Видимо, кто-то хочет стимулировать летом социальный взрыв на курорте.

В. АТАМАНЧУК,
врач,
Сочи

■

«...Я пришел на работу в ЦК после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК с полным убеждением в правоте идей перестройки, так как на своей судьбе, как выходец из рабочих, как директор, как советский и партийный работник испытал всю несуразность той системы, в которой мы жили». **(Из выступления Л. Н. Зайкова на XXVIII съезде КПСС.)**

Интересно было бы, однако, услышать от Льва Николаевича, какими высокими нравственными критериями (рабочего, директора, первого секретаря МГК или члена Политбюро) уже в новой обстановке он руководствовался, вселяясь тогда же в роскошный дачный особняк в Подмосковье, показанный в программе «Время» вечером в июле сего года?

В. А. САВЧЕНКО,
ветеран труда
Москва

■

Хотелось бы остановиться на проблеме, которая практически не нашла отражения в проекте Закона «О свободе совести и религиозных организациях» (проект одобрен в первом чтении Верховным Советом СССР). Речь о так называемых «отказниках» — молодых людях, отказывающихся после призыва на воинскую службу принимать присягу и брать в руки оружие по религиозным мотивам. Вопрос не новый. «Отказники» возникли в нашей стране в конце 20-х годов, когда альтернативная служба была сведена на нет. В годы войны разговор был короткий — автоматная очередь... В послевоенный период «отказников» объявляли антисоциалистическим элементом, замалчивали их существование, а на практике просто судили. Между тем число «отказников» увеличивалось, на учете в военкоматах в настоящее время стоят сотни молодых людей, не принявших воинскую присягу.

В основном они из семей пятидесятников, адвентистов-реформистов, свидетелей Иеговы, которые свой отказ мотивируют следующим образом: «Моя вера не позволяет принимать военную присягу. Я дал клятву на верность Богу и ему одному буду вечно служить». Есть и другая группа молодых людей: они берут в руки оружие, но только из-за страха быть привлеченными к уголовной ответственности.

Какой же выход? Создание альтернативной службы — вот единственное решение. Призывники не принимают воинскую присягу и не берут в руки оружия, а проходят увеличенный срок службы в гражданском секторе. Это решение уже не является дискуссионным, потому как еще в январе 1989 года наше государство подписало итоговый документ Венской встречи, который обязывает страны-участницы обеспечить в своих законах осуществление свободы совести, религии и убеждений. По словам Д. Т. Язова («Красная звезда», 3 июня с. г.), военная реформа рассчитана на 9—10 лет, а пока сотням верующих призывников придется выбирать между армией и тюрьмой. И не предпочтут ли они последнее, ведь согласно проекту Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» богослужение и религиозные обряды обеспечиваются в местах предварительного заключения и отбывания наказания, а в местах прохождения воинской службы — нет?

Дорабатывая новый Закон и определяя концепции военной реформы, следует особо выделить проблему альтернативной службы и решить ее как можно в более короткий срок. Пришло время отказаться от идеологических догм и сообща подумать: какой быть альтернативной службе?

Б. П. САВЧУК,
преподаватель
Ровенского пединститута

■

Моему сыну восемь месяцев, со второго месяца он «искусственник», и питание для него — вопрос жизни. В этом возрасте человек (очень маленький) не понимает, откуда берется еда и как она делается. Он просто ест, это его работа.

Мы живем в Минске, считается официально, что город не находится в зоне радиоактивного заражения. Но неужели не видит наше республиканское правительство детей в городе? Синяки под глазами, быстрая утомляемость, беспричинный кашель и т. д. В такой обстановке на первом месте стоит вопрос питания. То, что едим мы, взрослые, всем известно. Но дети?!

Вот нормы получения питания для грудных детей: сухое молоко — 4 пачки, мясные консервы — 7 банок, овощные и фруктовые пюре — 15 банок на месяц. Согласно советам педиатров моему сыну надо получать в день 200 г овощей, 200 г фруктов, 70 г мясных блюд. Несложно подсчитать, что по этим нормам мой парень нормально поест только 15 дней. А дальше что? Я хочу спросить у тех, кто эти нормы разрабатывал, чем мне кормить восьмимесячного сына и как объяснить этому маленькому комочку, что его отец, который имеет довольно солидный заработок, не может купить ему копеечную еду?

Мне не нужны «Бураны», импортные машины, компьютеры и т. д. Скажу больше: зачем нам такая Советская власть, при которой детям нечего есть. Понимаю, что «Огонек» не вышлет детское питание. Проходят съезды народных депутатов, сессии Верховных Советов, съезды компартий и т. д., решаются глобальные вопросы, принимаются очередные исторические решения, законы. Разве не должно правительство в первую очередь принять срочные меры, чтобы накормить детей? Мой сын, уверен, не единственный в стране голодный ребенок.

Не хочу кого-нибудь разжалобить, все в жизни делал сам, но эту стену, видимо, мне не прошибить.

А. А. ВОРОБЕЙ
Минск

■

Только-только в Волгограде и области улеглись страсти, связанные с отставкой бюро обкома партии во главе с его первым секретарем В. И. Калашниковым. Можно было предполагать, что урок для партократии пойдет на пользу. Как видно, не пошел.

В «Волгоградской правде» читаю сообщение «В обкоме КПСС». Привожу полностью последний абзац: «Председателю областного Совета народных депутатов В. А. Махарадзе и председателю облисполкома И. П. Шабунину поручено рассмотреть вопрос о мясо-молочных ресурсах области на 1990 год, их использовании и рационировании основных продуктов питания».

Опять, видите ли, партия считает возможным командовать Советами. На каком основании, спрашивается? По-моему, В. А. Махарадзе и И. П. Шабунину стоит указать обкому КПСС на его место.

А. В. УШАКОВ
Волгоград

■

Прошу принять участие в судьбе Михайлова Олега Васильевича, политзаключенного, осужденного в 1979 году за то, что «совершал приготовления к измене Родине в форме бегства за границу» и, «основываясь на антисоветских взглядах», написал в редакции газет «Правда», «Известия» и в ЦК КПСС письма, где содержались «заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй». Суть измышлений заключалась в том, что Михайлов утверждал: «В СССР нет справедливости и демократии из-за существующей однопартийной системы», что «ответственные посты в партии и государстве захватили бюрократы, стяжатели, протекционисты-карьеристы, которые идеи социализма — коммунизма и государство трудящихся превратили в фикцию».

Не буду комментировать «антисоветские взгляды» Михайлова, отмечу лишь, что ни бегства за границу, ни даже попытки совершить его не было. Но был террор психиатрическими больницами и негласный надзор КГБ. Михайлов был осужден на 13 лет и 3 года ссылки.

Наступившие в стране перемены привели к тому, что даже Пермь-35 становится открытой для иностранных журналистов. Тем не менее до сих пор у нас остаются политзаключенные. Одни, как М. Казачков, сидят в тюрьме, другие, как Б. Климчак, В. Смирнов и А. Голдович,— в лагере. Михайлов этапируется в ссылку. Ему позволяется «съездить в отпуск» на один месяц, хотя, с моей точки зрения, после 11-летнего пребывания в лагерях это можно рассматривать как очередное изощренное издевательство.

Как теперь стало известно, Михайлов не вернулся в назначенное место ссылки, совершив тем самым акцию неповиновения, протеста против практики беззаконий по отношению к людям, некогда обвиненным в «антисоветизме», «измене». За это ему грозит новый срок.

Судьбой Михайлова интересуются многие, о нем знают на Западе после многочисленных публикаций и выхода фильма о «последнем» ГУЛАГе, но судьба его и ему подобных может быть решена только здесь и только официальными органами.

И последнее — почему именно я, Ким Эльвира Васильевна, обращаюсь к вам с этим письмом. Я очень давно знаю Михайлова. Более того, в свое время была осуждена на 3 года условно за то, что, «зная об изменнических намерениях, не сообщила (не донесла) компетентным органам», а также «размножала», то есть перепечатала в 2 экземплярах «письмо и очерк антисоветского содержания», которые были затем отправлены в различные инстанции.

Осуждали нас быстро. Освобождение и реабилитация затянулись на много лет. Надо бы поторопиться.

Э. КИМ
Москва

«ВЫ-СЛУ-ШАЙ-ТЕ!!!»

Отдел внутренней политики журнала «Огонек» представляет незаконченную документальную драму

Участники не ведали, что такое успех у зрителей. Разбросанные по окраинам великого тоталитарного театра — по коммуналкам, вокзалам, очередям,— большинство из них не ждали ни признания, ни тем более того, что доживут до такого дня. До такого именно дня, когда человек, бывший всегда символом их веры, их совестью, знаменем и надеждой, будет нуждаться в защите. Вера в вождей назначалась им с рождения, а затем вручалась как паспорт. Вера в Бога осуждалась как инакомыслие.

Казарменному социализму нужна была новая паства.

Простим этим людям их неосведомленность.

Они волновались.

НИКТО ИЗ НИХ НЕ ПОЛУЧИЛ СЛОВА НА МИТИНГЕ.

В общем, говорили, как привыкли,— в очередях, коммуналках, поездах дальнего следования, повсюду среди этого мира.

Запись сделана на ВДНХ СССР во время митинга в честь 120-летия со дня рождения В. И. Ленина.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
Человек с плакатом «Прошу слова. Гражданин».
Женщина со стихами
Ветеран партии
Простая женщина
Бойкая женщина
Женщина-инженер
Мужчина в очках
Житель Москвы
Активист
Ветеран войны (с тростью)
Другие участники, голоса которых иногда слышны.
Приезжие, командированные, продавщицы мороженого, милиционеры, туристы.

Резолюция митинга: «Сегодняшние герострат-ниспровергатели кидают в адрес Ленина обвинения, которые в большинстве своем замешены на передернутых цитатах и откровенной лжи. Эти ниспровергатели ради своих амбиций и политических замыслов пытаются внушить народу неправду о Ленине, используя при этом нашу общую беду — незнание».

ЧЕЛОВЕК С ПЛАКАТОМ. *Жуков Николай Анатольевич. Свое выступление в защиту Ленина могу зачитать. У меня записано. Сейчас или чуть позже?*

ПРОСТАЯ ЖЕНЩИНА. *Я тоже хочу сказать. Я пенсионерка.*

ВЕТЕРАН ПАРТИИ. *Я инвалид войны. Почему он лезет? Пользуясь правом внеочередного... Стецура Яков Григорьевич. Имею право пройти вне очереди.*

ПРОСТАЯ ЖЕНЩИНА. *Я тоже хочу сказать за Ленина. Я всю жизнь прожила в нищете. У нас восемь человек. Мы в подвале жили. Ради Ленина мы сейчас... Все одеты хорошо. Все живем хорошо. Раньше была мебель какая. Один диван, и все. У кого гардероб есть, вот, говорят, богатый. Сейчас у всех мебель, к кому ни зайди.*

БОЙКАЯ ЖЕНЩИНА. *Насчет Афанасьева. Как один тут выступающий депутат сказал, прежде чем сдать партийный билет, надо сдать диссертацию. Вот теперь он партийный билет сдал. Пусть он сдаст депутатский мандат и диссертацию. Чтобы он под ногами не болтался у честных людей.*

ГОЛОСА. *Он даже две диссертации, Афанасьев, защитил.*

БОЙКАЯ ЖЕНЩИНА. *Чтобы он не болтался у честных людей.*

ГОЛОСА. *И кандидатскую. И все документы исторические ему были открыты. Значит, это не случайно. И преступление перед Лениным.*

ЖЕНЩИНА-ИНЖЕНЕР. *Дело в том, что все работы, написанные Марксом и Лениным, являются отражением той жизни, которая была. Поэтому, так сказать, это видно и тогда, когда они боролись со всякими, так сказать, врагами и когда они анализировали события, которые происходят. Поэтому это учение объективно существует.*

ЖЕНЩИНА СО СТИХАМИ. *Я хочу стихотворение сказать, можно?* (Читает с выражением.)

Пусть здравствует над нами
чистота.
Холопский дух не вышибешь
веками.
Бездарным людям смелость
не дана.
Не верю я, что грязными руками
Вершить возможно чистые дела.

МУЖЧИНА В ОЧКАХ. *Сейчас они оплевывают ленинские темы. Да. Сейчас они получают зарплату. Так порядочный интеллигент не сделает. Если он даже заблуждался, он порядочный, он откажется от диссертации, просто не будет зарплаты, и будет выступать против Ленина. Получает зарплату, да.*

ЧЕЛОВЕК С ПЛАКАТОМ. *Я скажу первые и последние слова своего выступления. В защиту Ленина. Я не собираюсь полемизировать с Афанасьевым, так как не имею доступа к материалам, к которым имеет доступ он. И последние мои слова. Живого Ленина от нас не заслонить! Все. Вы можете не соглашаться с этим, но прошу, вы-слу-шай-те!!! Многим это может не понравиться, но я обозначил то, что я хочу сказать.*

ГОЛОС. *Мы хотим слушать.*

ЧЕЛОВЕК С ПЛАКАТОМ. *Читать? Я и хотел прочитать это. Заглушает музыка.* (Наверное, что-то любимое Лениным. Рояль.) *Да выключите эту громкую музыку!*

МУЖЧИНА В ОЧКАХ (показывая на милиционера). *Громкоговоритель надо взять. Громкоговоритель у его.*

Аплодисменты.

ЧЕЛОВЕК С ПЛАКАТОМ. *Не надо хлопать... Я представляю самого себя. Меня зовут Жуков Николай Анатольевич. Я в том листе написал, чтобы люди не думали. Я живу в Зеленограде. Да, я выступаю в защиту Гдляна, если вас это интересует! Но я...*

Шум, музыка.

ЖЕНЩИНА СО СТИХАМИ. *Четыре строчки еще. Прочитать?* (Читает с выражением.)

Нас не обманут пышные бравады.
И из ханжи не вырастет герой.
Солгавший раз всю жизнь боится
правды.
Предавший раз предаст и во второй.

Спасибо.

ГОЛОС (бас). *Почему на митинг в защиту Ленина только два часа отвели? Антикоммунистический митинг на Манежной семь часов длился. Это возмутительно. В защиту Ленина два часа можно говорить, а антикоммунистический — семь часов.*

ЖЕНЩИНА СО СТИХАМИ. *Отец щас скажет.*

ВЕТЕРАН ПАРТИИ. *Мне подниматься? Туда я не могу, потому что инвалид второй группы. Я и ветеран партии пятьдесят лет. Бумажки я не приготовил и ни с кем не согласовал.*

ГОЛОС. *Но вы говорите, говорите.*

ВЕТЕРАН ПАРТИИ. *Да, это тоже важно. Во-первых, Ленина хвалить, он нам всем понятен. Ленин, он понятен. Нашему поколению он понятен. Не только нашему, но и молодому поколению тоже понятен. Его учение, его идеи все — и так далее — все для простого человека.*

ЧЕЛОВЕК С ПЛАКАТОМ. *Я не ветеран и такими регалиями не обладаю. Я гражданин Советского Союза. Жуков Николай Анатольевич. Если кому нужно, свой адрес и все я оставляю. Я начну сначала, разрешите? Я не собираюсь полемизировать с Юрием Афанасьевым, так как не имею того материала, к которому он имеет доступ. Считаю, что каждому должно воздаваться по делам его. Я выступаю в защиту Ленина от КПСС, Коммунистической партии Советского Союза, которая монополизировала права на Ленина. По моему глубокому разумению, Ленин принадлежит не только 280 миллионам граждан нашей страны, но и всему 5-миллиардному миру нашей планеты.* (Аплодисменты).

КПСС сделала из Ленина вождя. Канонизировала его. Провозгласила себя, КПСС то есть, единственной наследницей Ленина, имеющей право говорить от имени Ленина. Таким образом, сделала из Ленина и его образа заложника своей, именно своей политики. Как внутри страны, так и вовне.

БОЙКАЯ ЖЕНЩИНА. *Простите! Не КПСС, а враги, которые туда пролезли.*

ВЕТЕРАН ПАРТИИ. *Это не партия сделала, не рядовые коммунисты, а олигархия партийная.*

БОЙКАЯ ЖЕНЩИНА. *Враги, враги!*

ЧЕЛОВЕК С ПЛАКАТОМ. *Я задаю себе вопрос. Разве это Ленин — раскулачивания 28-го года, голод на Украине 33-го года, политические процессы 30-х годов, диссиденты 60, 70, 80-х годов? И отвечаю: нет. В защиту Ленина от КПСС я хочу провести историческую параллель. Христос и Ленин. Каждый из них был предан своими учениками и единоверцами и возведен на свою Голгофу.*

Гудки приближающихся поливальных машин.

ГОЛОСА. *Я участник освобождения Западной Украины. А сейчас я оккупант... Ребята, давайте жить дружно... Товарищи, разрешите мне продолжить... А вы извращаете!*

ЧЕЛОВЕК С ПЛАКАТОМ. *Есть слова поэта «Ленин и партия едины» или как их там. Мы говорим Ленин — подразумеваем партия, мы говорим партия — подразумеваем Ленин. Партия и Ленин близнецы-братья. Я не могу согласиться с таким упрощенным пониманием Ленина. Ленин, будучи живым человеком, и в партии отстаивал свое личное понимание жизни, и из истории партии вы знаете, ему приходилось оставаться одному против партии. Брестский мир тому порукой. Но Ленин и его соратники не отделяли себя от народа. И тут напрашивается историческая параллель. Где вы видели охрану вокруг Ленина, когда он выступал перед народом на митингах?*

ВЕТЕРАН ПАРТИИ. *Он против партии.*

ГОЛОС. *Тише!*

ЧЕЛОВЕК С ПЛАКАТОМ. *От кого защищает стена охранников Генерального секретаря ЦК КПСС? От своего народа, да? Боясь, что кто-нибудь скажет ему огорчительные слова. Так я понимаю то, что мы видим на экранах телевизоров. Дзержинский без охраны и оружия ходил в штаб анархистов...*

Я спрашиваю: какое право КПСС имеет называть себя авангардной после всего, что было и есть сейчас? Или это можно провозгласить только декретом Генерального секретаря ЦК КПСС? Поэтому я поверил бы слову о Ленине, сказанному о Ленине Президентом СССР Михаилом Горбачевым, но не верю слову о Ленине, сказанному Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Сергеевичем Горбачевым.

ГОЛОС. *Разделил на две части!*

ЧЕЛОВЕК С ПЛАКАТОМ. *Можно приводить множество цитат из Ленина, но жить нужно своим умом и своей головой. Вот почему я выступаю в защиту Ленина от КПСС.*

ВЕТЕРАН ПАРТИИ. *Дурак!*

ЧЕЛОВЕК С ПЛАКАТОМ. *Живого Ленина от нас не заслонить!*

ГОЛОС. *От партаппарата, а не от партии!*

БОЙКАЯ ЖЕНЩИНА. *Негодяй. Партией прикрывается. Коммунисты, настоящие ленинцы никогда ничем не прикрываются. Если бы он сказал «те, кто примазался», я бы слова ему не сказала, а он валил все на КПСС.*

ГОЛОС. *Он из Ленина сделал ширму!*

БОЙКАЯ ЖЕНЩИНА. *Не они! Все, кто этого хотел, враги! Вы не путайте честного человека. Ну, вот вы честный человек, допустим, а она — сами знаете кто. Ну, вот и в партии, в любой, есть человек, а есть скотина... Так вот надо говорить, а не прикрываться КПСС.*

ГОЛОС. *Значит, все мы дураки?*

ЖИТЕЛЬ МОСКВЫ. *Либо дайте мне сказать, либо идите.*

ВЕТЕРАН ВОЙНЫ тростью, как копьем, сталкивает жителя Москвы с ограждения.

ЖИТЕЛЬ МОСКВЫ. *Вот они, аргументы!*

Шум.

ЖЕНЩИНА СО СТИХАМИ (еще раз декламирует):

Не верю я, не верю я,
что грязными руками
Вершить возможно чистые дела!

АКТИВИСТ. *Я хотел бы сделать заявление. Сюда говорить или как? Хотя бы в таком духе. Завтра или на неделе будут распространять информацию, что каждый, кто посетил этот митинг, пришел туда за отгул. Это будет откровенная ложь и демагогия. Вне всяких сомнений. Оборвите этих демагогов, потому что мы — из чувства долга!.. Каждый из нас оторвался от семьи или от какого-то любимого занятия и вот здесь присутствует, на этой площади...*

Народ расходится.

ГОЛОС. *Жуков, товарищи, я запомнил фамилию...*

ЗАНАВЕС

Это документально воспроизведенные разговоры в толпе.

Мы подумали, что именно такая стенограмма особенно убедительна и красноречива. Люди хотят отстоять свои взгляды, но никто их давно уже не учил доказывать правоту, и, будучи во многом убеждены, они лишь учатся владеть силой вдумчивого доказательства своей правоты. От уличных митингов до парламентских и съездовских залов мы неизменно сталкиваемся с тем, что, восстанавливая терминологию тридцатых годов, можно назвать «наследием проклятого прошлого». О Ленине ли говорим, о рыночной ли экономике, о собственных правоте и неправоте.

Фото Марка ШТЕЙНБОКА.

СТАРАЯ РОДОВАЯ УСАДЬБА

Вся наша классическая культура XIX века выросла из неразрывной связи столицы и поместья — где-нибудь под Петербургом или под Москвой, под Ярославлем, Тулой или Орлом... Невозможно представить Пушкина без Михайловского, Лермонтова без Тарханов, Блока без Шахматова... Университетское столичное образование, общение с лучшими умами Европы не дали бы того поразительного эффекта, если бы не атмосфера особой духовности этих спрятавшихся в российском захолустье старых «дворянских гнезд», где нерасторжимо слились природа, музыка, живопись, поэзия, народное искусство, охота, простодушная приветливая архитектура провинциальных поместий с их старинными библиотеками и домашними театрами...

Орловская земля, что когда-то служила южным рубежом московского царства, где соседствуют лес и степи, особенно оказалась щедра на славные имена. Там, под Орлом, в «русским людом любимых местах, подобных тем, куда езживали богатыри наших древних былин стрелять белых лебедей и серых утиц», расположилась тургеневская усадьба Спасское-Лутовиново.

Предки И. С. Тургенева по материнской линии были спасскими помещиками с тех пор, как Иван Грозный пожаловал село Спасское Ивану Лутовинову. В конце XVIII века рядом с церковью Спаса Преображения и могилами своих предков отставной секунд-майор И. И. Лутовинов основал новую усадьбу. Ее центром стал огромный, выстроенный в форме подковы двухэтажный дом, за которым располагались многочисленные службы, а все постройки окружал привольно раскинувшийся парк: его скрещенные липовые аллеи образовывали римскую цифру XIX, обозначавшую девятнадцатое столетие...

После смерти И. И. Лутовинова его имущество, в том числе и усадьба, перешло по наследству племяннице Варваре Петровне Лутовиновой, а в 1816 году она обвенчалась в Спасской церкви со своим соседом по имению Сергеем Николаевичем Тургеневым. Тургенев был не так богат, как его невеста, зато его род прослеживал свои корни с XV века, и со многими славными делами России связали свои жизни его предки. После свадьбы Тургеневы жили вначале в Орле, где в 1818 году у них и родился сын Иван. А спустя три года молодая семья вернулась в Спасское. С тех пор судьба писателя связана с поместьем неразрывно.

В этом чудесном крае, в «возлюбленном Мценском уезде», прошли детство и отрочество Тургенева, началась юность. Здесь были его дом, его родина. Здесь он стал ее певцом и обрел бессмертие. При разделе наследства Тургенев уступил своему старшему брату Николаю дом в Москве, самые доходные земли, лишь бы сохранить за собой Спасское.

Главный дом усадьбы сегодня выглядит по-иному, чем в юные годы писателя. Когда он прибыл в спасскую ссылку в 1852 году, от огромного дома осталось лишь одно крыло, которое было перестроено под господские покои,— все остальное уничтожил пожар. Описание своего «приюта», короткое и емкое, составил сам Тургенев в письме к Г. Флоберу в 1876 году: «Это деревянный дом, очень старый, обшитый тесом, выкрашенный клеевой краской в светло-лиловый цвет; спереди к дому пристроена веранда, увитая плющом; обе крыши... железные и выкрашены в зеленый цвет; верх нежилой, его окна заколочены. Этот домик — все, что осталось от обширного жилища».

И после смерти писателя судьба была немилостива к его поместью. Наследники — Галаховы — вывезли из Спасского мебель, библиотеку, вещи Тургенева, а в 1906 году пустующий дом сгорел... В войну было уничтожено оставшееся — хозяйственные постройки, богадельня. То, что мы видим сегодня, все восстановлено в Спасском уже в 70-е годы. Но внутреннее убранство усадьбы — подлинное: вывезенные Галаховыми в Орел тургеневские вещи попали в городской музей писателя, где их удалось сберечь.

В доме всюду теплые блики красного дерева и карельской березы, мягкие удобные кресла, овальные столы, просторные диваны, массивные книжные шкафы. Большие часы, описание которых есть в повести «Бригадир», отсчитывали писателю время в ту самую ночь, когда накануне своего сорокалетия он заканчивал «Дворянское гнездо».

Камердинер писателя Захар Балашов вспоминал: «А вон на той скамейке... частенько в прежнее время, когда Иван Сергеевич подолгу в Спасском проживали, сиживали гости: Панаев, Некрасов, Григорович, Полонский, Шеншин — они же Фет... Граф Лев Николаевич Толстой тоже, бывало, наезжали». В Спасском также бывали и И. С. Аксаков, М. С. Щепкин, А. В. Дружинин, В. П. Боткин...

«По вечерам мы собирались в диванной и кто-нибудь из нас громко читал новую статью из толстых журналов, присылаемых из Москвы и Петербурга. Вечер проходил иногда в беседе, приправляемой оживленным спором»,— описывает проведенные у Тургенева дни Д. В. Григорович.

Почувствовать, понять Спасское, а значит, и Тургенева, мне помог Борис Викторович Богданов. В 1947 году он приехал из Орла в Спасское да так и «прикипел», остался здесь жить, пройдя все ступени музейной иерархии, начиная от сторожа в саду и экскурсовода. Сегодня он один из самых интересных тургеневедов.

Я приехал в Спасское поздней весной, в то самое время, когда туда обычно возвращался Тургенев после заграничных зим. Молодая зелень парка еще не давала сплошной тени и не прятала от въездных ворот розовато-сиреневого дома усадьбы. Сверху доносился птичий гомон, а по земле дорожек переливались при легком ветре живые отсветы солнца. «Люблю я эти аллеи, люблю серо-зеленый нежный цвет и тонкий запах воздуха под их сводами; люблю пестреющую сетку светлых кружков по темной земле»,— совсем как в тургеневском «Фаусте», где «все изображено с натуры».

Для писателя не было ничего прекраснее спасского парка с его узкими и длинными липовыми аллеями, заросшими шелковистой травой и земляникой, с его ракитами и прудами, и он стал местом действия многих произведений. В романе «Новь», по признанию самого Тургенева, он тоже «слегка описал» свою усадьбу: «То был прадедовский черноземный сад, которого не увидишь по сю сторону Москвы...»

...Дорожки спускаются вниз, выводя к старому пруду и плотине. Сюда обязательно стоит прийти в сумерки, когда над водой только-только появляется туман. В эти часы словно оживает картина, нарисованная в «Призраках»: «Мы находились на плотине моего пруда. Прямо передо мною, сквозь острые листья ракит, виднелись его широкая гладь с кое-где приставшими волокнами пушистого тумана. Направо тускло лоснилось ржаное поле; налево вздымались деревья сада, длинные, неподвижные и как будто серые».

Но вот взошла луна, небо и все окружающее почернело, будто даже птичьи голоса изменились. Наступает ночь. Но у каждого времени суток в спасском саду своя прелесть. Актриса М. Г. Савина, гостившая здесь в 1881 году, вспоминала прогулку с писателем по ночному парку: «И боже мой, что это за чудная музыка «ночные голоса»! Казалось, каждая травка, каждый куст поет...»

Человек с воображением может населить аллеи парка не только героями писателя, но и представить себе самого Тургенева, идущего меж деревьев или отдыхающего в тени лип,— таким, каким запечатлен он на одном из этюдов Полонского: в темном костюме и белой широкополой шляпе, с красным пледом, перекинутым через руку...

В виде с плотины или от старого кладбища, что за воротами парка у въезда в усадьбу, на уходящие вдаль просторы, кажется, нет ничего примечательного. Тургенев очень точно подметил особенность неяркой и скупой на цвета природы Спасского: «Я нахожу, что в отношении красок пейзажа, здесь все бледно — небо, зелень, земля — правда, бледность эта теплая и золотистая — это было бы все лишь мило, если бы широкие линии и бескрайний однообразный простор не придавали всему какое-то величие».

У Фета есть описания странствий с Тургеневым по орловским далям, исполненных охотничьих страстей: предрассветные ранние утра, звездные ночи, проведенные на сеновалах, бессонные, заполненные учеными спорами или чтением стихов.

— Спасское для Тургенева — это вся его жизнь,— говорил мне Богданов.— Именно из Спасского он отправлялся поговорить с толковым крестьянином, пройтись по деревням, побывать на сельской свадьбе, заехать к соседу помещику...

От своего соседа по имению Тургенев впервые услышал историю русской девушки-дворянки, полюбившей болгарина,— этот рассказ лег в основу сюжета романа «Накануне». А описание жизни и быта помещичьих усадеб в романе «Отцы и дети» — вряд ли бы оно возникло без Спасского-Лутовинова и окрестных поместий! Современники Тургенева утверждали, что усадьба Кирсановых сильно напоминает хутор Петровский, близ усадьбы писателя.

До сих пор, например, есть неподалеку деревня Голоплеки, где живут Овсяниковы, потомки того самого однодворца Овсяникова, которого описал Тургенев в одноименном рассказе. Остался лес, где и сейчас заросший глухим осинником овраг зовется «Кобыльим Верхом» («Бирюк»). В орловском Полесье, любимых местах охоты Тургенева, память о «Хоре и Калиныче» и теперь хранит деревня Хоревка: добрая треть ее жителей ведет род от Хоря и носит фамилию Хоревы, там же есть Хорев пруд и Хорев колодец. Есть и деревня Протасово, где жил помещик, который подарил своим дочерям землю, а они после этого выгнали его из дома («Степной король Лир»). Сам помещик Ярышев, послуживший прототипом «Степного короля Лира», похоронен на кладбище, что налево от ворот спасской усадьбы. На этом кладбище еще недавно можно было найти лежащий на могиле француза камень, что описан в рассказе «Льгов». Оно же, это кладбище, явно изобразил Тургенев в финале «Отцов и детей», рассказывая о могиле Базарова...

Для творческой работы Тургеневу всегда было «необходимо Спасское». Даже находясь там в ссылке, он писал: «Я ни одного мгновения до сих пор не чувствовал скуки...» Здесь Тургенев работал над пятью из шести своих романов, написал несколько стихотворений в прозе, ряд рассказов из «Записок охотника»... И не случайно сам он заметил: «...пишется хорошо только живя в русской деревне. Там воздух-то как будто «полон мыслей!»

Тургенев открыл в Спасском школу, где в 1870 году училось тридцать учеников, распорядился построить богадельню для престарелых слуг, передал Фету тысячу рублей на сооружение больницы в его деревне Степановке и построил в Спасском часовню Александра Невского, чтобы отвадить крестьян от спиртного...

Усадьбы типа Спасского действительно были не только «гнездами», где вызревали таланты, но и опорой, корневой системой всей нашей культуры вообще. Увы, сегодня, даже превращенные в музеи, они уже не являются ее теплыми очагами. Нет, музей в Спасском не страдает от нехватки экскурсантов — в прошлом году он поставил собственный рекорд — 218 тысяч посетителей. Но вот только что стоит за подобными цифрами? Ведь связь духовной и материальной жизни — не в колонках отчетных ведомостей. И не в той «формуле», что не то в шутку, не то всерьез рассказали мне в Спасском: «Раз надои молока на ферме низкие, значит, музей виноват — плохо работает».

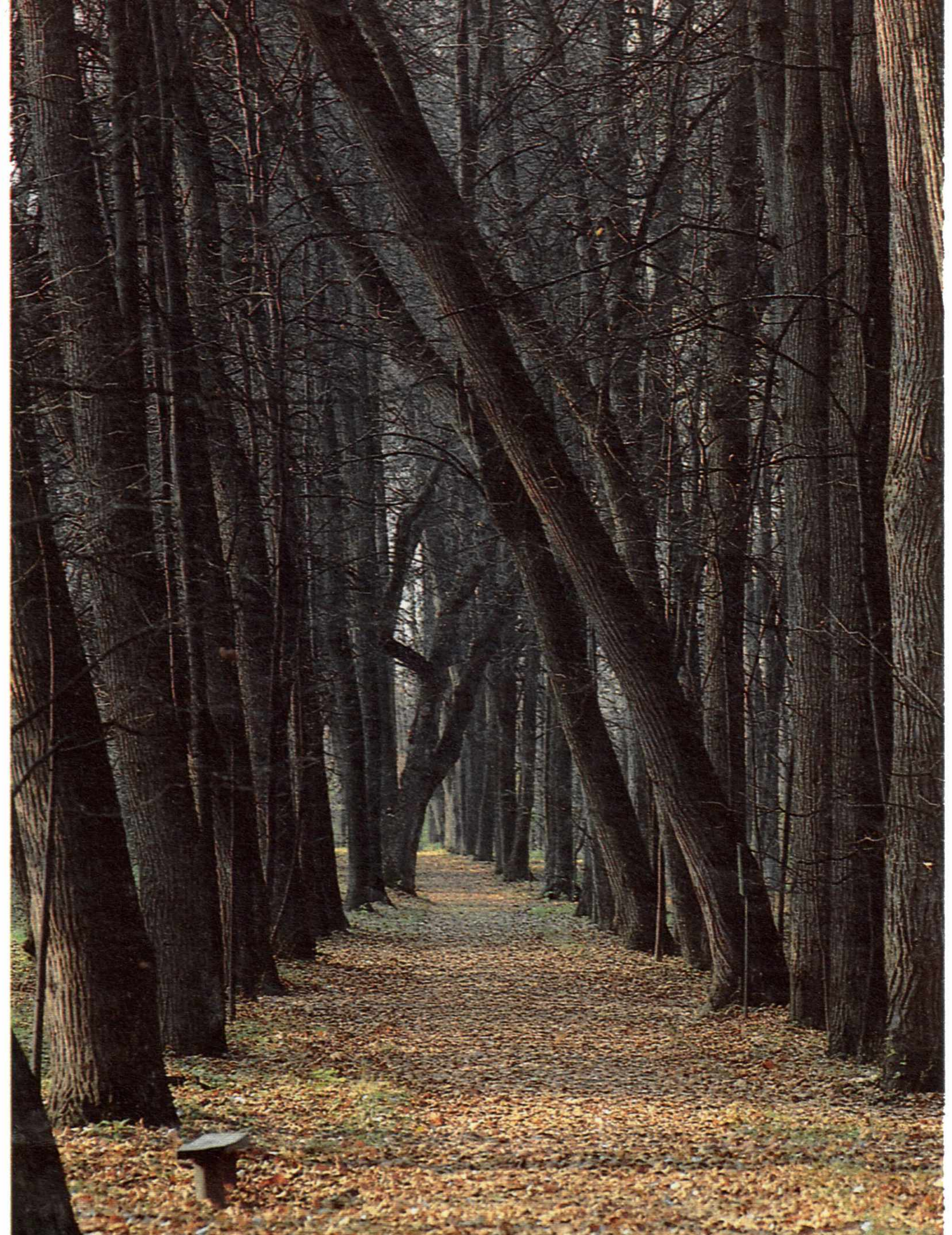
Панорама сегодняшней нашей провинциальной культуры довольно мрачная. И лишь старания отдельных людей, подвижников, не дают ей умереть в селах и деревнях. Я расспрашивал Богданова о Тургеневе, о музее, о Спасском, а разговор постоянно возвращался все к этой же теме, и мой собеседник все сокрушался, «как же сегодня неблагополучно у нас с культурой».

Хотя директор спасского музея Николай Ильич Левин жаловался мне, что усадьба требует ремонта, дом рушится, все же не в самом уж плохом состоянии находится этот музей. Любил Тургенев устраивать праздники, большие народные гулянья в парке. Эту традицию, идущую еще с XVIII века, сегодня в Спасском пытаются возродить: в июне на Бежином лугу в тринадцати километрах от имения теперь регулярно проходит Тургеневский праздник. По следам Тургеневских чтений, впервые прошедших в этом году, должен появиться сборник «Спасский вестник», как бы продолжая идею выпускавшегося при жизни писателя в усадьбе рукописного альманаха.

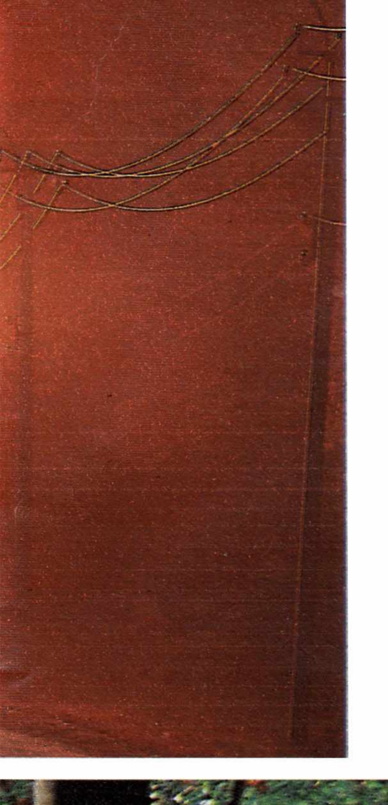
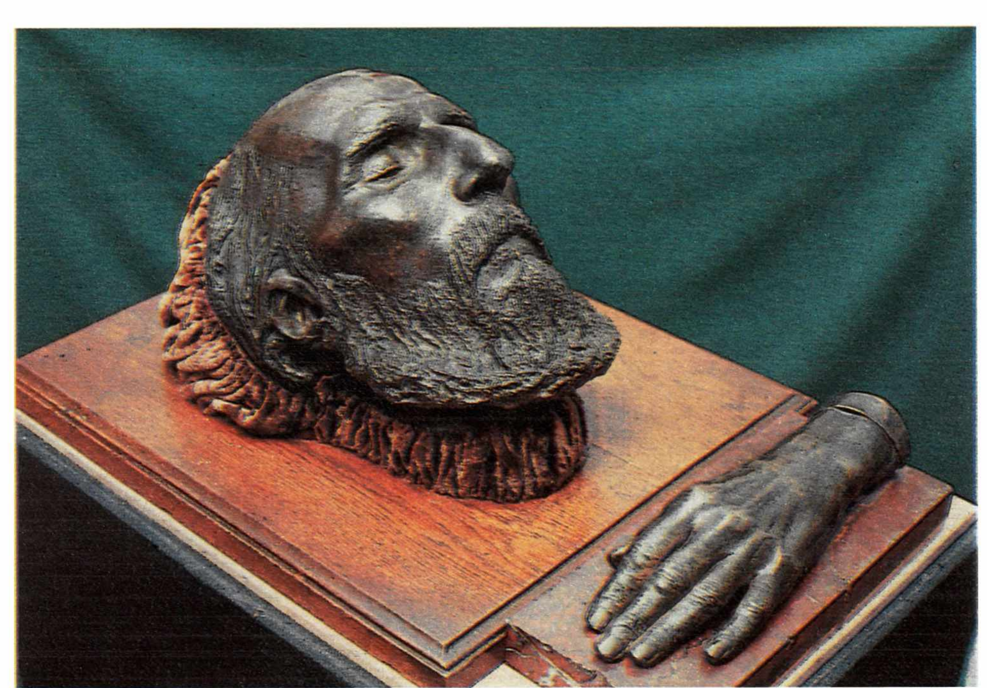
И все же сам дух этой некогда ярко расцветшей усадебной культуры сберечь не удалось. Сколько таких усадеб — некогда блестящих «дворянских гнезд» — потеряно безвозвратно! А ведь, быть может, именно здесь пришел Тургенев к понятию России, которая «без каждого из нас обойтись может», но без которой «никто из нас не может обойтись...»

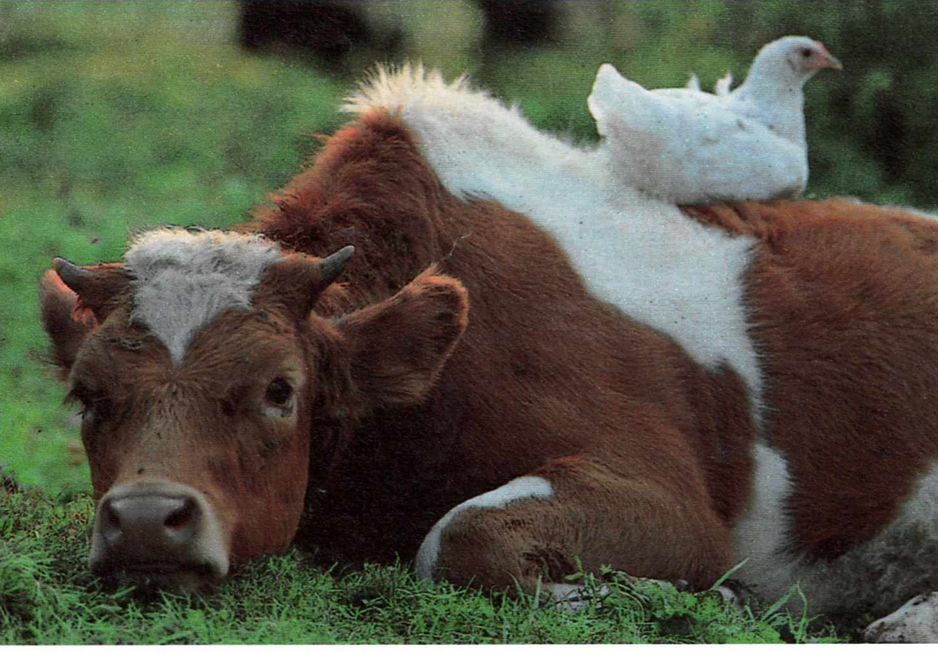
Никита КРИВЦОВ

Фото Виктора ГРИЦЮКА

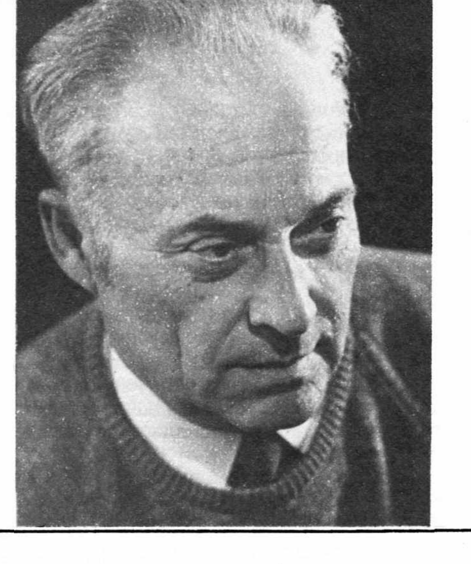

Анатолий РЫБАКОВ

Главы из романа

СТРАХ

Роман «Страх» я начал писать как вторую книгу романа «Тридцать пятый и другие годы». Вскоре стало ясно, что это самостоятельное произведение, продолжающее цикл, начатый «Детьми Арбата»: человеческие судьбы на фоне трагических событий тех лет. Я старался уйти от хроникальности «Тридцать пятого», вызванной тем, что главный мой герой пребывал в одиночестве в ссылке, в глухой сибирской деревне, и потому сюжетные линии сместились в Москву, в центр событий политических. В новом романе я вернулся к беллетристичности (ничего худого в этом слове не вижу) «Детей Арбата». Однако если в «Детях Арбата» преобладают сцены московской жизни, то в «Страхе» — жизни провинциальной. У Саши Панкратова окончился срок ссылки, и, не имея права жить во многих городах, он скитается по стране. Перипетии его скитаний, встречи с людьми из разных слоев общества в ситуациях порой весьма драматичных, опасности, которым он подвергается из-за преследований беспощадного аппарата власти,— такова фабула романа, действие которого происходит в тридцать седьмом году. Дьявольская мистификация «заговора военных», повлекшая за собой уничтожение командного состава армии, нащупывание контактов с Гитлером, приведшее в итоге к соглашению 1939 года,— это сюжетные линии другого героя романа — Иосифа Сталина. Надеюсь, они привнесут новые черты в портрет этого персонажа. Полностью роман «Страх» будет опубликован в этом году в журнале «Дружба народов».

1

Поезд подходил к Москве. Пассажиры укладывали вещи, проводник подметал проходы, всем мешал и вдобавок грубил.

Саша подышал на оконное стекло, протер рукой, увидел голые заснеженные поля, перелески, пустые дачные платформы — с детства знакомый, щемящий сердце подмосковный пейзаж.

Что ожидает его в Москве?

Мама не удержится, заплачет, если он позвонит по телефону, скажет чтонибудь неподходящее, назовет его по имени, могут услышать соседи, могут и случайные люди находиться в квартире, а возможно, там уже поджидают его. Даже если все спокойно и мама скажет: «Приезжай»,— как он пройдет через двор, как поднимется по лестнице? Если его увидит один, об этом узнают все.

Позвонить Варе, а уж она пусть позвонит или сходит к маме? Но там Нина. Нина, конечно, не побежит доносить. И все же... А что Варя скажет маме? Что он в Москве, на вокзале, не знает, как повидать ее? Нет, не годится.

Заехать к теткам? Но как отнесутся к его визиту их мужья, их дети, его двоюродные братья и сестры? Изменилось время, изменились люди, ни у кого он не может остановиться, даже зайти ни к кому не может. За нарушение паспортного режима будет отвечать не только он, но и те, кого он посетил: почему не сообщили, что такой-то, Панкратов Александр Павлович, находился в Москве? Даже позвонить нельзя — почему не доложили? Покрывали, помогли нарушить паспортный режим!

Ни к кому он не пойдет, никому не позвонит. Уедет из Москвы, и возможно быстрее. С поезда на поезд. Куда? Калинин — нережимный город, близко от Москвы, и есть знакомая — Ольга Степановна, жена Михаила Михайловича Маслова, приезжавшая в Мозгову. Маленькая зацепочка, но зацепочка. Адрес есть, он сообщил ей, что произошло с Михаилом Михайловичем,— горестное получилось письмо, но отослал, выполнил свой долг. Теперь есть повод заехать: получила ли она письмо, что с мужем? Может быть, посодействует снять комнату или угол. А завтра из Калинина он позвонит маме.

Единственный вариант! Законный, безопасный, он ничем не рискует, никого не подводит. Ленинградский вокзал на другой стороне площади, и вдруг повезет: сразу будет поезд на Калинин.

В толпе приезжающих и встречающих Саша протолкался по перрону и вышел на Комсомольскую площадь.

Москва, черт возьми, Москва! Он в Москве. Трамвай подошел к остановке, и дрогнуло сердце: 4-й номер, родной, можно сказать, трамвай, на «четверке» он всегда добирался на площадь трех вокзалов. Какая-то бабка, с внуком, что ли, сошла где не полагается — с задней площадки, счастливые люди, ничем не обременены, ничего не боятся, ни о чем не волнуются, живут нормальной человеческой жизнью, ездят на трамваях, на машинах. Да... Машин вроде стало побольше, а в остальном ничего здесь не изменилось: те же ларьки, те же киоски, те же часы со знаками зодиака на башне Казанского вокзала. Сколько раз он бывал на этой площади, сколько раз ездил по этим дорогам в пионерские лагеря, на дачу, знал ближайшие станции и платформы.

А здесь, за углом, должна быть будка чистильщика обуви, старого усатого айсора. Стоит будка, стоит, и айсор сидит, как и прежде, на низкой табуретке, жив старик! Саша улыбнулся ему, айсор не понял, приоткрыл дверь:

— Почистим?

— В следующий раз.

Но как только он вышел на площадь, им снова овладел страх: зря лезет на рожон, не имел он права приезжать в Москву. Вдруг здесь, как и в Тайшете, патрули на вокзалах проверяют документы? Эй, гражданин с чемоданчиком, покажите-ка паспорт! И опять закрутится все сначала. На каком основании приехал в Москву? Проездом? Тогда должен быть транзитный билет, а вы нам что показываете? Опять нарушаете закон, опять за старое принимаетесь, следуйте за нами!

Задумавшись, Саша случайно толкнул какого-то военного, тот громко обругал его, тут же остановились несколько человек, сейчас позовут милиционера. Самый ничтожный повод, любая случайность могут подвести его под монастырь. Извинившись, он ускорил шаг, почти бегом пересек площадь, вошел в здание Ленинградского вокзала. Унизительно! Противно! Отдышавшись, нашел нужную кассу, поезд на Калинин отходил через три часа, билеты продавались свободно, он купил билет и с облегчением вздохнул: теперь у него два билета — один из Свердловска в Москву, другой из Москвы в Калинин. Билеты подтверждают, что он пересаживается с одного поезда на другой и, следовательно, закона не нарушает.

И то, что он сразу успокоился, еще сильнее испортило настроение. Он трусил, подъезжая к Москве, трусил, пересекая площадь, трусил, подходя к кассе, опасался, что нет билетов на Калинин и ему придется сидеть на вокзале бог знает сколько времени. Неужели так он будет теперь жить? Прятаться по углам, вздрагивать при каждом взгляде, озираться по сторонам, опасаться каждого встречного?

Нет, что-то нашло на него. С этим надо справиться, иначе он пропадет, превратится в дерьмо. Взять себя в руки! Почему он не имеет права позвонить домой? Кто может запретить?

Саша снова вышел на площадь, нашел автоматную будку, бросил в отверстие монету.

Раздались длинные гудки, потом он услышал мамин голос:

— Я вас слушаю.

И от звука ее голоса опять оборвалось сердце, мама здесь, рядом с ним.

— Мама,— сказал Саша,— не волнуйся. Это я, Саша. У меня все в порядке. Сейчас я на Ленинградском вокзале, еду в город Калинин, завтра буду тебе оттуда звонить.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила мама спокойно, нисколько не удивившись ни его звонку, ни тому, что домой он не заедет.

— Прекрасно!

— Когда у тебя поезд?

Он поражался ее выдержке.

— Через три часа.

— Я сейчас приеду.

— Что ты, мама, зачем?

— В какой кассе ты стоишь?

— Я уже взял билет.

— Жди меня у входа в вокзал. Я выезжаю.

— Мама!..

В трубке послышались короткие гудки.

Саша вернулся на вокзал, присел на свой чемодан недалеко от входа.

Трамвай прямой — № 4, и все равно, пока мама дойдет до остановки, пока дождется трамвая, пока доедет, пройдет час, не меньше.

Ему остается только ждать.

Иногда он вставал, выходил из вокзала, вглядывался в толпу людей, пересекавших площадь. Трамваи, шедшие из центра, останавливались на другой стороне. Там же и выход из метро. И на этой стороне тоже выход. Конечно, любопытно посмотреть метро, но уходить нельзя, можно разминуться с матерью.

Он думал о том, как стойко отнеслась мама к тому, что он не может заехать домой, примирилась с этим, не хотела обсуждать, чтоб не огорчать его. Как спокойно говорила с ним, ждала его звонка, ждала с того дня, как получила телеграмму из Красноярска, ждала две недели, пока он добирался до Москвы, возможно, не выходила из дому, не спала ночью, прислушиваясь к телефону, ведь он так и написал в телеграмме — «Буду звонить».

Она появилась неожиданно. Саша даже не заметил, как она подошла, только почувствовал чье-то прикосновение, мама прижалась к нему, беззвучно заплакала, ее била дрожь. Он обнял ее за плечи, поцеловал в голову, на ней был серый платок. Раньше, при нем, она носила черную котиковую шапочку, надевала ее чуть набок, так, чтобы виднелась белая прядь волос. Выносилась, видно, шапочка, а этот грубошерстный платок говорил о том, что его мать живет в бедности.

Потом она подняла голову, посмотрела на него долгим, глубоким, страдающим взглядом, губы ее опять дрогнули, и она опять припала к нему.

Обнимая мать за плечи, он ввел ее в помещение вокзала, нашел свободное место на скамейке, усадил, присел рядом на свой чемодан.

Она по-прежнему молча и отрешенно смотрела на него.

Саша улыбнулся:

— Мама, здравствуй! Ну, скажи хоть что-нибудь!

Она продолжала молча смотреть на него.

Улыбаясь, он провел ладонью по заросшей щетиной щеке:

— В поезде не побреешься, а на станциях жутко грязные парикмахерские.

Такие же или почти такие же слова говорил он ей тогда в Бутырке, перед отправкой. Этими же словами встречает сейчас.

— Приеду в Калинин, сегодня же приведу себя в порядок.

Она спросила:

— На сколько лет у тебя минус?

— Минус срока не имеет.

Она открыла сумочку, вынула конверт:

— Здесь деньги для тебя, пятьсот рублей.

— Так много?! Оставь половину себе, прошу тебя.

— Нет, даже не говори об этом, тебе их переводил Марк, они лежали на сберкнижке, там осталось еще полторы тысячи, когда тебе понадобится, возьму.

Она взглянула на Сашу:

— Саша, я должна сказать тебе...— Она сделала паузу, вздохнула и, по-прежнему не отрывая от Саши напряженного взгляда, произнесла:— Марка расстреляли.

Саша ошеломленно смотрел на нее. Марка расстреляли?! Марка нет в живых?!

— Я не хотела тебе об этом писать. Его арестовали еще в августе. В Кемерове был суд...

Саша молчал. А она, все так же не сводя с него глаз, продолжала:

— Арестован Иван Григорьевич Будягин. Лену с Владленом и ребенком выселили из 5-го Дома советов в коммунальную квартиру.

Какие ужасные новости! Саша буквально на днях вспоминал Ивана Григорьевича, а он сидел уже в это время в тюрьме... Бедная Лена, бедный Владлен!

— Лена вышла замуж?

— Нет, она не замужем. Отец ребенка — Шарок, но они не живут вместе и, кажется, даже не видятся.

Софья Александровна помолчала, потом спросила:

— К кому ты едешь в Калинин?

— Там живет жена одного моего знакомого.

— У меня два адреса для тебя: один в Рязани — брата Михаила Юрьевича, он работает в облплане, Евгений Юрьевич, ты его должен помнить, он приезжал в Москву. Михаил Юрьевич предупредил его о тебе, и, чем можно, он поможет. Второй адрес — Уфа, там живет брат мужа Веры. Она ему тоже написала. Конечно, Рязань ближе, но посмотри. Главное, не отчаивайся, самое страшное позади. Как только устроишься, я буду к тебе приезжать.

Все продумали, все подготовили — мама, тетки, Михаил Юрьевич, ну и, конечно, Варя. Милые, наивные люди. Достаточно одного подозрительного взгляда какого-нибудь долдона в форме с малиновыми петличками — рухнут все их планы.

Но все равно, это счастье — иметь за спиной преданных людей.

— Ты по-прежнему работаешь в инвентаризационной конторе?

— Да. Сейчас я взяла отпуск.

Саша понял: взяла отпуск, чтобы сидеть дома у телефона и ждать его звонка.

Она достала из сумки пакет:

— Здесь кое-какая еда тебе в дорогу. Колбаса копченая, сало, конфеты.

— Ну зачем?

— Ничего этого в Калинине не купишь. И ты ведь сегодня не обедал.

— Ладно!

Все это она тоже берегла до его приезда.

— Что творится, Саша,— сказала Софья Александровна,— что творится! В нашем доме каждую ночь забирают.

— А что в Москве говорят о процессе?

— Говорят? — Софья Александровна усмехнулась.— Сашенька, сейчас никто ни с кем ни о чем не говорит, все боятся. Ночью шепнет что-нибудь муж жене на ухо, да и то накрывшись одеялом, чтобы стены не услышали. Знаешь поговорку: «И у стен есть уши...» Много иностранцев было на этом процессе. Лион Фейхтвангер был, послы сидели в зале, защитники, знаменитый Брауде держал речь... Не знаю, что тебе сказать,— она пожала плечами,— я только с Варей перекинулась парой слов, но Варя верна себе: «Вышинский — холуй, продажная шкура, и вообще все — ложь, все — липа, ссылаются на письма Троцкого, а потом выясняется, что Радек их сжег...»

Саша улыбнулся. Он помнил, как Варя обличала какого-то Лякина из ее класса: доносчик, подлипала. И потому сразу представил себе, каким сердитым было ее лицо, когда она ругала Вышинского. Умница *его* Варя, правильно сказала.

— Но большинство, Сашенька, мне кажется, верит. Психология толпы неустойчива: ее можно повернуть и в ту, и в эту сторону. Ты Травкиных помнишь, в нашем доме жили, старуха с дочерью... А старшая дочь — эсерка или меньшевичка — ее еще в 22-м году посадили... Так вот теперь, через 15 лет, выслали и старуху Травкину, и ее младшую дочь. За что? За связь с врагами народа. А этот враг народа — собственная дочь, которую она не видела 15 лет. И заметь: все квартиры забирают себе работники НКВД. Да, имей в виду, Юра Шарок работает в НКВД, большой чин.

— Я понял из твоих писем, что он там работает. Он все еще в нашем доме живет?

— Выехал. Получил новую квартиру. В старой остались отец, мать и брат его, уголовник, Володька, вернулся из лагерей, таких в Москве не прописывали, а его сразу же, да еще на Арбате, на режимной улице.

— Значит, нужный человек,— заметил Саша.

— Ужасный тип! Нахал, уголовная морда, идешь мимо него, так и ждешь — сейчас финкой пырнет. Между прочим, спрашивал насчет тебя.

— Да?

— С такой улыбочкой: «Сашеньку своего дожидаетесь?»

— А ты?

— Я ему: «Тебя дождались и Сашу дождемся». Даже не остановилась, на ходу бросила... Говорят, он в МУРе работает... Ну ладно, что я все о наших делах... Прости меня! Как ты?

— Прекрасно. Видишь — жив, здоров.

— Таких, как ты, преследуют, придираются к любой мелочи. Будь осторожней, Сашенька. Не вступай в споры, не конфликтуй. Кем ты собираешься работать?

— Как удастся. Лучше всего шофером. Кстати, ты мне права привезла?

— Да, да, конечно. Боже мой, чуть не забыла тебе отдать.— Она порылась в сумке, вынула конверт.— Здесь твои водительские права, вот твоя зачетная книжка, вот листок с адресами, о которых я тебе говорила, смотри, и профсоюзный билет, он уже просрочен, три года не плачены членские взносы.

— Ничего.— Саша взял конверт.— Все может пригодиться.

Он просмотрел документы: права — зеленоватые корочки, его фотография — совсем мальчишеское лицо, он в полосатой футболке — такие тогда были в моде, зачетная книжка со знакомыми фамилиями преподавателей, все предметы сданы, только дипломную работу не успел защитить.

— Вот еще твои документы,— продолжала мама, перебирая бумаги в другом конверте,— метрики, аттестат об окончании школы, билет какого-то спортивного общества...

— Этого ничего не надо,— сказал Саша,— пусть все будет у тебя, впрочем, погоди, метрики я возьму. Вдруг представится возможность получить паспорт заново, тогда метрики пригодятся.

— Я не хочу тебя огорчать, Сашенька,— сказала мама,— но у нас в квартире сложилась несколько напряженная обстановка. Галя претендует на маленькую комнату, не хочет считаться, что есть папина броня, следит за мной. Я даже боюсь, что она перехватывает твои письма и передает их куда следует. Пришлось повесить отдельный почтовый ящик. И когда ты будешь звонить из другого города, я бы не хотела, чтобы она подходила к телефону. Ведь знаешь, как телефонистка объявляет: «Вас вызывает Калинин... Вас вызывает Ленинград...» Поэтому давай каждый раз договариваться, приблизительно в какие часы ты будешь звонить, я буду возле телефона.

— Хорошо,— согласился Саша,— я только не знаю, в какие часы дают Москву.

— Я прихожу с работы в шесть часов и весь вечер сижу дома.

— Завтра я тебе обязательно позвоню после семи вечера, а потом будем договариваться. Ну и писать буду.— Он улыбнулся.— Все же дешевле.

— Конечно,— согласилась она,— зря деньги не трать. Пиши чаще, если можно, каждый день. Звони только в крайнем случае. Кстати, можешь писать Варе — она мне передаст.

— Ты боишься, что они меня будут искать?

— Да, боюсь. Они редко освобождают. Но если освобождают, потом берут снова. И возьмут не одного тебя, а и твоих друзей, и знакомых, даже просто сослуживцев. Такая у них система. Тебе будет трудно жить, Саша.

— Я это знаю. Но не беспокойся. Все будет в порядке.

— Дай Бог... Дай Бог...— тихо сказала она, и глаза ее снова увлажнились,— боже мой, за что, почему?

— Ладно, мама.— Он взял ее руки в свои, прижал к губам.— Ты должна радоваться, я жив, здоров, свободен, *свободен*, понимаешь? Мое счастье, что меня забрали тогда, а не сейчас, потому я так легко и отделался. Забери меня сейчас, я бы получил десять лет лагерей в лучшем случае. Так что радоваться надо. Будь спокойна, ни о чем не волнуйся. Я буду писать, не каждый день, каждый день навряд ли получится, но ни при каких обстоятельствах ты не должна волноваться. Со мной все будет в порядке.

Она молча слушала его, думала, потом сказала:

— Тетя Вера предложила: если будет крайняя необходимость, ты можешь приехать к ним на дачу на 42-й километр. Если зимой, то надо будет меня предупредить, чтобы они открыли дачу, дрова там есть. Давай придумаем условную фразу. Когда ты скажешь ее, я пойму, что надо предупредить Веру. Предположим: «Пришли мне свитер, я мерзну». Как ты считаешь?

— Отлично,— улыбнулся Саша,— я запомню: «Пришли мне свитер, я мерзну».

И это продумали: на случай, если ему придется сматываться откуда-то. Тетка молодец! Брат расстрелян, а она не боится прятать племянника.

— Отлично,— повторил он, подумав вдруг, что там бы мог встретиться с Варей.— Как Варя?

— Варя — славная девочка. Добрая душа. Я ее искренне люблю. Моя единственная поддержка, можно сказать. Все посылки тебе она отправляла: «Софья Александровна, вам тяжело, я сама отнесу на почту...» Трогательно, правда?

Саша кивнул головой:

— Да, конечно...

— Водила меня в поликлинику, приходила ко мне в прачечную, воевала с придирчивыми клиентами. С характером девочка. Это она заставила Нину уехать на Дальний Восток, а то бы Нину арестовали.

— Нину?

— Представь себе. Такая правоверная была. У них посадили директора школы, а она хорошо относилась к Нине, выделяла ее среди других педагогов, вот и закрутилось... Варя ей чемодан собрала, чуть ли не силой посадила в поезд и отправила к Максу. В общем, Варя молодчина. Но очень несдержанная: говорит что вздумается, никого не остерегается, страшно за нее, тем более защиты никакой нет — личная жизнь не сложилась...

— Что ты имеешь в виду?

— Выскочила замуж за бильярдиста, шулера, тот продавал ее вещи.

Саша встал с чемодана:

— Ноги затекли, надо постоять немного, и курить хочется.

Он был потрясен.

— Ты не возражаешь, если я выйду на минуту, сделаю пару затяжек?

— Иди, иди, я подожду.

Он вышел из вокзала, прислонился к стене. Вот и встретила его Москва... Марк расстрелян, Будягина, конечно, тоже расстреляют, но он не мог сейчас о них думать... Варя, Варя! Единственная радость, что светила ему. Девочка, тоненькая, стройная, танцевала с ним румбу в «Арбатском подвальчике», приглашала пойти на каток, нежная и чистая, спала, оказывается, с каким-то подонком-бильярдистом. А намиловавшись с ним, садилась за стол и писала: «Как бы я хотела знать, что ты сейчас делаешь...» «Нежная», «чистая» — все это он придумал, нафантазировал, томясь в ссылке, создал в своем воображении идеальный образ и молился на него, идиот. И домолился — влюбился в эту девочку. Впрочем, какую девочку? Чужую жену, как выяснилось, да еще и неразборчивую в своих привязанностях.

Он втоптал недокуренную папиросу в снег, вернулся на вокзал.

— Я тебя перебил, мама, ты рассказывала о Варе.

— Может, тебе неинтересно?

— Напротив. Я только не понимаю, почему она вышла замуж за того человека, если он шулер.

— Дурочка была, семнадцать лет, сирота, жила на медные деньги. А тут рестораны, шикарная жизнь, лучшие портнихи, лучшие сапожники, парикмахеры. Слава богу, что хоть вовремя спохватилась и прогнала этого прохвоста. Они ведь жили у меня, снимали маленькую комнату.

К тому же еще они жили в его квартире и спали на его постели! Зачем мама их пустила к себе, как она могла участвовать во всем этом?

— Ну и что было дальше?

— Что было дальше? Одумалась и выставила его. И тут началась мелодрама, он грозился застрелить ее из револьвера, выманил ночью из дома, пришел чуть ли не в маскарадном костюме, Варя смеялась, рассказывая: кепка надвинута на глаза, воротник плаща поднят... А она ему сказала: «Стреляй, стреляй, получишь за меня вышку!» Словом, выставила его и вернулась к Нине, но забегала ко мне почти каждый день. И когда видела, что я пишу тебе письмо, сразу: «Софья Александровна, дайте я тоже что-нибудь припишу Саше...» Добрая девочка, добрая и, знаешь, очень неординарная.

Добрая девочка, добрая девочка... Она и вправду добрая, и, наверное, действительно неординарная, и, видно, любит его маму, и он ей должен быть за это благодарен. Но он ее доброту принимал за нечто большее. С чего он взял? Из-за одной Вариной фразы «Как я хочу знать, что ты сейчас делаешь» он решил, что Варя любит его. Дурак! Есть ли еще на свете такие дураки? Строить свою жизнь в зависимости от одной фразы какой-то девчонки? Ах, идиот, идиот... В конце 34-го он получил то письмо с ее припиской, да, где-то в декабре получил. Он помнит, был морозный день, печка горела, пробивалось солнце сквозь маленькие оконца, а он, обезумев от радости, носился с тем письмом по комнате. Потом пришел Всеволод Сергеевич и объявил, что в Ленинграде убит Киров... Киров убит. Марк расстрелян. Всеволод Сергеевич исчез... Никого нет. И Вари тоже нет, выставила она своего бильярдиста или не выставила, какое это имеет значение теперь? Рухнул карточный домик, который он создал в своем воображении. Ну что ж, жизнь сурова во всем, сурова и в этом. Кончены иллюзии, кончены фантазии.

— Как отец? — спросил Саша.
Мама пожала плечами.
— Все так же... Приезжал, продлил броню. Впрочем, в марте она у него уже совсем кончается. Скорее всего переедет в Москву.— И, помолчав, добавила: — У него жена, дочь.
Так он и думал. Ничего этого ему мама не сообщала, ни о чем не писала, не хотела огорчать. Ах, мама, мама, родной человек, единственный. Как она будет жить, если вернется отец? Да еще вернется с новой семьей? Начнут разменивать комнаты, загонят мать в какую-нибудь халупу в Черкизово или Марьину рощу, где топят печки и готовят на керосинках. А он в это время, как заяц, будет петлять по России, не сумеет ни помочь ей, ни защитить ее.
— Я тебя прошу об одном, мама, не давай себя в обиду, когда вернется отец. Обещай мне это!
— Обещаю, и ты ни о чем не волнуйся.— Голос ее был ровен и тверд, значит, уже проигрывала этот разговор в уме.— Я тебе скажу больше: никуда я из нашей квартиры не двинусь. В конце концов это твой дом, и прежде всего я обязана думать об этом.
— Договорились! Именно это я и хотел от тебя услышать.
Он бодро улыбнулся, хотя чувствовал себя совершенно разбитым. Сесть в поезд и закрыть глаза — вот чего ему хотелось больше всего. Но мама не должна видеть его растерянности, его отчаяния. Для всех наступила новая жизнь, и для него тоже, и с этим маме надо примириться.
— Самое страшное у нас все-таки позади, мама. Если ты не будешь спокойной, то и я начну дергаться. А перспективы у меня совсем неплохие, работу я найду быстро, я в этом не сомневаюсь ни минуты.
Она молча смотрела на него, все смотрела и смотрела, и он понял, что слова его не достигают цели, что мысли ее сосредоточены только на одном, на том, что они снова расстаются.
— Ты не опоздаешь?
Саша посмотрел на стенные часы:
— У нас еще полчаса.
— Вокзальные часы всегда врут, может быть, пройдем на перрон?
Саша сверился со своими часами:
— Нет, все правильно. Успеем. Там холодно, а здесь тепло. Я не хочу, чтобы ты мерзла.
Он намеренно тянул время: никакой паники, все в порядке, все в норме.
— Что тебе прислать из одежды? — спросила Софья Александровна.
— Ничего абсолютно. У меня все есть. Я приеду в Калинин, осмотрюсь, освоюсь и тогда тебе сообщу.
Теперь он сам взглянул на часы. Встал, протянул руку маме.
— Надо идти к поезду...— Он обнял ее, поцеловал.— Мы с тобой еще поживем вместе, вот увидишь!
Она мелко закивала головой.
— Поезжай домой, я завтра позвоню.
— Я провожу тебя.
— Зачем тебе толкаться на перроне?
— Я провожу тебя.
Поезд еще не подошел. На перроне собралось полно народу, было ветрено, неуютно, люди нервничали, ругались — что же творится, что делается, несколько минут осталось до отправления, а поезд все не подают!
Наконец показались задние вагоны, изгибаясь, поезд приближался к платформе.
— Давай попрощаемся,— сказал Саша,— тебя тут задавят, а я побегу искать свой вагон.
— Нет, нет, еще рано! — Она засеменила за ним, проталкиваясь сквозь толпу.
У Сашиного вагона уже выстроилась очередь; проводница, разбитная, с подкрашенными губами, проверяя билеты, подгоняла пассажиров:
— Шевелитесь, граждане, шевелитесь!
И когда Саша протянул билет, мама ткнулась лицом в его пальто, обхватила руками. Саша быстро поцеловал ее в щеку — они всем мешали.
— Бабуля, да отпусти ты парня,— прикрикнула проводница,— не на век расстаетесь, а людям проход загораживаете!
Мама отошла в глубь перрона, прижалась спиной к фонарному столбу. Саша поднялся на площадку, встал в самом конце, чтобы никому не мешать, но так, чтобы ее видеть.
Раздался свисток, проводница втолкнула в вагон последнюю тетку из очереди, закрыла дверь.
Поезд тронулся, оставляя позади Москву, вокзал, фонарный столб, возле которого одиноко стояла его мама...

Саша не успел занять место в вагоне, примостился кое-как на краю скамейки.
То, что рассказала мама о Варе, он выслушал мужественно, ни один мускул не дрогнул на его лице, мама ни о чем не догадалась. Но сейчас, сидя среди чужих, незнакомых людей в тесном вагоне, который увозил его из Москвы, из его Москвы в чужой Калинин, он чувствовал себя опустошенным, разбитым, раздавленным. Свидание с мамой многого стоило ему, и теперь силы покинули его. Он прислонился к спинке скамьи и закрыл глаза. Рядом переговаривались соседи, гоготали парни, сидевшие напротив, резались в карты, но он ничего не слышал, мысли его перескакивали с одного на другое, он пытался разобраться в том, что на него навалилось.
Ко всему он был готов и только к тому, что случилось, готов не был.
Он не имеет права осуждать Варю. Она ничего не обещала ему, ничем не обязана, между ними не было произнесено ни одного слова любви, Варя не предала его, она ни при чем. Он придумал ее, вообразил. И все же сердце его кровоточило, он не мог смириться с тем, что какой-то шулер жил в его комнате, спал с ней на его диване, шарил по вечерам своей ручищей по стене у шкафа, искал выключатель, а потом, в темноте, наваливался на нее... О господи, впервые в жизни он ревновал, никогда не знал, что это такое, ну зачем ему это, он уже достаточно хлебнул всего, хватит с него, хватит!

2

В Калинине на вокзале Саша сдал чемодан в камеру хранения. Явиться с чемоданом к Ольге Степановне значило бы набиться на ночлег, да и соседи увидели бы, что к ней неизвестно откуда приехал незнакомый человек.
Ключ от чемодана Саша давно потерял, закрывал его на защелки. Но в камере хранения незапертый чемодан не примут. На привокзальной площади он нашел камень и сильно ударил им по защелкам. Они погнулись, открыть чемодан стало невозможно. Жаль, конечно, но зато примут на хранение, а потом починит в мастерской.
Приемщик нажал на одну защелку, на другую, чемодан не открылся. Саша получил квитанцию, спросил, как пройти на набережную Степана Разина, и вышел из вокзала.
Никогда раньше Саша не бывал в Калинине, думал: обычный областной город. И был приятно удивлен: чисто, красиво. Саша шел по главной, Советской, улице, пересек несколько площадей: Красную — с городским садом имени Ленина, Советскую площадь и Пушкинскую. На площади имени Ленина в особняках располагались городской Совет, городской комитет партии и театр.
Улица заасфальтирована, тротуары очищены от снега, ходит трамвай, бегут машины, те же, что и три года назад видел он в Москве: ГАЗ-АА, ЗИС-5, легковой газик,— и только возле здания горкома стояла новая легковая машина М-1, «эмка», а возле облисполкома — большой черный легковой автомобиль ЗИС-101, раньше он таких не видел, но о выпуске их читал.
Не Москва, но и не Канск, не Кежма, тем более не Тайшет. Идут люди, давненько не видел он смеющиеся лица, спокойная, безмятежная, нормальная жизнь.
И парикмахерская типично московская, с такими же креслами, зеркалами, тепло, уютно, зеленый фикус в углу.
Парикмахер постриг Сашу, побрил, сделал горячий компресс: приятно, черт возьми, жить цивилизованно. И вид теперь вполне приличный. Конечно, фетровые бурки смотрелись бы лучше, чем простые сапоги, но ведь и сам товарищ Сталин ходит в сапогах. Под пиджаком не рубашка, а грубый свитер, и пиджак потертый, да и брюки не лучше. Ладно, сойдет! В Мозгове он брился сам, стриг его Всеволод Сергеевич простыми ножницами, какой он парикмахер! А когда Всеволода Сергеевича отправили в Красноярск, и вовсе некому было стричь. Где, в каком лагере сейчас Всеволод Сергеевич, сколько лет дали? Ничего не известно, а хотелось бы что-то сделать для него, хотя бы денег перевести, посылку послать. Но справки об арестованных выдавали только родственникам. И то не всегда и не всем.

Дома на набережной Степана Разина тоже были старинной постройки, двух- и трехэтажные особняки с колоннами, но, видно, давно не ремонтировались, обветшали, штукатурка облупилась, и, судя по номеру квартиры — 11-а, было ясно, что особняк, который Саша искал, давно поделен на коммунальные квартиры.
Двор запущенный, захламленный, с сугробами снега, дверь подъезда прикрывается неплотно, на лестнице темно. Саша все же нашел квартиру номер 11-а, постучал в дверь с ободранной клеенкой, из которой торчали клочья ваты. Вышел мужчина странно одетый — нижняя рубаха, сапоги, галифе на подтяжках.
— Простите,— сказал Саша,— мне нужна Маслова.
Он вгляделся в Сашу:
— А вы откуда? Кем ей приходитесь?
Ряшка толстая, глазки поросячьи, смотрят недоброжелательно. Нагляделся Саша за эти годы на такие хари.
— Кем приходитесь? — грубо повторил мужчина.
— Никем. Я из Пензы, преподаю в музыкальном училище. По классу фортепьяно. Моя коллега — Розмаргунова Раиса Семеновна, узнав, что я еду в Калинин, попросила зайти к ее гимназической подруге Ольге, простите, забыл отчество...— Он порылся в карманах, вынул бумажку.— Ольге Степановне Масловой, передать привет и спросить, почему она ей не пишет. Узнать, жива ли она, здорова.
— Ну и что дальше?! Дальше что, спрашиваю.
— Ничего дальше, все.
Саша простодушно смотрел ему в глаза.
— Выехала она отсюда,— сказал мужчина,— давно выехала. А куда, не знаю.
И с этими словами захлопнул дверь.
Саша вышел на улицу. Все ясно. После убийства Кирова во всех городах подбирали подозрительных, а тут жена заключенного, начавшего еще с Соловков. Выслали, конечно, и Ольгу Степановну, или сама уехала куда-нибудь, где ее не знают, и ее квартиру или комнату взял этот лоб из органов. Небольшой, видно, чин, но чин. Как смотрел, поросячья морда! Думал, наверно, задержать или нет.
Пронесло!
А могло и не пронести. Предъявите документы! И показывает удостоверение сотрудника НКВД. Пройдемте в квартиру! Посмотрит паспорт... Ах, вот вы из какой Пензы... Понятно! И к телефону: приезжай, Вася, Володя, Петя, тут у меня птичка «из Пензы», разыскивает Маслову, ту самую... Давай, давай, приезжай! И пойдет! Откуда знаете Маслову? Вместе с ее мужем были в ссылке? Вы связной? На конвейер, в карцер, нагишом на мороз! Признавайся, стерва, кто, кроме тебя, Маслова и его жены, входит в организацию? На этом долдон мог бы выслужиться. Но что-то помешало. Может быть, девка тепленькая в постели, тут не до шпионов, не до врагов. Хрен с ними, с врагами!
Неосторожно он поступил, легкомысленно! Попер на квартиру к жене пребывающего в лагерях, а может, уже и расстрелянного контрреволюционера. Ведь Алферов его предупреждал: «Вам не надо в кучу, вам надо отделиться... Вам не нужны лишние связи, у вас вообще не должно быть никаких связей...» Выкрутился на этот раз, впредь будет умнее.
На улице стемнело. Саша подошел к фонарю, посмотрел на часы — без нескольких минут пять. Куда идти? Найти какой-нибудь гараж, спросить, не требуются ли шоферы? Уже поздно искать гаражи в незнакомом городе. И все равно явиться придется в отдел кадров, а там неизвестно, кто сидит,— опять нарвешься на такое вот мурло с поросячьими глазками...
Да, без знакомого человека не обойтись. Надо ехать в Рязань, к брату Михаила Юрьевича — Евгению Юрьевичу, славное имя Евгений Юрьевич, интеллигентное. Саша его смутно помнил, он приезжал к брату, они похожи друг на друга, но Евгений Юрьевич помоложе. Во всяком случае, хорошая рекомендация, верная, надежная, порядочные люди, и Евгений Юрьевич уже предупрежден. Если ему повезет и удастся сегодня ночью уехать, он завтра сможет быть в Рязани, туда поезд из Москвы идет каких-нибудь пять-шесть часов, не больше. В Москве с Ленинградского на Казанский — площадь перейти. Как только мама передала ему письмо от Михаила Юрьевича, надо было тут же переменить планы и ехать в Рязань. Почему он так не поступил? Потому что уже купил билет в Калинин? Боялся, что не будет билета в Рязань и ему придется еще несколько часов торчать в Москве? Опасался, что его внезапное решение встревожит маму, она поймет, что, в сущности, ему некуда ехать, что никакой серьезной зацепки у него в Калинине нет? А может быть, торопился поскорее убраться из Москвы, боялся торчать даже на вокзале?
Хотелось есть. С утра крошки во рту не было. А пакет с мамиными продуктами в чемодане. Придется ехать на вокзал и там решать, как быть.
Через Калинин в Москву проходило несколько поездов, но билеты продавали только по брони. Единственный прямой поезд Калинин — Москва будет завтра в восемь утра, билеты начнут продавать в шесть. И еще одна неожиданность: вокзальный ресторан на ремонте — перекусить негде. Взять из камеры хранения чемодан, вынуть мамин пакет? Но для этого придется сломать запоры, и обратно чемодан на хранение не примут, таскайся с ним до утра.
Саша вышел на Советскую улицу. И хотя Калинин ему днем понравился, шататься вечером по чужому городу не хотелось: муторно, неуютно, одиноко. Где же поесть-то?
Он увидел вывеску: «Кафе-столовая». За освещенными окнами народу много, люди входили и выходили, не пьянь, не бляди, обыкновенные люди. На двери надпись: «Открыто с 9 до 19 часов», сейчас — шесть, успевает.
Саша вошел, разделся, прошел в зал, довольно большой, тесно уставленный столиками, каждый на четыре человека, столики стояли даже на эстраде для оркестра, значит, музыки не будет, обыкновенная столовая, но с буфетом в углу, торгующим напитками, потому и называется «Кафе».
Все было занято, только за столиком недалеко от двери Саша увидел свободное место. Рядом с пожилой, интеллигентной, бедно одетой, видимо, супружеской парой сидел средних лет мужчина при галстуке, с сухим, хмурым

Рисунок Левона **ХАЧАТРЯНА**

и неприятным лицом. Эдакий желчный хмырь, чем-то похожий на того подонка в галифе, который живет в квартире Масловой. И хотя тот толстомордый, с поросячьими глазками, а этот худощавый и в очках, сразу видно — одной породы, одного помета, носители власти, большей или меньшей, но равно безнаказанной.

Саша взялся за спинку стула:

— Разрешите?

Женщина растерянно улыбнулась, взглянула на мужа, тот ответил:

— Пожалуйста.

Хмырь промолчал.

Саша сел.

По узким проходам между столиками официантки носили еду на подносах, убранную со столов посуду, торопились — дело шло к концу. Гардеробщик запирал за выходящими дверь, никого больше не пускал: Саше повезло, еще бы минут десять — и не попал бы сюда.

Подошла официантка, принесла хмырю второе блюдо.

— Я еще первое не доел, заберите!

Сказано это было приказным, хамским, не терпящим возражения тоном.

— Кухня торопится,— не забирая тарелки, спокойно ответила официантка.

Была она хорошо сложена, стройная брюнетка с высокой грудью, смугловатым лицом и безразличным, холодным взглядом чуть выпуклых серых глаз.

Покосилась на Сашу.

— Кафе закрывается.

— Я быстро. Накормите, если можете.

Она опять покосилась на Сашу, на секунду задержала взгляд, короткий, изучающий, протянула карандаш к записной книжке.

— На первое остались щи, суп куриный с лапшой, на второе — тефтели с макаронами.

— Щи и тефтели. Если можно, компот или кисель.

— Хлеб — белый, черный?

— Черный.

— Пить будете?

— Пить... А-а... Нет, спасибо...

— Получите, пожалуйста, с нас,— попросила женщина.

Официантка подсчитала в книжке сумму, назвала цифру.

Мужчина вынул бумажник, расплатился.

Официантка сунула блокнот и карандаш в карман белого передничка и пошла к кассе.

Супруги допили компот, поднялись, женщина, опираясь на палку, опять жалко и приветливо улыбнулась Саше.

— Приятного аппетита,— сказал ее муж,— будьте здоровы.

— Всего хорошего, до свидания,— ответил Саша.

С хмырем они не попрощались. И Саша подумал, что, наверное, до его прихода тот нагрубил им, этим и объясняются тягостная атмосфера за столом, испуганные глаза женщины, ее жалкая улыбка, их приветливое обращение только к Саше.

На столе, покрытом несвежей скатертью, осталась неубранная посуда, в середине высилась ваза с бумажным цветком, вокруг нее четыре фужера и четыре рюмки, знак того, что здесь все же кафе.

Хмырь доел суп, отодвинул тарелку, задел фужер, тот упал и разбился. Хмырь брезгливо поморщился и как ни в чем не бывало принялся за второе блюдо.

Подошла официантка убирать посуду, увидела разбитый фужер, вопросительно посмотрела на них.

Хмырь кивнул на стулья, где только что сидела супружеская пара:

— Они разбили.

Официантка оглянулась, но в гардеробной уже никого не было.

— Люди,— качнула она головой,— теперь с меня вычтут.

Хмырь спокойно ел тефтели.

— Вы считаете это справедливым? — спросил его Саша.

— Чего, чего? — насторожился хмырь.

— Я спрашиваю, вы считаете справедливым, чтобы официантка платила за разбитый вами фужер?

— Перестаньте глупости болтать,— ответил тот, продолжая есть.

Официантка выжидательно смотрела на них. В ее серых холодных глазах мелькнул интерес.

— Это вы разбили фужер.— Саша с ненавистью смотрел на его казенное лицо.

— Повторяю: перестаньте болтать глупости и не нарывайтесь на скандал.

Скандал не нужен был Саше, он хорошо это понимал. Но в этом непробиваемом чиновничьем лице, в этой наглой вседозволенности вдруг воплотились все перенесенные им обиды и унижения. Эта сволочь о т т у д а, частица машины, которая безжалостно перемалывает людей, мучает их, преследует и унижает, на черное говорит белое, на белое — черное, и все безнаказанно сходит с рук. Но этому не пройдет, этот жидковат...

Саша отодвинул тарелку, наклонился вперед, медленно и членораздельно произнес:

— Ты, падла, думаешь, она за тебя будет платить? Я тебе, сука, сейчас это стекло в глотку вколочу, мать твою...

Хмырь испуганно отпрянул, но тут же овладел собой.

— Вы нецензурно выражаетесь... В общественном месте,— он указал на официантку,— будете свидетелем.

— Свидетелем?! — невозмутимо ответила та.— Это не он, а вы нецензурно выражались, своими ушами слышала.

Хмырь огляделся по сторонам, официантки уже убирали скатерти с дальних столиков, в гардеробной одевались последние посетители.

— Сколько стоит фужер? — спросил Саша.

— Пять рублей,— ответила официантка и улыбнулась. От улыбки лицо ее стало милым и привлекательным.

— У тебя чего, Людка? — остановилась возле них толстая официантка, держа в руках кучу скатертей.

— Да вот гражданин разбил фужер, а платить не хочет.

— А ты милиционера позови, пусть акт составит.

Милиционер, акт, только этого Саше не хватало. Но, видно, и хмырю нежелательно было появление милиционера.

— Сколько с меня?

Официантка подсчитала, назвала сумму.

— Покажите!

Она протянула листок.

Хмырь проверил, бросил на стол, швырнул туда же деньги за обед, добавил пятерку, встал и вышел в гардеробную.

Собирая со стола посуду, официантка еще раз улыбнулась:

— Не дали вы человеку дообедать.

— Не умрет,— ответил Саша.

— Ешьте спокойно, не торопитесь.

Снова бросила на Сашу косой взгляд и вдруг спросила:

— Как тебя зовут-то?

— Саша.

— А меня Люда. Сейчас второе принесу.

Вскоре она вернулась с двумя тарелками, поставила на стол.

— И я, Саша, с тобой пообедаю, не против?

— Ну что ты, рад буду.

Она села.

— Приезжий, что ли?

— Почему так решила?

— Никогда тебя здесь не видела.

— Да, приезжий, из Москвы.

— В командировке, значит?

— Нет, хотел устроиться на работу, да нет ничего подходящего, уезжаю.

— В Москве работы не хватает?

— Мне там жить негде.

— А жена, детки?

— С женой разошелся, деток нет.

— Какая у тебя специальность?

— Шофер.

Она снова покосилась на него:

— А уезжаешь когда?

— Хотел сегодня, но поезд будет только завтра утром.

— И куда едешь, если не секрет?

— В Рязань, думаю.

Саша допил компот, отставил стакан.

— Сколько с меня?

— Ты что ел?.. Щи, тефтели, компот... Рубль тридцать.

Саша вынул бумажник, положил деньги на стол... Конверт с мамиными деньгами лежал у него в другом кармане.

— Ну, все,— сказал Саша,— спасибо тебе.

— Куда торопишься? Поезд у тебя утром. Где ночуешь-то?

— На вокзале.

— Тем более чего торопиться?

— Так ведь закрываетесь.

Она засмеялась.

— Ну и закроют тут нас с тобой. Утром выпустят.

Она доела, отодвинула тарелку, потом деловито спросила:

— Ты мне правду рассказал или наврал?

— Про что?

— Про себя.

— Не веришь?

— Похож на интеллигента, а язык блатной.

— Боишься, из тюрьмы удрал? — Он усмехнулся.— Нет, ниоткуда я не удирал,— он похлопал себя по пиджаку,— паспорт здесь, и водительские права здесь.

— А почему за меня заступился?

— Сволочей не люблю.

— Значит, ты за справедливость?

— Да,— серьезно сказал Саша,— я за справедливость.

Она подумала, потом спросила:

— Хочешь пойти со мной на именины?

— К кому?

— К подруге моей, Ганне.

— Ганне... Она что, полячка?

Люда опять засмеялась:

— Полячка! Агафья она... А когда из деревни в город переехала, стала Ганей, а потом Ганной, так еще лучше.

— И что у нее сегодня?

— Говорю тебе: именины. День ангела.

— А кто у нее будет?

— Гости будут, подруги. А тебе что? Ты со мной придешь.

— Видишь, как я одет. А вещи в камере хранения.

— Ничего, хорошо одет. Красивый! Ночью с вокзала гонят, а так хоть в тепле посидишь.

Идти не хотелось. Но то, что с вокзала гонят, меняло ситуацию. Действительно, хоть в тепле посидит.

— Ладно! Пойдем.

Не вставая со стула, она кивнула головой на дверь:

— Выходи направо, на втором углу поверни в переулок, там меня и жди.

Она привела его на окраину города. На темной улице над обледенелой колонкой светился одинокий фонарь.

— Осторожно, здесь скользко, дай руку.

Саша дал ей руку, она сняла варежку, пальцы были теплые, а его — холодные.

— Замерз?

— Нет, все в порядке.

— Скоро придем.

Они свернули на протоптанную в снегу дорожку, шли теперь мимо глухих деревянных заборов, плотно закрытых ворот, одноэтажных домиков, осевших от времени, будто вросших в землю. Из окон, затянутых занавесками, пробивались полоски света.

Возле одного дома остановились, поднялись на крыльцо, Люда кулаком постучала в дверь.

— Гуляют, совсем оглохли.

Она постучала еще раз. Послышалось, как внутри дома хлопнула дверь, мальчишеский голос спросил:

— Кто там?

— Коля, это я, Люда, открой!

Мальчишка лет пятнадцати впустил их в сени, задвинул задвижку и, не поздоровавшись, вернулся в комнату. Стены осветились на мгновение. Саша успел увидеть только шубы и пальто на вешалке. Но тут же снова метнулась полоска света, из комнаты вышла высокая худощавая женщина.

— Ты, Люда?

— Я.

— Коля, чертенок, оставил вас в темноте.

Она открыла дверь в освещенную кухню, стоял там большой кухонный стол с керосинками и кастрюлями.

— Раздевайтесь, входите.

— Давно сидите? — спросила Люда.

— Еще сухие.— Женщина рассмеялась, была под хмельком, выглядела старше Люды, лет, наверно, тридцать пять, лицо породистое, но черты его стертые, потерявшие четкость: видно, попивала.— Заходите!

Вслед за ней Люда и Саша вошли в комнату с низким потолком. За столом, уставленным бутылками и тарелками с закуской, сидели трое мужчин и одна женщина. Сбоку примостился Коля, сын хозяйки, поразительно похожий на мать — такие же зеленые глаза, такой же точеный нос, только волосы потемнее.

— Знакомьтесь, мой приятель Саша,— объявила Люда и представила ему хозяйку: — Это Ангелина Николаевна, ты ее уже видел.

Ангелина Николаевна протянула Саше руку.

— А это Иван Феоктистович, хозяин.

Человек могучего сложения, с проседью в волосах коротко глянул на Сашу, как бы отмечая таким образом факт знакомства, и продолжил разговор с соседом.

— А вот и именинница — Ганна, поздравь ее с днем ангела.

— Поздравляю.— Саша пожал руку краснощекой, сдобной девице.

— Глеб! Леонид!

Саша каждому кивнул головой, но Леонид, не обращая на него внимания, продолжал разговаривать с Иваном Феоктистовичем. Глеб, коренастый, широкогрудый парень, приветливо улыбнулся, обнажив белые блестящие зубы.

— Очень приятно.

Люда развернула сверток, протянула Ганне:

— Примерь. Тебе, с днем ангела.

Ганна отодвинулась от стола, сняла туфли, надела новые, постояла в них, прошлась по комнате.

— Ну что?

— Хорошо вроде.

— Ну и носи на здоровье.

— Ладно,— сказала Ангелина Николаевна,— Люда, Саша, садитесь.

Они сели на край скамейки, вплотную друг к другу, места было мало, чуть отклонившись, Люда сделала вид, будто еще подвинулась:

— Садись удобнее.

Саша придвинулся ближе, они соприкасались теперь ногами, бедрами, плечами...

...Все выпили, и Саша, и Люда выпили.

Что это все же за дом? Простой кузнец и совсем не простая, видимо, из «бывших», женщина с сыном. Что свело их? Угадывалась за этим необычная, а может, обычная теперь судьба. Видно, для Ангелины Николаевны этот дом и этот кузнец — спасение от катка, который давит насмерть таких, как она, и, вероятно, уже раздавил ее мужа, ее близких, и она спаслась за спиной простого рабочего-кузнеца, взяла, наверно, его фамилию, затерялась с сыном в гуще народной. И за это спасение благодарна ему и, наверное, искренне любит. Сидя с этими людьми, Саша прикоснулся к прошлой, дотюремной, доссылочной жизни. Среди нормальных, обыкновенных, простых людей сам себя чувствовал свободным человеком. Конечно, у него проблемы работы, жилья, прописки, еще много чего сложного впереди. Но сейчас он наконец на свободе, на свободе, черт возьми! За ним не следят, не требуют документы, не спрашивают, кто он такой и откуда. Сидит парень, Людин приятель, и никому, кроме Людки, нет до него дела. Люда, конечно, появлялась тут и с другими мужиками, а вот сейчас с новым. И оставит его здесь на ночь. И он останется. Вари нет, была фантазия, возникшая в его сибирском одиночестве. Он теперь свободен во всех смыслах и по всем статьям. И пусть будет Люда: клин клином вышибают. После месяца мучительного пути по тайге, ночевок на вокзалах, мыканья в поездах ему хотелось теплой постели. Выспаться! Хоть одну ночь не на вокзале, не в общем вагоне, привалившись к жесткой деревянной стенке.

— Давайте споем, — предложила Ганна.

Легко на сердце от песни веселой,
Она скучать не дает никогда,
И любят песню деревни и села,
И любят песню большие города.

Люда и Глеб подтянули:

Нам песня строить и жить помогает,
Она, как друг, и зовет, и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет...

Вместо слов «кто с песней» Глеб пропел: «И кто с поллитрой по жизни шагает...»

— Не мешай! — одернула его Ганна.

— Хорошая песня,— сказал Саша Люде.

Люда сняла руку с его плеча, посмотрела в глаза, тихо спросила:

— А ты что, не знаешь ее?

— Нет.

Она отвернулась, помолчала, потом опять посмотрела на него, тихо, но внушительно произнесла:

— А коль не знаешь — молчи!

Он понял свою ошибку: эта песня появилась, когда он был в ссылке, все ее знают, он один не знает, вот и выдал себя. Люда оправила на себе платье и этим движением отстранилась от Саши, спросила Ангелину Николаевну о какой-то женщине, что работала вместе с ней в ателье, и Ганна вступила в их разговор.

Рухнуло ощущение, что он такой же, как и все, «простой советский человек». Нет, не такой же! Любое неверное, невпопад сказанное слово выдает его...

...Саша посмотрел на часы. Половина второго. Как добираться до вокзала, трамваи ночью не ходят.

— Чего, дорогуша, на часы смотришь? — спросил Глеб.

— Мне на поезд,— ответил Саша.

— Куда едешь?

— В Москву.

— Поезд в восемь, успеешь. Мы тебя подбросим. Леонид, когда за тобой машина придет?

— В два часа велел.

— Довезем Сашу?

— Довезем.

Поодаль от дома стоял грузовой «газик», покрытый тентом,— дежурная машина, такие бывают в каждом гараже.

— Куда сначала, на вокзал? — спросил Леонид.

— Сначала меня завези,— приказала Люда.

— Так ведь в сторону.

— Трудно тебе? Или бензина жалко?

Леонид что-то проворчал и сел в кабину.

Глеб подтянулся на руках, перемахнул через борт, помог подняться Люде и Ганне, те сразу плюхнулись на скамейки, которые стояли по бокам кузова, последним взобрался Саша.

Ганна привалилась к плечу Глеба, задремала или сделала вид, что задремала, чтобы не ссориться больше с Людой.

Люда мрачно молчала. Молчал и Саша. Все было безразлично. Сидел в темноте, прикрыв глаза, ни о чем не думая.

Они долго кружили по темному городу, наконец, машина остановилась. Люда откинула заднюю полость брезента, огляделась.

— Так, приехали.

Она встала.

— Саша, помоги мне.

Саша не двигался с места.

— Ну, выйди из машины, помоги женщине.

Саша выпрыгнул из кузова, подхватил Люду на руки.

— Езжайте! — крикнула Люда.

Приоткрыв дверцу, Леонид выглянул из кабины.

— Езжайте, езжайте! — повторила Люда и махнула рукой.

«Письма из глубинки СССР». Под таким названием в начале этого года во Франции издательство «Галлимар» выпустило в свет книгу писем читателей «Огонька», подготовленную и представленную французской публике известным советологом Ирэн Комо-Руфэн. На выход книги французская пресса откликнулась многочисленными публикациями.

Lettres des profondeurs de l'U.R.S.S.
Le courrier des lecteurs d'Ogoniok
Présenté par Irène Commeau-Rufin
Collection Témoins / Gallimard

«Фигаро», статья известного общественного деятеля Макса Клюра: «Я в восторге от этой книги. Ирэн Комо-Руфэн реализовала свою идею представить селекцию писем, опубликованных в советском журнале «Огонек» с середины 1987 года до середины 1989 года. Это фактическое погружение в суть СССР. Во всех письмах читателей тон очень прямой, задушевный, конкретный и очень часто агрессивный, но какое большое количество информации! За несколько часов чтения вы узнаете больше о глубинке России, чем из всех репортажей журналистов и научных анализов специалистов».

«Котидьен де Пари»: «Огонек» в 1986 году получал 1000 писем в месяц, а теперь получает их в 5 раз больше, с тех пор, как люди имеют возможность свободно выражаться. Эти письма — очень хороший показатель того, что в системе мало что изменилось. Так, до сих пор существует внутренний паспорт, графа национальности, прописка... Это значит, что репрессивная система еще существует и она не тронута, даже если можно теперь показывать ее самые скандальные последствия. И главное, письма позволяют увидеть, что глобально существующая в СССР система не позитивна. Понятно и то, что этот народ не так пассивен, невежествен, как много лет это давали понять многие западные специалисты. Единственный выход, который кажется невозможным, прочтя эти письма,— это военная диктатура».

«Либерасьон»: «Чтение писем читателей «Огонька» дает больше, чем тысячи речей комментаторов, более или менее ироничных западных специалистов, а также и то, что принесла гласность и чем она ограничена. Поражает то, что во многих письмах, написаны они пролетариями или интеллигентами, много ссылок на классиков русской литературы: Пушкина, Ахматову, Лермонтова и т. д. Есть письма почти на все темы. Трагический хор с оттенками юмора, с уважительно-ироническим тоном. Они никогда не говорят о половой жизни, о взаимоотношениях мужчины и женщины, которые продолжают быть покрытыми вуалью сильной русской скрытности. Их интересуют дебаты между консерваторами и правительством вокруг образа Сталина. Большинство писем показывает, что это народ, который не отказывается смотреть прямо трудностям в глаза».

«Репубблика» (итальянский журнал): «Чтение этой книги «недовольства» красноречиво говорит о том, что люди в этой стране думают о своей жизни, что они солидарны, что они соображают. И понимаешь, что, с одной стороны, это свобода выражения, которая прекрасно показывает успех политики гласности, а с другой стороны, ты не знаешь, приведет это к выпуску пара или, наоборот, к накоплению недовольства, которое в конце концов может привести к взрыву в СССР коммунистической системы».

«ОГОНЕК» ВО ФРАНЦИИ

Французский советолог — составитель книги «Письма из глубинки СССР» Ирэн Комо-Руфэн отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Майры САЛЫКОВОЙ.

— Ирэн, книга названа «Письма из глубинки СССР» — это что, стремление подчеркнуть разнообразие географии наших читателей?

— Не только это. Все, что содержится в этих письмах,— это глубина откровения, смелости, открытия. Географически Москва, Ленинград — центр, но в смысле писем это глубина для большинства французов. Ведь даже для меня, специалиста по России, это было неожиданностью. Очень большой диапазон мнений, социальных слоев, политических пристрастий. Например, у меня много друзей в вашей стране, но, как ни крути, я знаю только маленькую прослойку. Например, сталинистов я в жизни не встречала. У меня никогда не было таких откровенных разговоров с людьми, как через эти письма. Когда знаешь только определенный тип людей и можешь с ними вести глубокие разговоры, но не встречаешься и не знаешь других людей, которые думают иначе, нельзя сказать, что хоть немного понимаешь эту страну.

— Но ты могла бы вместо публикации писем читателей «Огонька» написать как специалист книгу о положении в нашей стране. По сути, отразила бы все те аспекты, которые так или иначе фигурируют в письмах.

— Да, могла бы. Я по тому же плану построила бы свои рассуждения, но такая книга была бы менее эффектна, потому что подобных книг о Советском Союзе, о Горбачеве выходит по 15 штук в год. Только во Франции...

— Это все политологи пишут?

— Да, но это неинтересно. С одной стороны, это уже всем надоело, потому что политологи не сумели понять, что происходит в СССР, не сумели предвидеть перестройку, Горбачева. В течение всего брежневского периода публиковались статьи, в которых объяснялось, что в этой стране уже никогда ничего не произойдет. Убеждали, что за 70 лет система сумела убить все человеческое в человеке и что она такова: старики всегда будут у власти, партия все держит вместе с КГБ и армией и что никогда ничего не будет двигаться.

— А сегодня эти самые политологи пишут книги о перестройке. И все-таки какой интерес к их работам?

— Их покупают, потому что люди хотят понять, что происходит. Интерес к Советскому Союзу возрос невероятно. В семидесятые годы интерес к изучению русского языка резко уменьшился. Все считали, что мировая история развивается вне Советского Союза. В Америке, Японии, Европе, но только не в СССР. А теперь вдруг СССР оказался в центре интересов всех. В Париже, куда ни пойдешь, все говорят о Горбачеве. Но все-таки политологи дискредитированы определенным образом. Если бы я написала книгу о состоянии советского общества, делая определенные выводы, кто-то мог бы сказать, что меня подкупили. А тут пожалуйста: смотрите, читайте, слушайте. Это как у вас можно пойти в «Макдоналдс» и очутиться временно на Западе, так и здесь, покупая эту книгу, можно без визы съездить в Советский Союз, который ты никогда не увидишь, даже если приедешь как турист в СССР.

— Я знаю, что, помимо профессионального интереса, ты пытаешься организовать экономическую помощь и гуманитарную. Что движет тобой?

— Я делаю это потому, что очень хочу, чтобы положительные процессы в России закончились удачей. Для меня это больше чем просто жест со стороны Франции — ведь я наполовину русская.

— Расскажи немного о своей семье.

— Мой прадед был датчанин и эмигрировал в Россию в конце XIX века. Он был агрономом, сделал блестящую карьеру, стал русским и оказался первым помощником Столыпина. Его фамилия была Кафот. Приехав в Россию, он женился на Елизавете Обедовой. После революции его жена с дочерью и внуком уехали за границу, а он остался. Его дочь — моя бабушка — была эсеркой. В 19 лет она ходила агитировать рабочих, сидела в тюрьме три раза. И всегда он вытаскивал ее оттуда. Когда моя бабушка уезжала в 20-м году из России, она считала, что скоро вернется обратно, но вернуться пришлось только в 1969 году. Встретила тут свою кузину, которая сидела дважды по десять лет...

— А твоя мама родилась во Франции?

— Да, ее девичья фамилия — Демидова. Она чистокровная русская. Мой отец француз. Нас у мамы трое. Постоянно в семье она старалась делать так, чтобы мы ощущали себя русскими. Мы учили русский язык, проходили весь курс советской школы. Она всячески идеализировала Россию. Например, разные грязные слова по-французски мы, естественно, знали. При этом мама говорила, что по-русски таких слов не существует. И когда я впервые приехала в Россию, я была поражена, что та сказочная страна, про которую постоянно говорила нам мама, совсем другая. Я была удивлена, что здесь грязные туалеты, что воняет... В моем сознании Россия — это была романтическая смесь тургеневской России с космическими ракетами, XX съездом, спутниками. И тут я приезжаю и вижу на Красной площади кучу людей в шароварах и сапогах. И все эти крестьяне приходили в ГУМ. Лето: вонь, жара. Вот такое первое свидание с родиной. Это было в 1964 году.

— Твоя мама как-то связывала такое воспитание с вашим будущим?

— Я думаю, нет. Просто она хотела, чтобы мы были как можно больше русскими. Ведь сама она жила мечтами о родине. Сейчас она преподает в высшем учебном заведении русскую литературу. Она лауреат Пушкинской премии.

— А как относился к такому воспитанию твой отец?

— В нашей семье всегда были споры. С одной стороны мама: «Все, что делает Хрущев,— это хорошо!»,— папа: «Русские мне надоели!»,— и моя бабушка-эсерка: «Идиоты! О чем спор — ведь там большевики!» Я была несчастной жертвой этих дискуссий.

— Твоя семейная история лишний раз подтверждает то, что ты знаешь и понимаешь нашу страну лучше, чем многие французы. Для них эти письма — открытие, откровение, которое поражает. Но не кажется ли тебе, что после прочтения этой книги французы с удивлением обнаружили, что мы не такие тупые, как принято было думать, что довольно значительная часть населения мыслит весьма прогрессивно и свободно. И это удивление — скорее производное от общего недоверия и недооценки состояния современного советского общества, качества советского общества, которое молчало не в силу своей тупости, а из-за системы, которая не позволяла говорить, и что мышление и раскованность сегодня и отсутствие оного раньше — это совершенно разные вещи. Французы себе это представляют?

— Нет, потому что у вас закрытая страна. У вас повсюду не пускают... Общение с иностранцами было запрещено. Раньше часто заговариваешь с людьми, а они от тебя отходят. Была я в Женеве. Это было до Горбачева. Вижу, женщина — явно русский человек. Я заговариваю с ней по привычке — она от меня отошла. Не стоит связываться — понимаешь? В Алжире я была одна, около меня сидит человек и читает русскую книгу. Я спрашиваю: «Вы русский?» Он едва мне ответил. Люди боялись. А ведь я говорю по-русски, знаю Россию. А каково прочим иностранцам? Сейчас, правда, общение и раскованность входят в моду. Особенно через молодых людей. Интерес к вам растет. Люди хотят приехать

к вам посмотреть все своими глазами. Им интересно, что с одной стороны Европа, с другой — Азия, что все близко. И именно эта книга позволяет почувствовать по-настоящему, что тут живут люди, а не «шариковы». Понимаешь, ведь раньше многие думали, что Советский Союз — это 290 миллионов «шариковых».

— Думаю, что не такое уж малое количество твоих сограждан продолжает так думать...

— Да, это так. Но Горбачев все-таки сумел кое-что переменить. У Брежнева была катастрофическая репутация, он подкреплял идею о «шариковых». Но что в письмах поразило меня — это высокий культурный уровень людей, которые пишут.

— А как французы относятся к состоянию СССР сейчас? Или они особой разницы между тем, что было, и тем, что происходит сегодня, не видят?

— Сейчас их волнует возможность общего взрыва после некоторого энтузиазма, который был как начало любви... Этого очень боятся. Но вместе с тем большое чувство солидарности, как во время войны, когда все стали любить русских.

— А каким содержанием наполнена эта солидарность?

— Читая эти письма, понимаешь, что люди, которые пишут, знают, что им никто не поможет. Мне кажется, что нового «плана Маршалла» для России не будет. Для восточных стран Европы будет, а для России нет. Что экономически им следует рассчитывать только на самих себя. Понимая это, нельзя не сочувствовать такому народу.

— Насколько можно судить по западной прессе, симпатия к Горбачеву остается по-прежнему высокой?

— О, громадная! Он был человеком года. Избран 70 процентами голосов! Очень сильное доверие ему. Горбачев как-то поразил всех. И Тэтчер, и Рейгана, и Буша, и Миттерана.

— А где же ваше хваленое критическое западное мышление? Прошло пять лет — кризис в экономике усугубился. Не произошло до сих пор перехода на рыночную экономику. Перестройка в партии началась только под нажимом общественности. У нас считают, что Горбачев мог бы добиться большего в стране, если бы не был так половинчат.

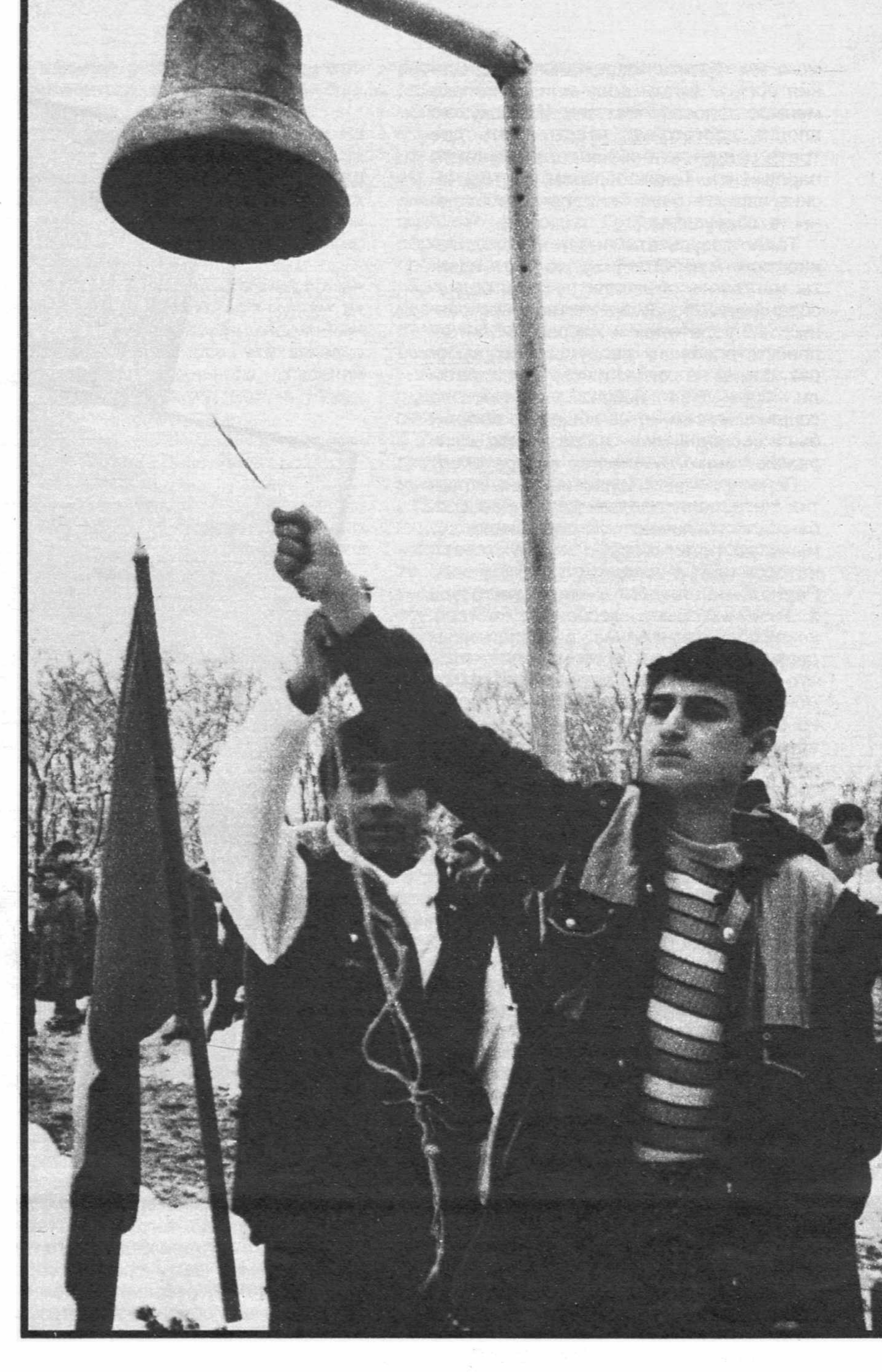
— Да, это так. И все-таки все думают, что он идет куда надо, но просто ему очень трудно. И ему приходится делать два шага вперед, два шага назад и в конце концов удается выйти из проблем, вчера еще не разрешимых без крови. Именно поэтому все молятся на него и так его поддерживают. Ни один западный политик не сталкивался с такими проблемами. И они это понимают и спрашивают себя: справились бы они сами, получив общество и страну, находящиеся в столь плачевном состоянии.

— Насколько сегодня в твою личную жизнь и жизнь твоих близких входит все то, чем ты занимаешься профессионально?

— Моя жизнь сложилась так. Я вышла замуж за француза, выходца из классической буржуазии, из середины Франции, где никогда ни одного иностранца в дом не пускали. Ему ужасно нравилось, что я русская. Он даже согласился крестить нашего сына по православному обряду. Сейчас мы с ним в разводе, но остались хорошими друзьями. Итак, мой сын — православный, несмотря на то, что я католичка.

— На твоего сына тоже распространилась русская концепция воспитания?

— Да. Он говорит по-русски. Эту книгу писем читателей «Огонька» я посвятила моему сыну. Для меня очень важно, что первая книга о России, в которой я принимала участие, показывает народ, к которому и он, и я имеем отношение, таким, каким я его всегда хотела видеть.

Илья КОНСТАНТИНОВСКИЙ

Прошло шесть месяцев с того дня, когда тысячи людей, согнанных службой госбезопасности на центральную площадь Бухареста, вместо того чтобы, как обычно, аплодировать Чаушеску, огласили площадь яростными выкриками «Долой Чаушеску!». Революция небывалая, неожиданная, уникальная, она все еще продолжается, она так не похожа на революционные события в других странах Восточной Европы. Жизнь сегодняшней Румынии полна драматизма и уроков.

ПОСЛЕ ЧАУШЕСКУ

Я приехал в Бухарест в разгар весны. Но в Румынии, свалившей с плеч клан Чаушеску, весенней праздничной атмосферы я не почувствовал. Прошло четыре дня после выборов нового президента и парламента, после первых за полвека всеобщих выборов на многопартийной основе. Казалось, что предвыборная лихорадка ушла в прошлое, страсти улягутся. Но все, что я видел, говорило об обратном. Стены домов все еще были оклеены предвыборными афишами, газеты продолжали предвыборные баталии, число газет и периодических изданий перевалило за тысячу — до революции их было меньше сотни. А в центре столицы, на Университетской площади, набирал силу небывалый митинг, начавшийся почти за месяц до выборов, продолжавшийся днем и ночью. Когда я подошел к площади, то увидел множество людей, скандирующих лозунги, провозглашаемые с балкона второго этажа университетского здания. Девушки потрясали кулачками, лица подростков были искажены. У подножия многоэтажного отеля «Интерконтиненталь» — странный палаточный городок. И мне объяснили, что в палатках ютятся люди, объявившие голодовку протеста, некоторые из них голодают много дней. Когда кто-либо теряет сознание, его увозят в госпиталь.

Гул и рев стояли на перекрестке двух бухарестских бульваров. Машины, яростно сигналя, объезжали толпу, в середине площади, в коробах из черного железа, горели пучки восковых свечей, тут же стояли три самодельных деревянных креста. С балкона выступали ораторы, иногда они что-то запевали, и толпа подхватывала песни. Потом толпа снова скандировала: «Долой коммунистов!», «Долой неокоммунизм!».

Что все это значит? Какая революция произошла в Румынии в декабре восемьдесят девятого? Почему Бухарест все еще не обрел покоя? Я разговаривал с самыми разными людьми; среди них были люди, еще недавно причастные к власти, и те, кто благодаря революции пришел к власти теперь. И люди, от власти далекие. Таких было большинство — рабочие и студенты, служащие, журналисты, пенсионеры. И я еще не раз возвращался на Университетскую площадь, где продолжался нескончаемый митинг.

Прежде всего необходимо разобраться в выборах от 20 мая. Их результаты оказались не менее неожиданными, чем сама румынская революция. После краха диктатуры в Румынии как грибы после дождя возникли десятки — не менее восьмидесяти двух — партий и организаций. Наиболее активными и заметными были так называемые исторические партии: национал-царанисты и национал-либералы, которые правили страной до войны. Сорок пять лет они были под запретом, теперь обрели жизнь и, разумеется, надеялись на успех. Их надежды не оправдались. Временный президент страны Ион Илиеску получил не менее 85 процентов голосов всех избирателей. Списки кандидатов в парламент от руководи-

мого им Фронта национального спасения (ФНС), хоть и получили несколько меньше голосов, чем сам Илиеску, но вполне достаточно, чтобы иметь две трети мандатов в обеих палатах нового парламента. Таким образом, «исторические партии» были не просто побеждены, а сокрушены.

Такие результаты вызвали негодование, протесты. Отвергнутые претенденты на власть объявили выборы подтасованными. Но большинство иностранных наблюдателей и корреспондентов, присутствовавших на румынских выборах, с этим не согласились. Они отметили множество неправильностей, но сошлись на том, что в общем-то выборы были свободными — их результаты выражают волю румынских избирателей.

Почему главные оппозиционные партии потерпели полный крах? Две особенности отличают сегодняшнюю румынскую политическую жизнь от той, которая идет в соседних с нею странах. Первая — тоталитарная диктатура в Румынии была особенно жесткой, исключала появление оппозиционных движений. Вторая особенность в том, что Румынская компартия, казавшаяся монолитной, потеряв власть, немедленно распалась, исчезла с политической арены. В ней не нашлось достаточного числа людей, которые попытались бы собраться, откровенно обсудить свое положение, может быть, переименовать партию, выработать новую программу, как это случилось в других странах Восточной Европы. Или уж самораспуститься... Ничего подобного в Румынии не произошло. Румынская компартия ушла, как говорится, в кусты. Ее вожди и руководители так долго проявляли некомпетентность, эгоизм, беспринципность и холуйство по отношению к своему первому, что само слово «коммунист» в Румынии стало бранным. Таковы плоды многолетней лжи, засилье партийных бояр. В глазах многих румын, особенно молодежи, понятия «социализм» и «коммунизм» ассоциируются с понятиями Зло и Антихрист. В этой атмосфере и родилось словечко «неокоммунизм».

Что такое «неокоммунизм»?

Прежде всего ярлык, который удобно наклеивать на Фронт национального спасения, пришедший к власти после декабрьской революции. Программа ФНС эклектична, «неокоммунистической» ее не назовешь. Президент Румынии Ион Илиеску, хотя и был в прошлом видным членом компартии, подвергался преследованиям именно за проявление несогласия с Чаушеску, что было редкостью в те страшные времена. Илиеску уже осуществил ряд перемен, сломавших основную тоталитарную структуру румынского «социализма». Сумеет ли он пойти дальше по этому пути и обеспечить дальнейшую демократизацию Румынии? Вопрос, на который даст ответ будущее. Пока же на нового президента навесили ярлык «неокоммунист».

Мой старый бухарестский друг, живой свидетель и участник румынской общественной жизни за последние четыре десятилетия, показал мне красочный плакат, изображающий благообразного старика, напоминающего одного знаменитого американского киноактера, и сказал:

— Этот старик был кандидатом в президенты от одной из наших «исторических партий». Ему под восемьдесят. Последние пятьдесят лет он жил в Англии. Там сколотил состояние. Другой претендент на президентство вернулся в Румынию после тридцатилетнего отсутствия. Удивительная наивность этих стариков! Как могли они надеяться, что румыны немедленно отдадут им бразды правления? И только потому, что они выходцы из прошлого!

Великий знаток человеческих душ, я имею в виду Достоевского, как-то воскликнул устами одного из своих героев: «О, как хорошо прошедшее!» Но вернуться в прошлое все же нельзя, даже если тебе очень не нравится настоящее.

Наши «исторические партии» предложили немедленно восстановить все порядки и отношения, которые существовали в Румынии до того, как Сталин и его советники загнали ее в тоталитарную систему. Но ведь прошло сорок пять лет! И жизнь совершила огромный круг. Годятся ли порядки тридцатых годов? Есть люди, готовые призвать даже бывшего короля Михая, и он, разумеется, сразу объявил, что согласен взвалить на себя бремя короны! Мало еще помнит царствие Михая и его скандального папаши, Кароля II. Не очень-то это было счастливое время для нашего народа. Но любителей воскресить королей, принцев, царей хватает во всех странах, где разваливается система «реального социализма». Разве у вас их нет? Это или глупцы, или политические авантюристы. Идеализация прошлого и позапрошлого основана на мифе. К счастью, большинство избирателей отвергло этот миф. Прошлое Румынии отнюдь не рай. А балканская демократия со всеми ее атрибутами — продажными чиновниками, королевской камарильей, помещиками, ксенофобией и преследованием нацменьшинств!..

Голосовали за Илиеску прежде всего потому, что временное правление ФНС дало определенные результаты. В румынских городах появилось продовольствие. Его меньше, чем нужно, но нынешнее снабжение нельзя сравнить с кошмарными очередями при Чаушеску. Во-вторых, сразу же после революции румынские крестьяне получили около трех миллионов гектаров земли в личную собственность. По полгектара на семью. И, таким образом, все селяне обзавелись приусадебными участками, которые Чаушеску сокращал либо отнимал. Любопытно, что деятели, которых не выбрали, обижены не только на Илиеску и Карла Маркса, но и на весь румынский народ. Они обвиняют румынских избирателей в приверженности к «неокоммунизму»...

Урок, который я бы назвал «феноменом Чаушеску», отличает нас от всех наших соседей. Урок этот следует усвоить не Европе, а прежде всего нам самим! Иначе мы не продвинемся ни на шаг вперед...

...Существовал ли на самом деле «феномен Чаушеску»? Теперь, когда «гений Карпат» сошел со сцены, о нем все говорят в Бухаресте. И вот я спросил человека, который занимал когда-то высокую должность, но потом был посажен диктатором под домашний арест: «Вы лично знали Чаушеску?»

— Я знал его очень хорошо. Так хорошо, что когда он стал генсеком, я ушел в отставку с министерского поста... Надо сказать, что в первые годы своего правления Чаушеску вел себя осторожно. Подлинный характер он проявил позднее. Он страдал всевозможными комплексами. Во-первых, он сам нигде не учился, остался малограмотным, и ненавидел интеллигентных, образованных людей. Во-вторых, был злым и мстительным. Один товарищ, который сидел с ним в тюрьме, рассказывал, что, когда он проигрывал кому-нибудь партию в шахматы, он начинал ненавидеть победителя... В-третьих, он был некрасив, очевидно, и мучился этим? Да еще и запинался при разговоре. Словом, мелкий человек во власти своих комплексов. Болезненное тщеславие, мания величия... Он уверовал в то, что он великий человек. Правда, ему в этом сильно помогли не только окружающие его подхалимы, но и многие весьма уважаемые деятели, особенно на Западе. Королева Великобритании послала за ним свою коляску. Многие президенты и премьеры принимали его даже с лестью. Считалось, что он противостоит Москве.

— Он знал до какого состояния довел страну?

— Прекрасно знал. И готовился к подавлению заговоров и восстаний. Секуритатя имела тайные склады с запасами еды, боеприпасов. В его личной охране были иностранные наемники, им он доверял больше, чем соотечественникам...

Другой человек, тоже хорошо знавший Чаушеску лично, настаивал на другой версии: диктатор, в сущности, не знал, что происходит в стране, не представлял себе настроения народа. Он готовился подавлять заговоры, но не думал, что в Румынии может возникнуть народное восстание. Он уверовал в собственную болтовню о рабочем классе и думал, что рабочие за него.

Слепая власть. Одна из особенностей «реального социализма» управляться с закрытыми глазами. Чаушеску получил власть после смерти Георгиу-Дежа. Почва была подготовлена, многие злодейства уже совершены, оставалось только усовершенствовать механизм подавления личности...

Одна из поразительных черт этой революции состоит в том, что Чаушеску сам ее подготовил, своими руками создал условия для того, чтобы она началась. Он как бы сам нажал кнопку, приказав насильно собрать массовый митинг перед зданием ЦК именно в тот день, когда этого делать не следовало, атмосфера была страшно накалена: все уже знали о расстреле безоружных манифестантов в Тимишоаре. Почему Чаушеску с этим не посчитался? Ему в голову не приходило, что его могут осви-

Фото
Валерия
ВОЛОНТИРА

стать? Вопрос этот имеет отношение не только к политике, но и к психологии людей власти, обитающих в вымышленном ими мире. Диктатор всегда живет в страхе. Частый созыв массовых митингов, на которых толпа скандировала: «Чаушеску! Чаушеску!», был связан с аффектом неуверенности в себе. Глядя на тысячи обращенных к нему лиц, слушая их крики, Чаушеску, видимо, успокаивался. Признаки «всенародного одобрения» — наркотик. Чаушеску был к нему особенно привержен. Вот он и созвал массовый митинг после расстрелов в Тимишоаре... И тем самым ускорил восстание. Когда вдруг раздалось «долой Чаушеску», он до того растерялся, что застрял на балконе, как говорится, с высунутым языком. Все, кто его окружал, поняли: конченый человек... И все немедленно его предали. Существует версия, что кое-кто из чинов госбезопасности давно собирался его свергнуть, но декабрьский бунт их опередил.

— А кто стрелял в народ после бегства Чаушеску?

— Тайна. Одна из тайн революции. Было объявлено, что стреляли «террористы». Но кто они, почему их не предъявили народу? Сколько они убили людей? Тайна. И зачем понадобилось стрелять из орудий по зданию университетской библиотеки, поджечь ее и спалить ценнейшие рукописи? Не было другого способа избавиться от снайперов, засевших на чердаках? Стреляли, конечно, секуристы, но, вероятно, не только они. Кто же еще? Румынская печать уже пять месяцев на все лады склоняет слово «секуритатя» — госбезопасность. Но никто до сих пор не знает, кто они, сколько их, сколько осталось, где они теперь? Мне кажется, что это одна из главных ошибок нынешнего президента. Создается впечатление, что «секуритатя» еще не сказала своего последнего слова. Может быть, и кое-кто из новых с нею связан? Плодятся слухи, фантастические предположения, загадки. Существует, правда, еще и другой способ объяснения всего непонятного, что произошло здесь в декабре: воля рока. Кое-что и в самом деле напоминает античную трагедию.

— Что вы имеете в виду? — спросил я у своего собеседника.

— Ну взять хотя бы тот факт, что молодые люди, свергнувшие тирана,— поколение, о котором можно сказать, что оно появилось на свет божий благодаря его декрету, строжайше запретившему аборты. Этих мальчиков и девочек даже называли у нас «чаушеи». Вам об этом уже рассказывали? Однажды я прочитал в литературном журнале фельетон, полный горечи и иронии, в котором говорилось, что, в сущности, «Чаушеску не существовал»:

«Существовали коррупция, ложь, доносительство, нищета, голод, страх за завтрашний день, и за сегодняшний тоже, удовлетворение простого человека, что хоть он живет плохо, но все же несколько лучше, чем сосед, радость по поводу того, что ночью арестовали Иона Попеску с третьего этажа, а не его, Иона Попеску, живущего на втором этаже, сатисфакция сельского жителя по поводу того, что околела коза на соседнем дворе, а не у него, ну и т. д. Все это вместе, по-видимому, и называется «Чаушеску»...

Но если Чаушеску «не существовал», как пишет автор фельетона Андрей Север, то каким образом вспыхнула революция? И победила?

Я уже упоминал в начале этих записок о непрерывном митинге на площади перед бухарестским университетом — на «Площади босяков». Это словечко им подарил Илиеску, который не одобрял митингующих по многим причинам, в том числе и потому, что они нарушили движение транспорта в центре города, сильно загрязнили площадь. Позднее президент извинился за неосторожно оброненное слово. Но митингующие обыгрывали его, как почетное звание!

«Площадь босяков» — кипящий котел. И в то же время символ ожесточения, разброда, соперничества. Студенты, начавшие эти собрания, их, конечно, не контролировали. На площадь стекались и настоящие босяки, и люмпены, и цыгане, торгующие с рук американскими сигаретами, орешками, семечками... На поверхность всплыла пена. А на дне котла раскалялась магма, которая выплеснется позднее...

На первой стадии главным требованием митинга была отставка временного правительства Фронта национального спасения. И принятие закона, который запретил бы всем бывшим «номенклатурщикам» в течение десяти лет занимать какие бы то ни было должности, выставлять свои кандидатуры на выборах. Поскольку в Румынской компартии было примерно четыре миллиона членов, автоматическое исключение всех этих людей из общественной и хозяйственной жизни было бы замечательным подарком для «исторических партий», избавило бы их от конкурентов. Когда же оказалось, что подавляющее число избирателей отдало свои голоса именно Илиеску и ФНС, многие завсегдатаи площади ее покинули. Оставшиеся сразу выдвинули новые требования. Участники голодовки, например, хотели частной независимой телевизионной станции.

Президент, не сумев или не пожелав наладить диалог с Площадью, отдал приказ очистить ее силой, да еще прибегнул к помощи вызванных в Бухарест шахтеров. Это привело к столкновениям, поджогам и человеческим жертвам. Эпизод с шахтерами произошел через несколько дней после того, как я покинул Бухарест. Но я могу засвидетельствовать, что уже в те, относительно мирные дни, многое указывало на то, что Площадь добром не кончит. Идеологию ее можно было выразить одним словом: «Долой!» Когда же власть имущие не сумели противопоставить манифестантам ничего иного, кроме полицейских дубинок и шахтерских топориков, результат быть мог только один: взрыв насилия с обеих сторон. А насилие, разумеется, ни порядка, ни успокоения никому не принесло.

Почти каждый день приходил я на митинг длиной в два месяца. И день за днем я слышал здесь одни и те же речи, заканчивавшиеся почти всегда одинаково: «Долой коммунизм!» или «Создадим на площади зону, свободную от неокоммунизма!»...

Я вступал в разговор с манифестантами, пытался их понять: что мучает их воображение? Что такое «неокоммунизм»? Оказалось — все, что связано с Фронтом национального спасения и президентом Илиеску, мол, в Румынии ничего не изменилось.

Я пробовал возразить: «А этот митинг? Можно было себе такое представить полгода назад?»

— Не имеет значения,— сказал молодой человек, который сообщил о себе, что он студент юридического факультета.

— А свободная печать?

Два подростка продавали газеты на краю площади.

— Пустяки,— сказал студент.

— Свобода выезда и возвращения в страну?

— Показное. Ничего не изменилось...

Тут я подумал: может быть, он прав? Бульвар, который я видел, был хорошо знакомый мне бульвар Магеру. Его дома — обветшавшие, годами не ремонтировавшиеся, неухоженные, витрины магазинов жалкие, лишенные товаров. Пустые витрины, пустые магазины. Заколоченные закусочные и буфеты. Все это поразило меня...

И вот я смотрел на безрадостный бухарестский пейзаж, на моего собеседника, на его хмурое лицо и темные глаза, которые выражали возбуждение, уныние и печаль, и думал: юношу можно понять... Он, вероятно, участвовал в декабрьских событиях, рисковал жизнью. Но даже если не участвовал и сам не стоял под пулями секуристов и таинственных «террористов», он, конечно, всей душой приветствовал революцию. А теперь — разочарование. Молод, горяч, нетерпелив и жаждет немедленно получить то, чего еще нет. И не скоро будет в обнищавшей, перекошенной произволом диктатуры Румынии. Он не может не спрашивать: где плоды победившей революции? Революция не дала плодов — их украли? Кто украл? Неокоммунисты? Кто они? Молодой человек приходит сюда, на площадь... Может быть, он здесь даже ночует. Вместе со всеми он поет: «Мы не можем разойтись по домам, мертвые нас не отпускают»...»

На такой психологической основе создаются теперь новые мифы, новые иллюзии. Кто очистит сознание румын от всех неправд, подмен, которые нагромоздили прошедшие десятилетия?

Вместе с другими постоянными или случайными посетителями Университетской площади я слушал речи ораторов, стоящих на университетском балконе. Удивительно как много в них было раздражения, преувеличений, призывов к мщению! И как мало здравого смысла, желания понять другого человека... Среди выступающих были и представители интеллигенции или люди, выдающие себя за таковых. А те, кто называл себя поэтами, были далеки от того, чтобы лирой пробуждать добрые чувства...

Когда я заговорил об этом с одним старым писателем, он усмехнулся и сказал:

— Как раз наши писатели за редкими исключениями вели себя не очень красиво при Чаушеску. Эти люди и сегодня не могут подняться выше личных амбиций... Те, кто замаран больше других, кричат громче всех, декларируют верность народу... Столько теперь людей, уверяющих, будто они смело боролись с диктатурой! Ну да что говорить. Неужели ты забыл румынское слово «ликя»? Оно, впрочем, не совсем румынское и внедрилось в наш язык во времена турецкого владычества...

Я помнил это слово. Проще всего перевести его словом «прохвост». Но «ликя» богаче по смыслу, обозначает человека, лишенного совести, готового служить кому угодно, делать что угодно, причем даже как бы с удовольствием, с энтузиазмом. Через несколько дней после румынской революции румынский философ Габриэль Лиичану обратился с воззванием именно к ним, прохвостам, ликеле: «Вас мало в нашем народе, иначе не смогла бы свершиться революция. И вместе с тем вас много, иначе мы бы не терпели все, что с нами было сорок лет подряд».

Лиичану посоветовал быть скромнее, сдержаннее: «Не пожимайте нагло руки своим знакомым, не смотрите им в глаза с таким видом, будто вы ни при чем, проявляйте хоть немного смущения. Не выступайте по телевидению, не пишите в газетах, не пользуйтесь некоторое время словами «достоинство», «свобода», «справедливость», «народ». Не убивайте окончательно эти слова... Откажитесь от моральных самооправданий, не убеждайте себя, что вы постоянно творили зло будто лишь для того, чтобы время от времени делать добро. Вам не надо больше бояться, но время от времени пусть вас охватывает стыд... Вступая в новый год, задумайтесь и зажгите свечу в память о мертвых, а также за самих себя. Если вы последуете моему призыву, вы перестанете быть ликеле, и мы будем вас любить».

Приближался мой отъезд из Бухареста, пора было подвести некоторые итоги и попытаться заглянуть в будущее. По какому пути пойдет Румыния после Чаушеску, после революции?

Известный журналист, непримиримый противник Фронта национального спасения сказал:

— Коммунистической партии удалось, изменив название, приобрести в глазах населения спасительное лицо. Надо признать, что эта операция была успешна: правду вывернули наизнанку. Соседи избавились от коммунизма, мы прозевали огромный исторический шанс. ФНС может стать основой для новой однопартийной системы.

Другой журналист и писатель, которому я пересказал мнение первого, мрачно усмехнулся и сказал:

— Такой взгляд основан не на аргументах и фактах, а на чувстве досады и обиды. Я этого человека знаю. Его самого никуда не выбрали, должности ему не предложили. Не в таком уж далеком прошлом он усердно трудился в пропагандистском аппарате диктатуры и приложил руку к созданию параноического культа Чаушеску. Теперь он пугает нас «неокоммунизмом». У нас его не будет уж хотя бы потому, что и коммунизма у нас никакого не было. А «реальный» социализм был чем угодно, но только не социализмом. Румынских избирателей легко понять — они желали покоя и стабильности.

Труднее понять оппозицию: она не может примириться с мыслью, что ей придется серьезно потрудиться, прежде чем стать реальной силой. Им надо отказаться от наивной мечты, что можно единым махом стереть полвека истории. Предстоит тяжелый путь, и всем, в том числе и оппозиции, необходимо его прошагать шаг за шагом и идти вперед, а не назад. Не далее как вчера я прочитал в одном из наших новых еженедельников фантастическую басню о связях коммунизма с франкмасонством, о том, что румынская коммунистка Анна Паукер и Лев Троцкий оба-де были семиты и оба франкмасоны. Такие открытия, извлеченные из архивов «Железной гвардии» и кузистов мне кажутся опаснее, чем любой «неокоммунизм», который будто бы угрожает нашему будущему.

И вот мнение человека, который всю жизнь избегал участия в политической жизни:

— Я не политик, не экономист, не идеолог. Все спорят теперь, по какому пути должна пойти Румыния. Социализм или капитализм, приватизация или кооперирование, иностранный капитал или собственные силы, рынок

или план? Ну и так далее. Все сходятся на том, что страну надо лечить. Но при этом опять имеют в виду неэффективную экономику, феодальную политику и так далее. Лично я думаю иначе. Главная проблема Румынии — не материя, а дух, перекошенность души народа. Мы душевно больны! Диктатура со всеми ее последствиями — насилием, трусостью, доносительством, лакейством, ложью, аморальностью, бессилием, отчаянием — оставила глубокие следы в психике людей. От их преодоления многое зависит. Нужно вернуться к морали, стыду, вере, милосердию. Это будет труднее, чем поднять материальный уровень жизни.

Один мой собеседник посоветовал мне не покидать Бухареста, не осмотрев «эпохальное строительство» Чаушеску.

Практическое осуществление этого прожекта началось лет восемь тому назад. Когда я в предпоследний раз гостил в Бухаресте, уже шла расчистка площадки. Мне тогда рассказывали, что начался снос улиц, скверов, площадей со всем, что на них находится. Сносятся до основания все дома, в том числе и старинные особняки, церкви, усадьбы, представляющие большую архитектурную и историческую ценность. Осуществляется все методами грубейшего административного насилия, не оставляя людям никакого выбора, что уже привело к большому числу самоубийств. Но пресса, конечно, молчит, все молчат. Размеры начавшегося бедствия еще не были точно известны, а решено снести чуть ли не одну треть старого Бухареста... В это как-то не верилось.

И вот я снова в Бухаресте. Чаушеску уже нет, но его прожект все же осуществляют. Хотя строительство не закончено, но контуры его вполне обозначены, некоторые объекты почти завершены. Это надо видеть...

И вот за мной заехала Евгения со своим мужем, они повезли показать мне «великую стройку». Я хорошо помнил мой Бухарест, в котором жил когда-то, и сказал: «Мне хотелось бы для начала посмотреть район улицы Казырмей».

— Нет больше улицы Казырмей,— сказала Евгения.

— А бывший театр Режина Мария?

— Нет и театра. Нет и прилегающих улиц — Аполодор, Сфынта Винерь. Нет и Кале Раховей, Вакарешти, Дудешти. Ничего нет.

Мы выехали на набережную Дымбовицы, узкой речки, пересекающей весь центр Бухареста. По ее левой стороне я увидел знакомый городской пейзаж, но по правой стороне Дымбовицы города... не было. Я увидел пустую магистраль, уходящую к горизонту, потом еще одну точно такую же, а между ними огромное серое здание. Не то крепость, не то дворец с колоннами, куполами, шпилями.

— Это главное сооружение — Народный дом,— тихо сказала Евгения.

Мы мчались на большой скорости, огибая плоско организованное пространство пустырей. И все время видели сбоку огромное серое сооружение, не похожее ни на небоскреб, ни на дворец или храм. Нечто помпезное, немыслимо громадное в эклектическом стиле, здание без заботы о стиле, но с явной целью поразить размерами. Когда же мы в него вошли, то оказались в каком-то мрачном кафкианском мире: огромные вестибюли, переходы и коридоры, гигантские люстры, непомерно громадные окна и двери, мраморные лестницы. У подножия одной из них стояла маленькая девица в вышитой национальным узором блузке и скороговоркой что-то объясняла небольшой группе туристов, явно провинциалов, с растерянными лицами. Девица перечисляла: дом занимает шестьдесят тысяч квадратных метров, а в нем тысяча комнат на одиннадцати уровнях, сто двадцать залов, зал «Румыния» занимает две тысячи сто квадратных метров, «Кабинет номер один» занимает триста десять квадратных метров, «Кабинет два» — двести десять... На строительстве трудились ежедневно двадцать тысяч человек, из них половина — солдаты...

Мы стали подниматься по огромной мраморной лестнице, а Евгения и ее муж, перебивая друг друга, стали рассказывать о том, как строилось это сооружение. Чаушеску и его жена ездили сюда каждый день, торопили строителей и давали им указания по любому поводу. Оба были начисто лишены воображения, не способны судить о стройке по чертежам и макетам и потому требовали, чтобы строители сначала построили каждый объект, а потом они давали указания, как его переделать и сломать. Оба обладали вкусом нуворишей: красиво — это когда побольше, пошире. Поразительно было и полное отсутствие у обоих заботы о цели всей постройки. Для чего нужны эти лестницы, галереи, залы? Что здесь будет происходить? Уже после исчезновения Чаушеску здесь работали комиссии, которые пытались найти решение, как использовать это сооружение. Решения пока не нашли.

Идти по широченным и длиннющим коридорам было довольно утомительно, впору пустить маршрутное такси. Мы обошли второй этаж и посетили «Первый Кабинет», предназначавшийся для самого... Он занимает триста десять квадратных метров. «Кабинет два», строившийся для «ученого с мировым именем» Елены Чаушеску, был поскромнее — всего двести десять квадратных метров.

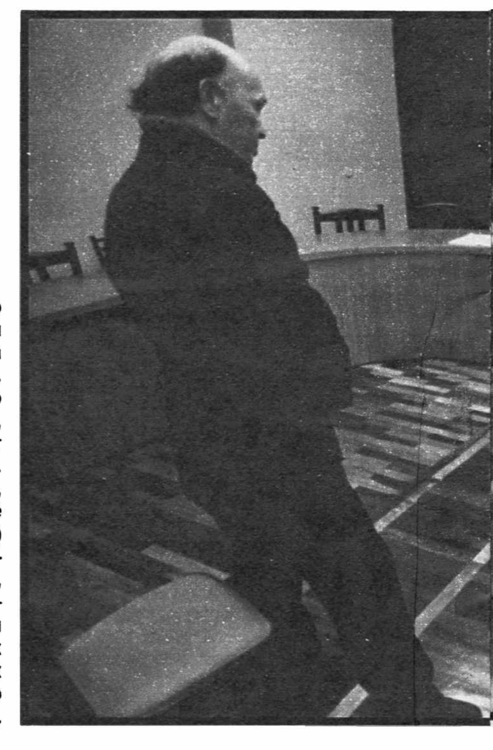
Все оставшиеся дни я находился под впечатлением увиденного. Что это такое? Зачем, спрашивается, понадобилось разрушить несколько старых районов Бухареста, сотни домов, улиц, площадей вместе с человеческой жизнью, чтобы построить полтора десятка циклопических, уродливых, ни на что не пригодных строений?

В мой последний бухарестский вечер, проходя мимо университета, я услышал, как митингующие там молодые люди скандируют хором: «Долой коммунизм!» И вдруг вспомнил стройку Чаушеску. И до меня впервые дошел смысл всего, что увидел я в Бухаресте. И я подумал, что нелепые каменные постройки, которые нагромоздил Чаушеску на месте им же разрушенных жилых кварталов города, по-видимому, выражают самую суть того, что возненавидели эти юноши и девушки с Университетской площади. В коммунистических идеях, чьи корни уходят в глубь человеческой истории, нет зла. Зло — в безумной вере, что идеи можно осуществлять насилием. Зло в насилии, во вседозволенности. Чаушеску был наглядным воплощением определенного человеческого типа, можно даже сказать, породы людей, которые, будучи «ничем» в буквальном смысле слова, стали «всем». Чаушеску не сомневался, что ему дозволено вторгаться в жизнь других людей, разрушать ее основы и формы. Прожекты, осуществляемые с помощью безжалостного насилия, принесли вождю удовлетворение его параноического тщеславия, а стране, народу, людям — неисчислимые страдания. Против этого и восстала румынская молодежь в трагические декабрьские дни. Это безумие она возненавидела всем сердцем.

Можно ли от них требовать более глубокого понимания истории, социальных процессов, смысла слов? Чувства этой молодежи естественны. Но то, что в Чехо-Словакии было достигнуто «нежной революцией», в Румынии потребовало крови. Типы революций зависят от исторических, психологических, культурных и прочих национальных особенностей каждой страны. Есть ли какая-нибудь связь между нелепыми вавилонскими башнями, которые воздвигал Чаушеску, и вот этой волнующейся толпой на Университетской площади, которая не может успокоиться? Связь прямая. И то и другое есть наглядное доказательство истины: людям нужна свобода.

Бухарест — Москва, июнь 1990

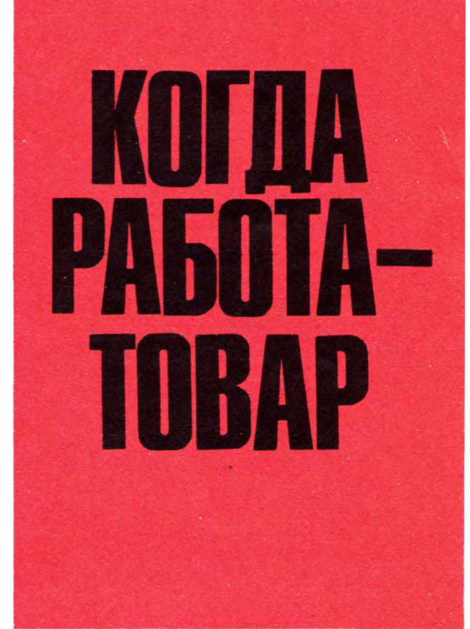

Юлия ВЕРНИКОВСКАЯ,
Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

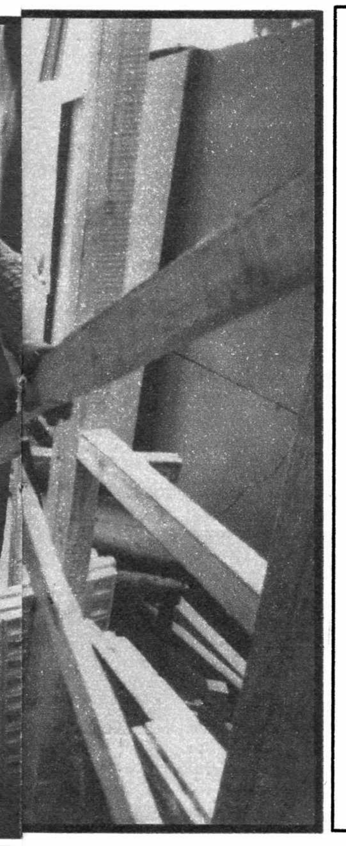
...Приятно писать и читать о чем-то хорошем. Например, о том, что люди где-то хорошо работают — на совесть, инициативно, с выдумкой. И не сказать, что получают за это какие-то сумасшедшие деньги, совсем нет... В общем, все выглядит так, как, по идее, должно выглядеть. И происходит все это в Воронеже, городе, где (простите, никак не получается только о хорошем) проживают 9 тысяч безработных — если хочется помягче, нетрудоустроенных. А по области — 12 тысяч. И нуждается эта же самая Воронежская область в 50 тысячах работников самых разных специальностей. Казалось бы, чего проще...

КОГДА РАБОТА — ТОВАР

Не первый год существует здесь областной Центр по трудоустройству, переобучению и профориентации населения. И если хоть одно слово из его длинного названия вызывает у вас сомнения, то зря.

Во-первых, трудоустройство. Ежемесячно с предприятий области и даже из других городов поступают заявки на специалистов различных профессий. Из тех, кто стоит на учете в Центре, быстро подбирают затребованных работников. Люди приходят сюда по самым разнообразным причинам. Хотите работать поближе к дому — вам подберут вариант. И никто не сочтет блажью это нормальное желание. Не может найти работу беременная женщина (ни для кого не секрет, как их неохотно берут) — и таким здесь помогают. Почему-то их волнует, будет ли женщина после родов получать пособие. «Почему-то» я говорю потому, что мало кого это волнует, кроме самих женщин. Работник Центра помог устроиться на работу женщине за неделю до родов. Не-

...«Клиенты» Центра. На разных стадиях — одного удалось сфотографировать на новом месте работы: кажется, доволен... Другого комиссия убеждает в необходимости трудоустройства. Третий же пока раздумывает, работа — вещь важная...

вероятно — но было!

Особая группа — те, кто вернулся после лечения из ЛТП или из заключения. Самая сложная группа хотя бы потому, что большинство из них не имеют жилья. Проблема решается, подыскивается работа на предприятиях, которые дают место в общежитии — на первое время. Помогает исполком.

Сюда приходят и те, кто хочет найти работу поинтереснее. Возможно трудоустройство и в самом Центре. Многие из его сотрудников в свое время были «клиентами» Центра.

Теперь — о переобучении. Около девяноста учебных заведений города и области — курсы, ПТУ, учебные комбинаты — по направлению Центра примут желающих и обучат любой из 580 специальностей, наиболее соответствующей наклонностям, способностям, характеру... Это, может быть, и есть самое интересное в работе Центра.

Итак, профориентация. Это не похоже на действо с тем же названием, проводящееся в школах, когда приходят люди из училищ и уныло бубнят о том, как там хорошо, какая интересная специальность, В учреждении, о котором мы рассказываем, используется психодиагностический метод. Не знаю, так ли удачен термин — согласитесь, немного отдает кабинетом психиатра,— но на деле это очень интересно.

Способность человека к той или иной работе определяется путем тестирования. Это серьезная система определения характера и склонностей человека, разработанная учеными с совершенно конкретной целью — подобрать специальность, наиболее соответствующую способностям. Тестирование одного человека занимает два с половиной часа, результаты обрабатываются с помощью компьютера. Сначала город отказался верить тестированию, скептиков было достаточно. Среди них был директор одного из крупных предприятий. Но, протестировавшись сам, он очень удивился и отправил в Центр всех заводских управленцев — определить соответствие... Сейчас отдел профориентации принимает студентов и школьников, помогает им в выборе профессии.

Все хорошо, но откуда безработные? Оказывается, есть люди, которые работать просто не хотят. Например, вот молодой, красивый парень с высшим образованием. Он наметил себе руководящее кресло и ни на что другое не согласен. Лучше вообще ничего...

«Я хочу работать во-от в том киоске». Но там есть продавец! Может, другой устроит? «Клиент» не согласен, он топает ногой и досадует, как малое дитя...

А вот «выпускник» ЛТП. Для него нашли работу и жилье. Но жилье несколько подальше, чем он ожидал. Нет, не согласен.

Вот человек, который считает, что он в свои сорок лет достаточно «спину гнул, здоровье портил» и сейчас вполне может жить, собирая и сдавая бутылки. Конечно, все они стоят на учете, их шаткие фигуры знакомы участковым. И просят «по-хорошему», собирают комиссии, состоящие из кадровиков, и пытаются уломать...

Еще одна трудность: большинство рабочих мест, которые может предложить Центр,— в деревнях. Это не всех устраивает. Например, к приезду армянских беженцев были подготовлены дома в деревне, протоплены печи, приготовлена еда, но те уезжали тут же. Они были настроены на городскую работу.

По-другому получилось с турками-месхетинцами. В прошлом году Воронежская область приняла свыше двух тысяч пострадавших, да так удачно, что к ним вскоре добавилось еще восемьсот, никоим образом не пострадавших. К счастью, работа нашлась всем, правда, некоторым пришлось переквалифицироваться.

Сейчас среди клиентов Центра много комсомольских работников, они приходят пока еще не за работой — просто осмотреться...

Приходят благодарить за удачное трудоустройство. И всегда коридоры заполнены людьми — каждый чего-то хочет, на что-то надеется. Лица ждущие и несчастные, молодые и со следами «вчерашнего» — разные. Неизвестно, что кому предложат, но очевидно одно: никому не откажут.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ?..

Михаил КОРЧАГИН,
специальный корреспондент
«Огонька»

Шел 1517-й день ее заключения. Позади четыре месяца следственного изолятора КГБ, подчеркнуто громкий судебный процесс и унизительное этапирование под конвоем.

Впереди — долгие годы строжайшей изоляции, в которой и встречает старость. Год ее освобождения — 2000-й. Домой вернется семидесятилетней старухой. Если вернется...

ОСУЖДЕННАЯ № 3

Тяжело ухнули кованные железом двери, и я оказался в женской колонии усиленного режима. Было теплое тбилисское утро 9 апреля, когда я впервые увидел ее — Цикаришвили Нателу Александровну — осужденную под номером 3. Впервые — после опубликования моего судебного очерка «Кандидат в подсудимые». Тогда меня просто к ней не пустили. Боялись нежелательной огласки в центральной прессе. Но очерк я все-таки написал, опубликовав его в «Огоньке» № 20 за 1988 г.

Впрочем, не писать этот очерк я просто не мог. Потому что надолго запомнил неоправданно жестокий приговор. Потому что видел самодовольного судью и плачущих внуков, слышал наивные речи донкихотствующего адвоката и чуть не поверил убедительным, но на поверку лживым речам следователя. Потому что понял в конце концов, что дело сфабриковано, а сама осужденная не что иное, как жертва оговора рыночных взяточников, которым явно не по душе пришлась перестроечная деятельность нового начальника объединения тбилисских рынков Н. А. Цикаришвили. После публикации с нетерпением ждал справедливого решения вопроса в Верховном суде СССР. Но не дождался. Поэтому и вынужден был снова взяться за перо.

Итак, Цикаришвили — жертва. Чтобы понять, почему ею стала именно она, важно знать, что же предшествовало дню уличного ареста.

Из газеты «Известия» за 17.10.85 г.:

«В городском объединении колхозной торговли Тбилиси сменился начальник. Рынками «командует» теперь Натела Цикаришвили. За несколько месяцев уволились более половины работников из числа кладовщиков, весовщиков, контролеров и другого рыночного персонала. Многие со стажем до 30 лет. Ушли, убедившись, что не будет возврата к прежним порядкам, когда можно было «вымогать» за место, за весы, а то и просто так рубли да трешки с торгующих...».

Эти строки были опубликованы за четыре месяца до ареста. Но сами корни случившегося крылись в архивах осужденной: в официальных бумагах, докладных, заявлениях, письмах, так и не учтенных судом. Они настоятельно адресовались в партийные органы. ЦК КПГ, Министерство торговли, прокурорам. Тогда это были крики о помощи, оставшиеся неуслышанными:

«...Меня начинают преследовать, что я уже испытываю на себе не один раз... Мною строго наказано 15 работников. Все это легко сказать, но сделать почти невозможно. Не стану пугать, но была делегация с «полными руками», угрозы. Были угрозы высоких должностных лиц. Моя прямота и активность даже сейчас многим не нравятся.

...Вчера я принципиально всем в лицо сказала всю правду. Один из них отвел меня в сторону и недвусмысленно сказал: «Этот боевой дух и прямота тебя погубят. Сейчас начнут тебя проверять, приставят людей и «раздавят»... К сожалению, это не пустые угрозы...»

На написанное не реагировали в официальных верхах, но неофициально и бурно реагировали «доброжелатели». После двух анонимок в городскую и районную прокуратуры ее арестовали по подозрению во взятках...

Не буду повторять содержание очерка. Лучше обнародую факты, оставшиеся за полями «Огонька» ввиду ограниченности журнальной площади. Возможно, я и не стал бы этого делать, если бы за колючей проволокой до сих пор не томилась инвалид второй группы, шестидесятилетняя, ни в чем не повинная женщина, в судьбе которой роковую роль сыграло следующее обстоятельство...

ВЕЩАЯ С ВЫСОКИХ ТРИБУН

Это случилось на второй месяц после ее незаконного уличного ареста. Следователь городской прокуратуры Джапаридзе только начинал следствие. Был первый день II пленума ЦК КП Грузии. На трибуне — бывший первый секретарь Д. И. Патиашвили. Идет прямая трансляция по грузинскому телевидению, работают все радиостанции республики. И вот на всю Грузию звучат его слова, опубликованные на следующий день местными газетами:

«...Недавно арестована директор объединения колхозной торговли Тбилиси Натела Цикаришвили, **которая получила** взятки на общую сумму около **40 тысяч** рублей от кладовщиков и рабочих колхозных рынков!..»

Итак, с самого Олимпа республиканской власти приговором прозвучали слова «первого» человека республики. Прозвучали в утвердительной форме, сказаны тоном, не терпящим возражений. Хотя месяц назад после безрезультатных обысков в ее сумочке при задержании было обнаружено лишь 285 рублей. Ни о каких 40 тысячах не могло быть и речи. Еще не было суда, не проведено следствие. И тем не менее уже дан «приказ» сверху. Осуществлена так называемая руководящая и направляющая роль парторгана.

И тут же следователя Джапаридзе, так и не сумевшего доказать «преступление», срочно меняют на другого, более способного. Этим следователем явился работник горпрокуратуры Олег Тортладзе, который и стал доказывать недоказуемое. Минуло три недели. И снова на высокой трибуне местный партвождь Д. И. Патиашвили. На этот раз проходило расширенное заседание бюро ЦК Компартии Грузии. И снова, подменяя собою суд, на всю республику, громогласно заявляет он следующее:

«Цикаришвили получала взятки от директоров рынков, контролеров, других работников за назначение на должность, ежемесячные подношения и т. д....».

Не берусь судить, чем так мешала тогда первому лицу республики Натела Александровна, открыто боровшаяся с мздоимцами и взяточниками, и откуда такое ревностное участие в ее судьбе. Не мог не понимать первый секретарь, что значили ЕГО слова для рядовых работников правоохранительных органов. Да и кто стал бы перечить первому лицу республики. Таковых, увы, не нашлось. И результат не замедлил сказаться — находившаяся в гнетущей изоляции следственного изолятора КГБ, около трех месяцев отрицавшая вину больная женщина вдруг оговаривает себя. Как мог произойти этот самооговор, и в результате чего зародилось дело № 67?

ПОКАЯНИЕ

В тот год сильно возросло недовольство базарных взяточников воинствующей Цикаришвили. И мздоимцы смекнули: сладкой жизни может прийти конец. Цикаришвили продолжала отказываться от щедрых подношений, упорно не желая вступать в негласное сообщество рыночных жуликов. Именно тогда одна за одной и появились две анонимки. Одна пришла в районную, Первомайскую, прокуратуру, другая — в городскую. В обоих посланиях «доброжелатель» намекал на то, что на работу за взятки было принято несколько кладовщиков. Взяткодателей вызвали и допросили...

В обеих прокуратурах все как один они ответили, что взятки давать не могли, так как знакомы с Цикаришвили практически не были. И на работу были приняты согласно поданным заявлениям... Но эти почтовые безымянные голубки, запущенные в «органы», уже были предвестниками беды. Через три месяца ее арестовали, поместив в следственный изолятор КГБ...

Для ареста понадобились заявления от конкретных работников рынков. И они появились. Причем появились подозрительно организованно. Будто кто-то негласно руководил заявителями. В один только день ареста (12.02.86 г.) в органы пришли 9 человек. Причем в день подачи заявлений произошло совпадение, которое невозможно назвать случайным: все девять человек, живущих в **разных** районах Тбилиси, работающих на **разных** рынках (Центральном и Навтлугском) организованно являются в одно и то же место, в одно и то же время и кладут на стол практически **одинаковые** заявления. Остальные заявители так же организованно, отдельными группами являются в последующие дни. В одни и те же дни. Во главе с директорами рынков Пицхелаури и Хоргуани, например, послушно являются группы их подчиненных. И далеко не секрет, что с этими директорами Цикаришвили была в постоянном конфликте из-за мздоимства, поощряемого ими.

В гордом одиночестве явилась лишь директор Кировского рынка З. Кобалава, на увольнении которой давно настаивала Цикаришвили. Но, оставляя заявление, она называет 11 своих подчиненных, которые, как по команде, являются в органы, дружно каясь в совершенном «преступлении». Из названных не явились только четверо. Мне довелось встретиться с одним из них (Пруидзе), который сказал, что в оговоре участвовать не захотел. Следствие же никого из этих четверых так и не допросило. Это и неудивительно — их показания шли бы вразрез с нужными следствию показаниями.

...Так и зародилось уголовное дело под номером 67. Оговорщиков было 32. Тем не менее Цикаришвили не могла признать то, чего не было в реальности. А без хотя бы одного признания дело могло рухнуть. Лишь благодаря публичным выступлениям первого секретаря Патиашвили и замене следователя дело пошло «на поправку». Глухие стены следственного изолятора КГБ сыграли свою роковую роль.

«Сначала были угрозы,— рассказывает она мне историю самооговора во время той встречи в колонии,— потом пошли уговоры, и следователь решился на хитрость: он связался с моими близкими родственниками и передавал им написанные мною письма, где каждый раз просил делать приписки типа: «Слушайте во всем батоно Олега (следователя Олега Тортладзе.— **М. К.**). Он мой покровитель». Так постепенно он вошел в доверие к родне и ко мне. Даже носил мне шоколадки. Был подчеркнуто ласков. А потом вдруг пообещал, что

выпустит под расписку из этого ада, если, конечно, признаюсь хоть в чем-то и внесу тысяч 25. Будучи в тяжелом состоянии, я и согласилась, не видя другого способа вырваться на свободу...»

Но, вырываясь на свободу таким образом, она теряла ее на 14 лет. Последнее письмо из СИЗО КГБ стало для нее роковым:

«Тамрико! — писала она дочери.— Послушайся следователя батоно Олега и сделай так, как скажет он. Без этого меня никто не выпустит... Он скажет вам все. Остальное одолжите... Гия! Ты скажи своему тестю, чтобы он дал недостающую часть... По-другому из этого ада я не смогу вырваться... Помогите!.. Не убивайте...

Ваша мама».

И родственники «помогли» — влезая в долги к друзьям, знакомым, они наскребли требуемую следователем сумму.

«Эти письма инсценированы,— услышал я мнение противоположной стороны.— Они написаны не в СИЗО КГБ в 1986 году, а специально для корреспондента «Огонька» уже в 1988 году».

В срочном порядке я и отдал все пять писем Цикаришвили во ВНИИ судебных экспертиз на предмет определения срока написания текста. Оттуда пришел ответ специалистов:

«Проведенными исследованиями установлено, что письма Цикаришвили выполнены **до** 1987 года».

То есть в 1986 году, когда она находилась в камере изолятора КГБ. А из такого следственного изолятора, куда не прошмыгнет и мышь, письма могли выноситься следователем, регулярно посещавшим ее. И вряд ли кем другим...

Таким образом и было получено «чистосердечное» признание. Все выяснилось перед самым судом, в момент подписания обвинительного заключения. Уже на суде она пыталась рассказать обо всем председательствующему, надеясь на тщательное расследование обстоятельств признания. Но судья практически переписал «под копирку» обвинительное заключение. На свет появился еще один неправосудный приговор...

ДЕНЬГИ ДЛЯ НАТЕЛЫ

Если верить приговору, то практически все денежные суммы **вымогались** лично Цикаришвили. Именно вымогались. Так по крайней мере отмечалось в святая святых — в приговоре. В данной ситуации «вымогательство», на языке юристов, главный квалифицирующий признак совершенного преступления — взятки. Без вымогательства как такового преступление просто бы не состоялось.

Именно вымогательство я и ставил под сомнение в очерке «Кандидат в подсудимые». И вот несколько месяцев спустя из Министерства юстиции СССР в редакцию приходит ответ:

«Из обвинения Цикаришвили исключен квалифицирующий признак получения взяток путем ***вымогательства».***

В таком случае на чем, на какой опоре держатся сегодня все эпизоды обвинения, которые рушатся при малейшем прикосновении любого малоопытного юриста? Ведь, согласно приговору, в основе каждого эпизода лежит именно «вымогательство». Какой же интересно дом устоит без фундамента? Остаются одни голые «стены» — голословные признания так называемых взяткодателей (уборщиков, кладовщиков, весовщиков), которые к тому же не могли иметь доверительных отношений с начальником (!) объединения.

В контакте с начальником в данном случае были директора трех рынков. Именно они, если верить приговору, и требовали с подчиненных деньги для Цикаришвили. Иными словами, суммы собирались от ее имени. Этим же именем директора запугивали своих подчиненных, говоря, что она уволит их, если каждый не будет платить ей по 100 рублей в месяц. (Для справки: ежемесячная зарплата каждого составляла не более 100 рублей.— **М. К.**) Работники и платили. Директора же утверждали, что все до единой копейки передавали грозной Цикаришвили. Но передавали ли? Вот что показывали сами «взяткодатели»:

«При фактах передачи денег Цикаришвили директором Хоргуани я не присутствовал, но она нам ***говорила,*** *что относила целиком»; «Я не присутствовал в тот момент, когда директор Кобалава передавала наши деньги Цикаришвили. Я не уверен даже в том, передавала ли она ежемесячно наши 1500 рублей».*

Версию присвоения денег директорами суд даже и не думал проработать. Хотя уже из материалов дела очевидным было то, что директора собирали взятки за ее спиной.

Но до версий ли было блюстителям местной законности? Выставить Цикаришвили матерой взяточницей — вот главная их задача. При этом всему пытались они придать криминальную окраску. Стоило, например, им выяснить то, что Цикаришвили была очень строга с подчиненными, как данное качество руководителя тут же оборачивалось ей во зло: строгость, мол, была мнимой, дабы вымогать побольше взяток. Хотя сами «взяткодатели» показывали на суде следующее:

«Она говорила нам, что, если мы не будем добросовестно работать, она нас уволит с работы. Это нам говорят и сегодня... Требовала от нас порядка и чистоты».

Чистоты и порядка... Не более того. Но такие показания как-то меньше всего интересовали суд. После громких выступлений местного партвождя Патиашвили их показания уже были для судей гласом вопиющего в пустыне...

ВОПРОС ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

Здесь можно было продолжать развенчивать пресловутую Царицу доказательств — признание. По крайней мере любому надуманному эпизоду я мог бы противопоставить документы и элементарную логику. Но поговорим о другом. О тех раскаявшихся «взяткодателях», очень уж дружно заявивших на неугодную Цикаришвили.

Доверимся приговору и предположим, что виновата Натела Александровна. В таком случае одна ли она должна была сидеть на скамье подсудимых? Где остальные? Ведь все, как один, настаивали они на том, что давали Цикаришвили взятки. Причем делали это с такой беспечностью, словно кто-то всемогущий гарантировал им неприкосновенность.

Предположим, некоторые из них были освобождены от уголовной ответственности согласно примечанию к статье 174 УК РСФСР: «Лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности... если это лицо после дачи взятки **добровольно** *(выделено мной!—* ***М. К.)*** заявило о случившемся».

Но все ли взяткодатели подпадают под действие данного закона? Читаем комментарий к УК. 15-й пункт статьи 174 гласит:

«...Однако ***добровольность исключается,*** *если лицо заявляет о даче взятки в связи с тем, что о совершенном преступлении* ***стало известно органам».***

А ведь таких «добровольцев» было сразу восемь: Рубашвили, Окриашвили, Мхоян, Агмадян, Джангоев, Инджия, Муселиани, Касоян и «организатор взятки» Мествиришвили. Ведь еще до их обращения в органы они уже дважды были допрошены на предмет «совершения преступления» в районной и городской прокуратурах. Добровольность в данном случае уже исключается.

Исключена она и для другой группы взяткодателей, о совершении преступлений которой уже **«стало известно органам»** ранее, из заявления директора рынка З. Кобалавы. В своем заявлении она назвала 11 человек, конкретно рассказав о совместном преступлении. Согласно тому же закону и их заявления добровольными считать никак нельзя. Выходит, и они должны были сидеть на одной скамье с Цикаришвили.

Я уже не говорю об уголовной ответственности «организаторов взяток»: Мествиришвили С., Чкареули Р., директоров Кобалава З., Хоргуани М. и Пицхелаури Т. Все пятеро подпадают одновременно под действие сразу двух статей: посредничество во взятке плюс ее дача. Без их организаторских способностей преступление было бы просто невозможно. Всем им согласно статьям 174, 174[1] Уголовного кодекса грозил срок до 15 лет лишения свободы с отбыванием в колониях усиленного режима. С конфискацией имущества! Но закон, который един для всех, почему-то не сработал. Почему? Откуда такие привилегии для этих пятерых? Тем паче, что сами они **признали совершенные ими преступления в подстрекательстве к даче взятки и посредничестве.**

Именно эти вопросы ставил я в публикации за 1988 год.* В итоге из прокуратуры Грузии в редакцию пришли два ответа:

«Мы согласны с мнением М. Корчагина по вопросу необоснованности прекращения уголовного дела в отношении взяткодателей...» «Нами также отменено постановление о прекращении уголовного дела в отношении ***всех*** *взяткодателей с целью установления иных источников их доходов.*

Прокурор Груз. ССР В. А. РАЗМАДЗЕ».

Выходит, прав «Огонек». Но после ответов минуло около двух лет (!), а «иные источники их доходов» «устанавливаются» и по сей день. Хотя источники-то эти установлены еще четыре с половиной года назад — в дни первых допросов. Это поборы с крестьян-тружеников, торгующих на рынках. И вам ли, товарищ Размадзе, не знать об этом? Ведь все сами признавались в этом как на следствии, так и в суде.

Это обычная юридическая хитрость, чтобы увести, кого нужно, от ответственности: выделение их дела в отдельное производство, дальнейшее его прекращение по прошествии времени и, конечно же, перевод этих людей в ранг свидетелей.

Поэтому уже два года спустя все больше и больше склоняюсь к сделанному ранее выводу: платой за оговор Цикаришвили была свобода, дарованная «свидетелям» правоохранительными органами. Поэтому сегодня, полностью потеряв веру в объективность В. А. Размадзе, следующий ответ на поставленные выше вопросы «Огонек» ждет из Прокуратуры СССР, где Его Величество Закон, надеемся, чтут в большей степени.

КОГДА ПИРУЕТ ЦАРИЦА

Итак, все более явным становится, как все-таки появилось на свет дело № 67. Сегодня, когда торжествуют на свободе оговорщики, а прокурором Размадзе покрывается беззаконие, хочу еще раз поставить вопрос: долго ли еще пребывать в неприкосновенности незаконнорожденному приговору, согласно которому томится в заключении осужденная?

Когда два года назад был опубликован очерк в защиту осужденной, от некоторых знакомых юристов не раз слышал я такое: «Послушай, это же типичное базарное дело. Ей, естественно, давали, а она брала...»

Но далеко не однозначно базарное это дело. Необычно оно по своей фабуле и изощренно по нарушению законности. Именно поэтому осенью 1988 года редакция и обратилась в Верховный суд СССР с просьбой изучить его квалифицированно. Верховный суд пошел навстречу. Но истребованное из Тбилиси дело попало на стол консультанта суда Б. Нарсия — бывшего работника Прокуратуры Грузии. В итоге после четырех месяцев волокиты дело вернулось в Грузию, а редакция получила отказ, писанный как раз в те дни, когда дело преспокойно уже пылилось в тбилисском архиве.

Честно говоря, еще большее сожаление вызывал тот факт, что отписка, повторяющая практически текст приговора, писалась в стенах именно этого суда — в стенах, где в первую голову чтут Закон, отбрасывая досужие домыслы.

Помню я тот знаменитый процесс над Чурбановым, когда один за другим отметались эпизоды обвинения, основанные на голословных показаниях. Судья отталкивался не от личных впечатлений, а исключительно от Закона, согласно которому все сомнения толковались в пользу подсудимого. Примечателен в этом смысле и судебный процесс над Р. Абдуллаевой, в отличие от Чурбанова оправданной в тех же стенах при председательстве члена Верховного суда СССР Л. В. Чистяковой.

Сколько же, помню, слухов витало в зале во время процесса над Рано Абдуллаевой, отношение к которой в зале было далеко не однозначным. Признаться, сама ее личность не вызывала у меня особых симпатий. Скорее наоборот. И, несмотря на определенность приговора, не могу не заметить, что, каким бы оправдательным он ни был, не могла не иметь она отношения ко всему, что творилось в Узбекистане,— как один из лидеров компартии, осуществлявшей свою руководяще-направляющую роль в жизни республики. Сколько, помню, далеко не лестных характеристик давалось бывшему партлидеру. Причем назывались конкретные факты, проливающие свет на бывшего секретаря как на личность.

Сейчас трудно предположить, какие чувства испытывала Людмила Васильевна Чистякова по отношению к подсудимой. Но какие бы чувства ни питала она, именно ей предстояло вершить правосудие, подавив в себе все, не имеющее отношения к самому делу. На должной высоте осталась судья, не давшая волю своим чувствам, оставшаяся на позициях Закона.

Думаю, мало у кого сегодня могут вызвать симпатии как осужденный Чурбанов, так и реабилитированная Абдуллаева. Что же касается самих приговоров, то в равной степени радует каждый из них. Ибо только законом руководствовались тогда судьи.

Мне не хотелось бы рядом с именем Цикаришвили ставить имя Абдуллаевой. Первая — труженик, боровшийся со взяточниками. О второй же такого не скажешь. Проведу лучше параллель между двумя судами, вынесшими разные по значению приговоры. Один суд (тбилисский) шел к приговору, подстегиваемый личными впечатлениями, эмоциями, базарными слухами. Другой же строго придерживался законности. На первом уголовном процессе вволю попировала пресловутая Царица доказательств — признание; на втором — торжествовал Его Величество Закон.

Два суда — два уровня квалификации... В то время как уровень, независимо от ранга суда, всегда должен быть одним и тем же — гарантирующим истинное правосудие. Будь то Верховный суд СССР или рядовой районный. Оправдательный приговор должен стать обычным, рядовым явлением, а не сенсацией, приводящей в восторг журналистов.

Сегодня мы посмертно реабилитируем тех, кто пал жертвой кровавых троек. Это пусть запоздалое, но все-таки торжество правосудия. Но как же неохотно порой возвращаемся мы к делам еще оставшихся в живых — тех, кто за колючей проволокой с нетерпением ждет, когда его дело с незаконнорожденным приговором наконец-то поднимут из пыльного архива...

Тбилиси — Москва

* После упомянутой публикации срок заключения Цикаришвили был снижен на пять лет ввиду неоправданно сурового приговора.

СТРАНА ПО ИМЕНИ МОСКВА

Окончание.
Начало см. на стр. 1.

вать и восстанавливать экологический баланс, с предприятия нужно брать постоянно и в полной мере. Тут не штраф, а компенсация за нанесенный ущерб.

И город сам решит, что делать с пылью, грязью, загазованностью. Может быть, расширить в районе зеленые насаждения. Или сделать разрывы в градостроительной системе. Собрать и вывезти пыль с улиц или смыть ее. То есть он должен принимать меры, которые потребуют больших расходов, и последние нужно взыскать с виновников. Выдерживает завод такие санкции — пусть продолжает работать. Если нет,— он уберется или введет новую технологию. Считаю, что это нормальный диалог между городом и ведомствами на языке экономики, а не команды.

— И ведомства соглашаются говорить с вами на этом, новом для них языке?

— Пока что не особенно охотно... Но, думаю, им придется искать с нами общий язык. Это дело времени...

— Юрий Михайлович, мне кажется, что у этой проблемы есть еще одна сторона: Москва вообще слишком перегружена предприятиями, без которых могла бы спокойно обойтись. В данном случае я имею в виду не обязательно вредные производства, а даже экологически чистые предприятия. Едешь утром за город — навстречу битком набитые людьми электрички: торопятся в Москву на работу...

— По нашим оценкам, ежедневно приезжает в город на работу примерно 600 тысяч человек...

— Вечером они пускаются в обратный, совсем не близкий путь: в Дмитров, Вербилки, Монино, Серпухов, Загорск, а то подальше. Люди теряют на дорогу по три-четыре часа в день. Да еще надо в очередях в московских магазинах постоять, так как, пока вернешься домой, свои будут закрыты. Зачем людей мучить? Ведь едут они не на какие-то уникальные производства, а на самые обычные. Неужели вокруг Москвы нельзя создать сеть предприятий пищевой, легкой, деревообрабатывающей промышленности, мелкие фабричонки, артели самого широкого профиля, которые бы дали людям рабочие места и одновременно разгрузили Москву? Думаю, вы согласитесь, что Москва и область давно срослись в большую экономическую конгломерацию с общими функциями, с общими производствами, с общими потребностями. И непонятно, зачем мы стараемся искусственно разорвать эти сложившиеся связи. Вот все мы плачем по поводу исчезновения деревень в Российском Нечерноземье. Ну, а как им не исчезнуть, если так повели там хозяйство, что жителям негде приложить свои руки?

— Полностью с вами согласен. Проблему единой системы «Москва — Подмосковье» решать нужно, а главное, можно, причем с огромной взаимной выгодой. Вот вы заговорили о селе. Я в течение последних трех лет работал первым заместителем председателя исполкома Моссовета и председателем Мосагропрома, поэтому хочу привести факты, которые человеку с трезвым взглядом на вещи понять просто невозможно. Они за пределами логики, здравого смысла.

Вот послушайте. В Москве имеется двадцать три плодоовощные базы емкостью один миллион двести тысяч тонн продукции... Нигде в мире больше такого нет — мы рекордсмены, можем гордиться...

— На сколько же месяцев хватает такого запаса?

— На весь зимний период. Осенью все овощи свозим в город. Потом всю зиму их перебираем, сортируем. Значительную часть пускаем в торговлю, но очень большое количество все-таки теряем, отвозим на свалки, которых, кстати, уже не хватает.

— И это при том, что овощей в Москве хронически не хватает, что за эти овощи селу были уплачены дотации... Доплатили, привезли, чтобы сгноить — абсурд...

— Абсурд. Но он характерен для государственной технологии заготовки овощей. Дураку понятно, что хранилища должны в первую очередь находиться в селе, у производителя овощей. Он, только он, и должен с ними работать. Зимой ему все равно в поле делать нечего. Вот и пусть их перебирает, фасует или даже перерабатывает до полной готовности к употреблению и отправляет в город. Все отходы — на скотный двор, он под рукой. Если не годится скоту — компостная яма рядом, будут удобрения. Ничего не пропадает, все идет в дело, приносит доход. А ведь сейчас каждый год вместе с корнеплодами мы завозим в Москву 70—80 тысяч тонн земли, плодородного гумуса, который копился тысячи лет, и теперь не возвращается на поля, а вывозится на свалку.

— Везем на свалку то, за что уже уплачены деньги, следом везем туда же то, за что в будущем придется платить. Во многих странах сейчас картошку отправляют из села в город в различной степени переработанном виде: уже очищенную, в виде чипсов, специальной крупки, которую стоит залить кипятком и подержать пять минут на огне — получишь отличное пюре. Очень удобно, экономит труд горожан, экономит продукт, дает круглогодичную работу селу. Или вон поляки везут к нам в полиэтиленовых пакетиках замороженную брюссельскую капусту, ассорти из мороженой морковки, лука-порея, цветной капусты, зеленого горошка. Где Москва, а где Польша — одна дорога чего стоит, а все равно везут, значит, выгодно...

— А мы свою картошку из года в год предпочитаем свозить в город, здесь гноить, а затем выбрасывать...

— Очевиднейшая глупость.

— Представьте себе, что труднее всего бороться как раз с очевидными глупостями. Если говорить конкретно об этой, то необоримость ее объясняется психологией, если хотите, философией военного коммунизма, которые сидят в нас на генном уровне. Хотя тогда, на заре революции, у нас хватило ума перейти от продразверстки к продналогу, мы все равно подсознательно уверены, что если вот здесь, рядом, в твоем городском погребе картошки нет, значит, зимой, будешь голодать. Это глубочайшее, одурительное недоверие к селу.

— Ну, а куда это село денется со своей картошкой, если не привезет в город и не продаст? Ему же деньги нужны для городских товаров...

— И тем не менее...

— Неужели никаких перспектив на этот счет?

— Лично я вижу один выход: создание единой народнохозяйственной системы «Москва — Московская область» с одновременным укреплением ее связей со всеми соседними областями при полном учете взаимных интересов. Они должны ориентировать развитие своего сельского хозяйства с прицелом на потребности Москвы, она же, в свою очередь, должна производить продукцию, которая бы удовлетворяла спрос соседей.

— Трудно продвигается дело?

— Трудно. Хотя сдвиги есть.

В последнее время город построил на селе хранилища на 152 тысячи тонн овощей. Сейчас возводим еще семь хранилищ в разных районах области. Так что хозяйства получают возможность у себя на месте хранить собранный урожай и по мере надобности подвозить его в Москву и торговать самостоятельно, минуя городские организации.

— И все-таки, как я понимаю, не удалось избежать сопротивления разумной идее.

— Его просто не может не быть. Сейчас есть областное начальство, есть городское начальство. Когда все будет объединено, то неизбежно сокращение руководящих кресел. Каждый начинает размышлять: «А буду ли я выглядеть в той, новой, системе предпочтительнее?» К тому же напластования прежних лет, прежних методов решения насущных проблем — они тоже надолго оставили свой отпечаток.

— Что конкретно вы имеете в виду?

— Как бы это выразиться помягче, чтобы никого не обидеть и в то же время сказать правду...

Давайте для убедительности и облегчения задачи оттолкнемся от цифры. Согласно статистике, москвичи потребляют по 170 килограммов мяса в год...

— По сколько, по сколько?..

— По сто семьдесят килограммов. Понятно, что москвичи не едят, как Гаргантюа, и этих статистических килограммов на их столе и в помине не бывает. Мы считаем — проводили такое исследование,— что москвичи потребляют килограммов по девяносто. А 75—80 килограммов из их «цифры» увозят «гости» города из Подмосковья и соседних областей. Дальность вывоза (опять-таки мы проверяли специально) достигает тысячи километров. Чуть короче путь статистически «московского» сливочного масла. Неизбежные очереди у столичных прилавков не прибавляют любви друг к другу ни у москвичей, ни у приезжих. Магазинный антагонизм ведет к межобластной неприязни. Вся беда, что у обеих сторон есть для этого достаточные основания. Москвичи обижаются, что им приходится стоять в очередях, что «их» продукты увозят из города. А приезжие, вполне естественно, недовольны, что им за сотни километров приходится ездить за «своими» продуктами, которые взяты из их «законных» фондов и перераспределены в пользу Москвы.

Ситуацию усложняют всякие привходящие факторы. Ленинград занимал по отношению к Новгородской области примерно такое же положение, как Москва к областям Тульской, Рязанской, Калининской, Владимирской. И вот ленинградские власти вводят торговлю по визитным карточкам. И Новгородская область, которая обеспечивала ленинградцев тем же самым мясом, потом ездила за ним в город на Неве, оказалась заблокированной самим Ленинградом. Куда поехали новгородчане? Конечно, к нам, в Москву. И мы мучительно дергались, не зная, вводить у себя талоны или нет. Между прочим, это непростая операция. Я вам открою секрет. Мы все подготовили к введению талонов в середине прошлого года, но отказались это делать. Прикинули, поспорили, знали, что будут периоды, когда московская торговля окажется без мяса, раскупят все. И тем не менее талоны в тот период в Москве вводить не стали. И главным образом потому, что это вызвало бы очень глубокую отрицательную реакцию населения тех областей, которые поставляют мясо в столицу. Этот вопрос обсуждался в правительстве, и наш мэр Валерий Тимофеевич Сайкин после анализа, который мы все вместе с ним провели в Моссовете, заявил, что если вся страна попала в такую паутину, то и Москва не должна иметь какие-то привилегии. Тем более что реально москвичи этих привилегий не чувствуют, только напряженность и растущие безобразия в торговле.

Он предложил, я считаю, достаточно рациональный выход: если государство вынуждено из-за нашей бедности регулировать что-то, то нужно вводить такое положение в целом по стране. Но правительство не решилось на такой шаг.

О том, что создание единой системы «Москва — Московская область» является острой необходимостью, можно судить даже по такой вроде бы невинной вещи, как летний отдых. Многие москвичи любят проводить отпуск в Подмосковье, на дачах, на своих садовых участках. Но кто их там будет обеспечивать продуктами? Кто привезет им хлеб, колбасу, кефир, воду? Город и область — разные государства. Если мы отдадим в область часть своих продовольственных ресурсов (что вполне справедливо, ибо мы будем этими ресурсами обеспечивать горожан), то в следующем году фонды будут уменьшены как раз на такой объем, нам уменьшат «базу». А «база» для всех — табу, она свята и неприкосновенна. Короче, летом дачники опустошают и без того не особо богатые деревенские магазины, и местные жители вынуждены ехать за продуктами в столицу. А летняя перегруженность местного автотранспорта, телефонных сетей! И мы, горожане, ничем не можем помочь: чужая территория.

Вообще командно-бюрократическая система постаралась запутать самые простые вещи, порождая на ровном месте неразрешимые проблемы. Каждое лето мы отправляем своих студентов в Волгоградскую область на уборку урожая помидоров и арбузов, откуда получаем пять тысяч тонн этой продукции. А вот Астрахани, которая нам поставляет ежегодно по двести тысяч тонн бахчевых и огородных культур, мы рабочими руками не помогаем. А надо бы как раз наоборот.

Москва плохо обеспечена фруктами. Осенью практически рядом — в Липецкой, Воронежской, Тамбовской, Орловской областях — гибнет урожай яблок. Послать бы туда грузовики, студенческие отряды — и завалили бы город фруктами, да и на зиму заготовили. Но нельзя: столичные машины как раз в это время отправлены на Алтай перевозить хлеб нового урожая.

— Но фрукты, ягоды можно было бы выращивать и в Подмосковье...

— Область не хочет этим заниматься. В прошлом году город получил отсюда просто смехотворное количество — всего 1700 тонн. Область не хочет выращивать клубнику, не хочет разбивать сады...

— Невыгодно?

— Выгодно. Но хлопотно. Трудоемко. С зерновыми или силосными культурами куда как проще: вспахал, засеял — в следующий раз выходишь в поле только во время уборки. А с фруктами, ягодами — морока. Надо бороться с вредителями, болезнями, надо охранять сады, да и уборка требует рабочих рук.

Была бы единая система, мы бы сразу заставили выращивать фрукты, ягоды, землянику, кустарниковые. Видоизменили бы и структуру овощей. Не просто бы гнали, как сейчас, капусту, морковку, свеклу, а выбор сделали бы пошире. Стали бы решать и вопросы экологически чистой продукции...

А сейчас у области интерес простой:

получить побольше денег при меньших затратах.

— Может быть, стоило стимулировать производство фруктов с помощью закупочных цен?

— Можно, конечно, испробовать и такой вариант. Но в этом деле надо быть очень осторожным. Цены — очень капризный инструмент. Ими нужно еще научиться пользоваться. Мы убедились в этом на картошке.

Помните, в прошлом году было решено перейти на договорные цены при закупках сельхозпродукции, чтобы стимулировать производство. Хорошо, перешли.

Реализуемая в Москве овощная продукция и раньше имела дотацию в 140 миллионов рублей в год. Но это оказалось мелочью по сравнению с тем, что планируется у нас сегодня. Ситуация складывается просто отвратительная. Переход на договорные цены без регулирования их предельного уровня да еще при дефиците продукции на рынке привел к тому, что разрыв между договорными и розничными ценами составил на сегодня дефицит в 670 миллионов рублей — двадцатидневный фонд заработной платы Москвы. Чем город покроет такую брешь в своем бюджете? Такая вот картина.

— А нельзя несколько повысить розничные цены? Ведь покупаем же мы картошку у колхозников на рынке, платим по полтине, а весной даже по рублю, и ничего...

— Мы анализировали этот вопрос. Оказалось, что на рынке реализуется всего пять процентов потребляемой городом картошки, и покупают ее обеспеченные слои общества. А если учесть, что в Москве примерно четыре миллиона человек живут так, что считают каждую копейку, то станет понятно: им рыночная картошечка просто не по карману. Во всяком случае, нас убедили в этом дальнейшие события. В позапрошлом году картошку продавали по гривеннику — простую, чуть крупнее — 12 копеек, а расфасованную — 13,5 копейки за килограмм и продавали ее каждый день примерно по полторы-две тысячи тонн. А всего в Москве расходилось картошки 820 тысяч тонн в год. И вот в сентябре прошлого года цену на картошку подняли: 20 копеек за килограмм. Сразу скачок на 7—8—10 копеек.

Картошка у нас хуже не стала, а продали ее по сравнению с тем же периодом прошлого года всего лишь 92 процента, на 70 тысяч тонн меньше — полуторамесячная норма. В чем дело? Может, москвичи перешли с картошки на макароны или на лапшу? Задал я вопрос нашим аналитикам. Проверили. Отвечают: меньше покупают потому, что она стоит 20 копеек. Как раз у той массы людей, что считает буквально копейки, повышение цены картошки жестоко сказалось на их уровне жизни: она была основным продуктом питания.

— В этом году не было кубинской картошки. По той же причине?

— Нет. Мы отказались от нее, потому что она содержала 600 миллиграммов нитратов на килограмм при норме 80 миллиграммов. Мы проверяем всякую. Раньше кубинская была нормальной. Как только определили, что партия оказалась плохой, сразу вернули. Правда, не знаю, ушла ли она на Кубу.

Так вот, феномен с картошкой требует своего изучения. В нем можно увидеть очень много нюансов, которые заставляют чрезвычайно осторожно решать проблему цен.

— Вы очень остро реагируете на голодное существование других людей. Пришлось самому испытать?

— К сожалению, да. В сорок первом отец ушел на фронт, оставив на руках матери троих сыновей (я, средний, пяти лет был) и бабушку. Мы жили на Павелецкой набережной, около седьмого хлебозавода. Очень плохо жили. Голодно. Рядом с домом была свалка, куда с хлебозавода вывозили шлак. Иногда с форм на шлак падало тесто и обугливалось. И вот, как только увидим, что дед вывозит на лошади очередную те-

легу шлака, прямо туда, разгребаем еще горячий, дымящийся такими крючьями и ищем, ищем обуглившиеся капли теста. Каждая находка — большая радость. Сколько лет прошло — до сих пор перед глазами высится гора дымящегося шлака и мальчишки с крючьями, разгребающие ее...

— Юрий Михайлович, если уж мы заговорили о личном, то не могли бы вы объяснить, почему вы сняли свою кандидатуру на выборах и в народные депутаты России, и в народные депутаты Москвы?

— В российские депутаты меня выдвигали три организации. Я поблагодарил и отказался, так как заранее был уверен, что проиграю. В нынешнюю эпоху всеобщей охоты на аппаратчиков — а я, что ни говори, аппаратный работник — меня обязательно забаллотировали бы, какую бы распрекрасную программу я ни представил избирателям. Да и заведовал я последние три года коварным местом — агропромом, и нынешняя зима, как сами знаете, была сложной в отношении снабжения сельхозпродукцией. Причин много, но виновник тем не менее один — председатель Мосгорагропрома.

В Моссовет я не имел права избираться, так как по положению зампредисполкома не может быть депутатом Моссовета. Это как союзные министры не могут быть депутатами Съезда народных депутатов СССР.

— А вы хотели бы остаться по-прежнему первым заместителем у Сайкина?

— Тут надо бы задать вопрос иначе: захотел бы он видеть меня в качестве своего заместителя? Вот если бы он предложил мне это место, то я скорее всего остался бы его замом и по-прежнему занимался бы своим неувядаемым, бесконечным агропромом...

— Но стали председателем горисполкома...

— Совершенно неожиданно для себя. И скажу по секрету: когда Гавриил Харитонович Попов и Сергей Борисович Станкевич предложили мне этот пост, то Валерий Тимофеевич Сайкин и первый секретарь Московского горкома партии Юрий Анатольевич Прокофьев рекомендовали мне не отказываться.

— А Сайкин-то почему?

— Наверное, потому, что хорошо относился ко мне как к работнику. И ему, видно, не хотелось передавать в незнакомые руки дело, в которое он вложил столько сил и нервов. Наверное, хотел, чтобы была какая-то преемственность в управлении городским хозяйством.

Если уж начистоту, то это был руководитель, преданный интересам Москвы. Сейчас ему предъявляются всякие претензии. Но за четыре года никто бы не смог поднять город из ямы, в которой он оказался, к тому же при средствах, которые имелись в руках Моссовета.

— Выходит, претензии к руководящему аппарату не так уж и необоснованны? Только вот критикующие не всегда знают точный адрес?

— Аппарат аппарату — рознь...

— Интересно было бы узнать ваше мнение на сей счет. Взгляд, так сказать, изнутри...

— Хорошо. Думаю, вы согласитесь, что управленческий аппарат, администрация нужны всегда, а качество их работы зависит от условий, которые создает система, ими обслуживаемая. Чем эффективнее система, тем эффективнее работает и аппарат. И наоборот. Они друг друга как бы взаимно катализируют, оплодотворяют, стимулируют.

Однако у аппарата есть очень важная особенность, которая вступает в противоречие с интересами системы: аппарат склонен размножаться, он склонен к самовыращиванию.

— Что является стимулом? Где заложен ген этой множительной системы?

— Все объясняется просто: условия труда аппаратного работника объективно более благоприятны, чем у производственника.

— В чем это выражается? В зарплате?

— Во-первых, действительно в зарплате. Аппаратчикам платят хорошо. Второе: условия труда. Согласимся: уровень ответственности у аппарата — не сравнить с трудом производственника, исключение составляет разве что высшее звено — первые руководители. Это самая рискованная область деятельности аппарата.

Среднее звено аппарата находится, как мы с вами говорили, в более благоприятном положении, чем производственники. Прежде всего лучше условия труда: бумаги, организационная работа, более культурная среда общения. И обеспечение — на уровне. Именно поэтому аппарат склонен к расширению, делению... Мы боремся миллион лет с АУПом (с административно-управленческим персоналом), все сокращаем его. Если бы все постановления, принятые на сей счет, были реализованы, то у нас сейчас было бы минус 100 процентов количества административно-управленческого персонала. На самом же деле, несмотря на все сокращения, работники АУПа составляют 10—12 процентов от общего количества производственных рабочих. Если же говорить о таких управленческих формированиях, как министерства, комитеты, объединения различного рода, которые растут сейчас как грибы, то сотрудников там стало гораздо больше, чем прежде.

Система предоставляет еще возможность плодить новые структуры, новые звенья управления.

— Это может быть отнесено и к московскому исполкому?

— Конечно. Раньше у нас было примерно три уровня иерархии: предприятия, объединения, верхний уровень — управления и надстроечный уровень — комитет, общее объединение, допустим, главк.

Например, в системе торговли: магазин, районное торговое объединение и городское торговое объединение. Три уровня.

Сейчас ситуация изменилась. Хотя на каждом перекрестке призываем переходить с трехзвенной системы на двухзвенную — помните, чьи это слова? — все получается наоборот: уже много систем четырехзвенных, а кое-где и пяти. В строительстве — управление, трест, объединение, объединение более крупного уровня и комитет.

В принципе я бы сказал так. Аппарат нужен, потому что он рождает управленческие решения. Он координирует работу первичных производственных звеньев, занимается планированием, материально-техническим снабжением, внедрением новой техники и так далее.

Но когда количество управленческих звеньев становится больше, чем необходимо для эффективного решения задач управления, создается противоестественная ситуация: они начинают душить тех, кто их кормит, кто их породил и содержит.

— Кого именно?

— Предприятия. Промышленные, строительные, торговые — всякие. Душить не со зла, не специально, так как понимают, что те нужны и должны функционировать. Но функционировать они обязаны только так, как определено в приказах вышестоящих структур, и тем самым оправдывать существование последних.

В чем тут беда? Не только в том, что верхняя система управления заставляет низы отчислять 7—10 процентов доходов только на свое содержание. Главная беда связана с тем, что все управленческие решения, все вопросы, которые ставятся нижестоящей системой, производственной единицей, перед вышестоящей, решаются с грандиозными потерями темпа и качества. Четыре звена управления — это ступеньки, где останавливается управляющее решение. Оно должно вылежаться, выдержаться на каждой ступеньке, на каждом этапе оно должно быть «осмыслено», «согласовано», «увязано», а у нас в этом плане всегда полно очень талантливых людей, которые определяют, правильно ли составлено управленческое решение. И каждый может посчитать, что может быть неправильно. И каждый может его притормозить или, еще лучше, при нынешней демократической общей ситуации вообще уничтожить.

Эта аппаратная иерархия страшна тем, что сводит на нет качество принятия решения.

И эта ситуация осложнена тем, что нынешняя система управления сохраняет за собой властные функции в отношении кадров. Я, более высокий руководитель, сам назначаю руководителей более низкого уровня. Сам даю им план работы, сам определяю материально-техническое снабжение, сам выдаю ресурсы по лимиту и сверх него. И, наконец, сам делю централизованные фонды на развитие.

— Но некоторые из этих функций переданы вниз...

— Правильнее сказать: передаются. Но еще не переданы. Поэтому прежняя, многозвенная система действует и процветает. Сквозь нее не пробьешь. Ее звенья срослись, заскорузли, образовали плотную массу. Это как бочка с гуталином: попал в нее — завязнешь, да еще и выгваздаешься — вовек не отмыться... Многозвенная структура амортизирует все новации, которые идут снизу, но она амортизирует и все новации, которые идут сверху. Она уничтожает все живое. Уничтожает здравый смысл.

Я пример приведу. Вчера мы разбирали проблему ремонта улиц. Знаете, что у нас делается в этом плане? Я задаю вопрос дорожным службам: «Кто формирует заказ на работу?»

Александр Александрович Вашурин, начальник Автодора, отвечает: «Мы сами». Я говорю: «Ты сам, таким образом, выбрал улицы, которые тебе нужно ремонтировать, выполнил работу, кому сдаешь ее? Должен быть приемщик, должен быть ОТК». Он говорит: «Как кому сдаю? Сам себе и сдаю». «Как — себе? Ты должен ее сдать пользователю, например, району, на территории которого асфальт укладывал... Или ГАИ, которая, по положению, должна вести надзор за состоянием дорог». «Нет,— говорит,— я ее сдаю себе». «Ну, хорошо,— говорю,— а претензии есть какие-то к вашей работе?» «Да, есть претензии».—«И что?» —«Я сам себя штрафую».— «И каким образом: перекладываешь деньги из своего левого кармана в правый карман?..»

— Невероятно!..

— Еще как вероятно!

Я его спрашиваю дальше:

«Скажи, пожалуйста, были ли случаи в истории Автодора, когда он не выполнил план?» «Что вы, Юрий Михайлович,— отвечает.— Такого никогда не было».

Представляете? Организация, к работе которой столько претензий, работает не на город, а на себя. Чего-то недоделали или сделали плохо, просто ухлопали городские деньги, просто обкрадывают город — ни у кого никаких претензий.

И вот теперь зададим вопрос: что, аппарат Автодора такой дурной, если сумел разработать для себя такую прекрасную систему? Думаю, наоборот: там сидят талантливейшие люди и будут защищать свои порядки насмерть...

— Юрий Михайлович, но, видно, подобная система действует не только в Автодоре, она отлажена, наверное, и в других подразделениях, и в других отраслях московского хозяйства?..

— Конечно, ремонт жилого фонда — то же самое. Правда, со своей спецификой. Честно сказать: мы имеем очень сложную, запутанную систему. И складывалась эта система не год, не два — за ее плечами многие десятилетия.

Вернемся к Автодору. Кто ему должен заказывать работу? Ясно: районы, микрорайоны. И он, имея определенные ресурсы, получив тот заказ, должен его проанализировать с точки зрения своих возможностей. Если их не хватает, то Автодор, как отвечающий за это дело в городе, обязан найти кооперативы, какие-то другие организации, может быть, даже иностранные, которые бы ему помогли. Реально это? Вполне. Сложно? Да.

Дальше. Выполнять работу можно тоже по-разному. Когда лучше всего асфальтировать улицы? Ясное дело — летом. Автодору же выгоднее зимой: в два раза больше платят. А что асфальт становится дыбом, что на свежем покрытии тут же образуются выбоины — ему все равно. Деньги-то уже получены. Какой же выход? Нужно сезоны поменять местами: летом платить больше, чем зимой, и намного больше. Летом Автодор должен отремонтировать, заасфальтировать все улицы, а зимой — только очищать их от снега. Причем теми же силами, что сегодня ремонтируют асфальт. А за уборку снега ему зимой платить хорошие деньги — и все будет прекрасно.

Дальше. Говорят: почему ремонтники ведут ремонт улиц только днем — это мешает движению, снижает качество? А дело в том, что ночью они хотя и получают надбавку, но небольшую, а условия труда значительно хуже дневных. Приплати ночью не 40 процентов, а 80 — ночью станут работать не хуже, чем днем.

И так во всем. Нужно увязывать оплату с результатом труда. Оплату работы аппарата в том числе. В противном случае он найдет тысячи причин, чтобы провалить дело.

Доходит до смешного. Когда-то было решено устроить в Москве девять пешеходных зон: Арбат, Кузнецкий мост, Столешников, Клементовский, Лаврушинский переулки, Школьная улица — это около Заставы Ильича, район старообрядцев и так далее,— сделали пока что один Арбат. Но это показуха. Он недоделан, там людям жить невозможно.

Остальное вообще не двигается. Я собрал архитекторов, спрашиваю, почему не выполняется решение. Приводят массу объективных причин. Главная: нет средств. А какие особенно нужны деньги, чтобы сделать пешеходной площадь непосредственно перед Большим театром? Перекрыл проезд автомашин с Петровки, пустил их поток вокруг сквера, и все. Можно установить какие-то малые элементы. Людям будет хорошо. Какие для этого нужны капитальные вложения? У нас четверть всех вопросов в городе может быть решена без капитальных вложений.

— И что вам ответили?

— Ничего. Аппарат силен тем, что не имеет честолюбия. Даже аппарат творческих организаций. Те же архитекторы — они бы могли создать себе имя на проектах пешеходных зон, оставить его в памяти, в истории Москвы! Увы, даже это не волнует. А средства? Можно же реконструировать улицу, переулок в складчину: министерства, заводы, кооперативы могут создать акционерное общество, Моссовет сдал бы в аренду землю тем, кто способен сделать эту улицу. Естественно, под надзором Главархитектуры. Делайте проект, стройте. После передавайте здания в аренду под торговлю, сферу обслуживания, рестораны и гостиницы, может быть, жилые квартиры — все в аренду на длительное время. Дело пойдет. Сейчас очень многие хотят внести свои деньги в развитие и реконструкцию Москвы. Надо только браться за дело порешительнее.

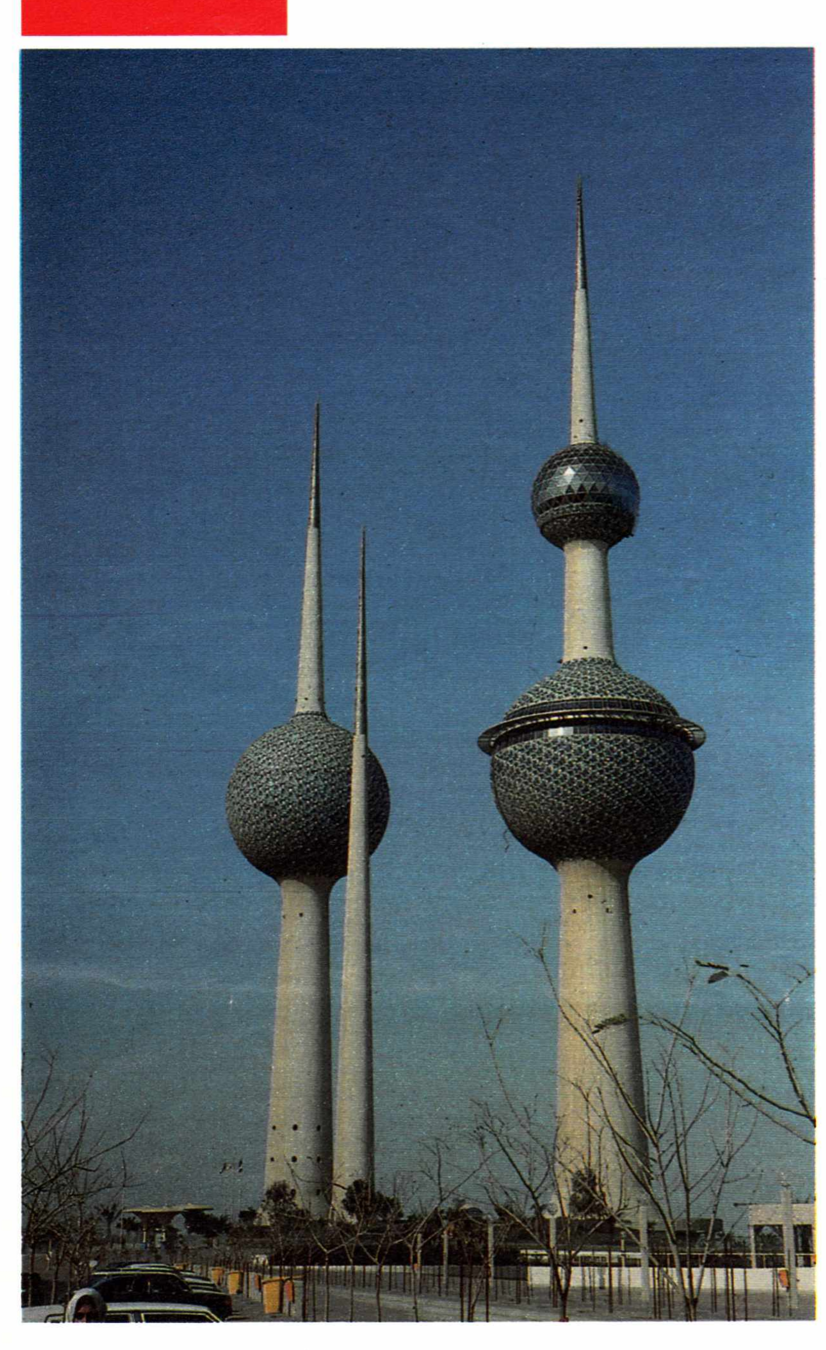
— И менять аппарат?

— Делать ставку на молодых, которые еще не отравлены рутиной.

ОГОНЁК

КРАСКИ КУВЕЙТА

Владимир НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Столичные башни — символ страны.

Что мы знаем о Кувейте? Огромные запасы нефти и как следствие — богатая страна. С запасами — это точно. А вот со следствием... Не так все просто, не столь прямая связь.

Наша страна, например, не беднее Соединенных Штатов. Богаче. А как мы отстали от них по уровню жизни! Недавно «Правда» сообщила, что в США рабочий получает за год в среднем 25 тысяч долларов, и далее добавила, что его советский коллега, чтобы сравняться с ним, должен получать за год 100 тысяч рублей.

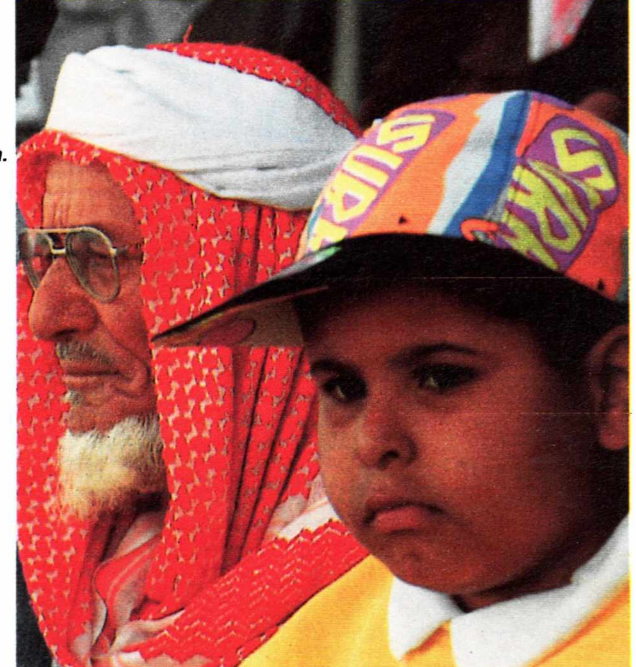
Нет, дело не только в природных богатствах, а еще и в том, кто и как ими распоряжается.

Руководители Кувейта сумели по-хозяйски распорядиться своим богатством и продолжают его использовать с большой выгодой для народа и стра-

Праздник на стадионе.

Вчера и завтра.

Мухамед Эль-Дёмхи.
«СБИВАНИЕ МАСЛА».

Абдалла Эль-Касар.
«СТАРЫЙ КУВЕЙТ. НА БЕРЕГУ ЗАЛИВА».

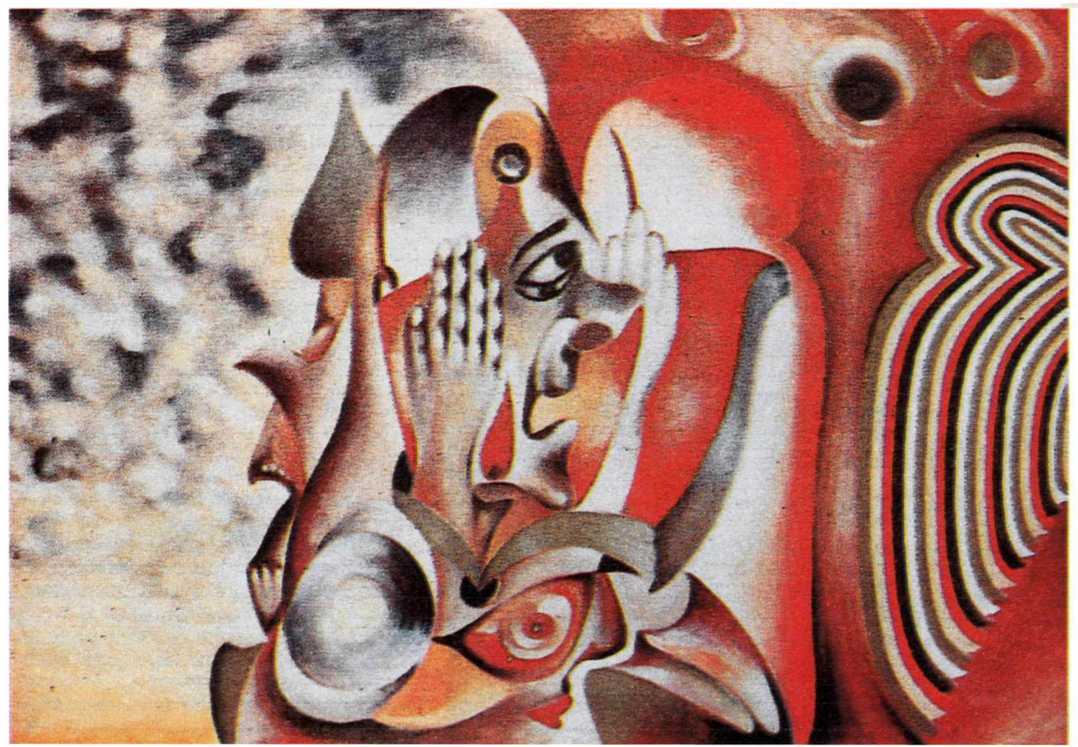
ны. Государство гарантирует каждому кувейтцу право на работу и крышу над головой (можно сказать, что с жильем проблем там нет). Расходы на систему образования в бюджете стоят на втором месте (на первом — расходы на производство электроэнергии и пресной воды). И среднее, и высшее образование — бесплатное, многие учатся в зарубежных университетах. Половина от общего числа учащихся принадлежит к женскому населению. Расходы на здравоохранение стоят в бюджете на третьем месте, лечение бесплатное.

Это только несколько основополагающих факторов. Десятки и сотни больших и малых конкретных дел, с которыми знакомишься, будучи в Кувейте, убеждают в силе и жизненности этих принципов. Например, в стране существует «Фонд для будущих поколений», в который ежегодно поступает 10 процентов от нефтяных доходов. Это забота о тех, кто будет жить в Кувейте, когда нефтяные запасы иссякнут (лет через двести). А вот пример заботы о ныне живущих. На медицинском факультете экзамены у студентов принимают приглашенные для этой цели специалисты из других стран. Логично! Ведь врачу доверяется самое драгоценное — жизнь человека. И еще характерный штрих: кувейтские компании ежегодно отчисляют в «Фонд развития науки» пять процентов прибыли (само собой разумеется, что при этом многие из них и сами занимаются собственными научными изысканиями).

В изданной в 1989 году книге «Кувейт на марше» говорится: «Кувейт является одной из немногих стран в мире, в которых нет заключенных, попавших в неволю за инакомыслие, и нет преследуемых за него». Терпимость, политическая и религиозная, безусловно, является отличительной чертой Кувейта.

Богатыми, яркими красками радует культура страны. Одним из ее первых шагов по пути независимого развития стало создание Центра по сохранению народного искусства, изучению которого, кстати, уделяется большое внимание в школах. Специальный институт занимается народными промыслами, основанными на древних традициях бедуинов. Национальный совет по культуре, искусству и литературе направляет и координирует всю деятельность в этой сфере. В ежегодной Ярмарке арабских книг участвуют более 300 издательств из многих стран. Раз в два года в Кувейте проходит выставка арабских художников, а постоянная экспозиция местных мастеров устроена в прекрасном Национальном музее страны. В столице немало художественных галерей, они отличаются и многообразием талантливых работ, и самым современным оснащением. Кстати, местные живописцы учатся не только у себя на родине, но и за рубежом, в том числе в Советском Союзе. Кувейтский институт театрального искусства готовит мастеров сцены и искусствоведов. И, конечно, с особой завистью (какая современная техника!) знакомился я с работой журналистов и местного телевидения (на нем — около 1500 сотрудников).

Столица Кувейта — уникальный ансамбль архитектурных шедевров, а небольшие города, выросшие среди пустыни,— его достойные младшие братья. Как в сказке, появились в песках зеленые плодоносящие оазисы и такие шоссейные магистрали, которым могут позавидовать Европа и Америка. А ведь два-три десятилетия назад все было иначе. Об этом недавнем прошлом напоминают работы кувейтских художников, публикуемые на цветной вкладке. Вот картины «На берегу залива» и «Судоверфь». Приземистые домишки и ветхие суденышки. Нынче вместо них изящные небоскребы, океанские лайнеры и гигантские танкеры. Еще любопытное полотно — «Сбивание масла». Сегодня в стране есть не только лучшее привозное масло, здесь с каждым го-

дом наращивается массовое производство собственных продуктов, которыми в недалеком будущем Кувейт собирается обеспечивать себя полностью.

От моих коллег по профессии (как, впрочем, и от многих других кувейтцев) я узнал о большом интересе к нашей стране. Наши связи обретают весьма реальные контуры. Так, ленинградский Эрмитаж выставляет в Кувейте свои экспонаты и разворачивает у себя кувейтскую экспозицию. А объединение «Техноэкспорт» устанавливает оборудование на местном нефтеперерабатывающем комплексе. Несколько сот советских специалистов работают там и предполагают, что это не последний наш совместный проект. Я беседовал с ними и убедился, что мое мнение о Кувейте, основанное всего на двух встречах с ним, не расходится с впечатлениями моих соотечественников, живущих там месяцами.

Небо над Кувейтом безоблачно почти круглый год. А как его политическая атмосфера? Неужели впрямь, как и кувейтское небо? Есть, разумеется, и у них свои проблемы. Но, как говорится, нам бы их заботы...

Халифа Эль-Каттан.
«ПО МОТИВАМ РАМАДАНА, РЕЛИГИОЗНОГО ПРАЗДНИКА».

Самья Ахмед Эль-Саид.
«НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ».

Халид Эль-Кауд.
«СУДОВЕРФЬ В СТАРОМ КУВЕЙТЕ».

ОГОНЁК

Тамара ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

«Бездарность», «выскочка из технарей», «лженоватор» — такая слава долгие годы сопровождала выпускника томского мехмата и Московской консерватории Эдисона Денисова. И вдруг все переменилось. Открылись столичные залы и театральные сцены. Заговорила пресса. Сегодня 60-летний композитор, давно вкусивший мировой известности, стал музыкальной сенсацией в своем отечестве. Стал он в какой-то мере и сенсацией политической, ибо в дни реформ вошел в состав нового высшего руководящего органа Союза композиторов СССР — его рабочего секретариата. Денисов — в «овальном кабинете» президента музыки? Денисов — сподвижник Хренникова? Возможно ли? Неужто бескомпромиссность Денисова — миф? И вновь накаляется атмосфера вокруг музыканта-реформатора, члена-корреспондента Баварской академии искусств, кавалера ордена «Искусства и литературы» Франции, который ведет теперь по пятницам прием и заседания здесь, под старыми портретами Прокофьева и Мясковского.

ПЕРЕСТУПИВ ПОРОГ КАБИНЕТА

— Эдисон Васильевич, переступив как бы хозяином, секретарем правления порог этого кабинета, вы, в сущности, завладели «штабом противника». Как это произошло?

— В конце декабря, помнится, в воскресенье, около полуночи, в моей квартире раздался звонок. «Эдик, здравствуй,— Тихон Николаевич Хренников. Мне очень нужно с тобой поговорить». И я пришел сюда, в этот кабинет. Я был готов к любому предложению, но войти в новый рабочий секретариат Союза композиторов СССР? В котором будет только семь человек? Ведь я сам недавно выступал на московском правлении и критиковал новую структуру Союза, которая мне казалась недостаточно демократичной. Я сказал Тихону Николаевичу, что не готов. Но получилось, что вроде «попробовать можно». А сомнения у меня были очень большие. По многим причинам. На первом же заседании я заявил, что считаю себя членом временного правительства, выбранного недемократическим путем. Да и опасался, конечно, что приглашен «для мебели»... Раньше я заходил в этот кабинет очень редко...

— Так ради чего вы все-таки решились на номенклатуру?

— Я надеялся быть полезным... Ну вот, например: я добился, что в этой комнате было принято решение о том, что выборы первого секретаря и рабочего секретариата пройдут на съезде композиторов при тайном голосовании, альтернативным путем. Видите ли, старый секретариат Союза композиторов — это была прекрасно организованная мафия, со всеми особенностями мафии. Как правило, это были те композиторы, которых выдвигали в число «лучших». Долгие годы в секретариате Союза культивировалась забота не столько о нуждах советской музыки, сколько о собственном самоутверждении и преуспеянии. Секретарская власть использовалась не для того, чтобы помочь другим, но только, чтобы «урвать» для себя, получить все исключительное. Посмотрите только список титулов и званий, которыми награждены те, кто по 20—30 лет занимал секретарские посты: здесь и народные СССР, и лауреаты всевозможных высоких премий, Герои Соцтруда. А какое количество орденов! Причем многие секретари не появлялись в Союзе годами. Первое, что я предложил,— отказаться от зарплаты, но меня не поддержал пока никто.

— И вы подчинились общему ритуалу? А ведь Кабалевский, например, никогда не получал своей секретарской зарплаты, Борис Чайковский — в бытность секретарем Союза композиторов РСФСР — отказался от денежного вознаграждения и не получал его в течение 6—7 лет. Тихон Николаевич Хренников в последние два года — тоже.

— Я в принципе считаю: в общественной организации зарплаты быть не должно.

— Как-то ленинградский художник Евгений Мальцев заметил, что творцам невероятно трудно участвовать в любых заседаниях, они томятся мыслью об оставленной работе, мучаются от сознания своего бессилия, идут же на эти общественные галеры в силу честности, чувства ответственности. Нет ли у вас этого комплекса?

— У меня этого комплекса нет. Можно ли сегодня сидеть в башне из слоновой кости и чего-то ждать? В этом смысле я не согласен с Софьей Губайдулиной. Я очень ее люблю, она честный человек, замечательный композитор. Но ее позиция: «Меня ничто, кроме музыки, не интересует, я ни в чем участвовать не буду» — мне кажется, в наше время, повторяю, в такое трудное для страны, неприемлема.

— Используете ли вы свои новые возможности в направлении консолидации или хотите остаться верным своему прежнему девизу — «Не быть единомышленником ни с кем»?

— Я в принципе за то, чтобы объединяться, а не разделяться. При решении общих вопросов должна царить полная объективность и доброжелательность. Пусть музыка композитора тебе абсолютно чужда, но старайся не терять объективности, если речь идет о таких важных вещах, как прием в Союз, заключение контракта, командировка за границу. Личные симпатии и антипатии непременно нужно перебороть, коль скоро ты облечен властью. Я придаю этому такое значение еще и потому, что сам с этим столкнулся... Когда мою оперу «Пена дней» по роману Бориса Виана ставили во Франции, мне необходимо было поехать туда. Я пришел к Хренникову на прием. Объяснил: вот в Париже ставят мою оперу, у меня есть приглашение, но «сам» должен сказать «да», и только в этом случае... На что он мне ответил: «Твоя опера нас не интересует, и мы ее поддерживать не будем». Я пытался его убедить, что опера ведь нигде не поставлена, что не каждый год у советского композитора мировая премьера в Парижской национальной опере. Но он даже не поинтересовался названием и содержанием оперы. «Я еще раз повторяю тебе,— сказал Хренников,— твоя опера нас не интересует». Это было в 1985 году. А когда однажды меня пригласили одновременно в Италию и Швейцарию, то Союз послал в Италию телеграмму, что я еду в Швейцарию, а в Швейцарию, что я еду в Италию.

— Вы предпочитаете все-таки действовать в кругу единоверцев, не так ли? Даже создали в рамках Союза композиторов новую структуру...

— В феврале 1990 года мы образовали Ассоциацию современной музыки, где меня выбрали председателем. Думаю, Ассоциация современной музыки, родившаяся как продолжение той, которая существовала в 20-е годы и была официально запрещена в 1931 году, будет иметь будущее. Пока ее функции четко не определены, во всяком случае, будут хотя бы свои концерты: вот недавно, в марте, мы провели первый концерт Ассоциации, целиком посвященный творчеству Пьера Булеза.

— В последнем московском фестивале современной музыки «Альтернатива»? Союз композиторов, помню, не только не принимал участия, но даже очевидно ему мешал. На одном из остроумных концертов «Вечер музыки живой и мертвой», где исполнялись произведения Будашкина и Булеза, Кабалевского и Мессиана, Хренникова и Кейджа, я прочла следующее объявление организаторов: «К сведению публики: 1) предпринимались попытки снять этот концерт; 2) на публикацию данной аннотации к концерту получен отказ; 3) многие исполнители не решились принять участие в этом концерте»... Концерт проходил в Доме Шуваловой на улице Воровского, в атмосфере нависающего скандала. Выходит, еще до конца 1989 года Союз сопротивлялся...

— Он и сейчас сопротивляется. У нас ведь три Союза — общий, российский и московский, и никогда не было у них полного согласия. Единственный Союз, который делал что-то хорошее для Музыки,— это московский, которым последние годы руководил Борис Михайлович Терентьев. Это он более десяти лет назад организовал фестиваль «Московская осень». Ведь ни на одном пленуме СК РСФСР — ни при Шостаковиче, ни при Свиридове, ни при Щедрине — ни одно наше сочинение не исполнялось. Я говорю не только о себе, Шнитке, Губайдулиной. Это в равной мере касалось и таких, например, композиторов, как Смирнов, Шуть, Корндорф, и многих других. Только «Московская осень» дала нам жизнь, потому что у Терентьева была правильная позиция: все члены Союза композиторов равны. Порой ему приходилось очень трудно, ибо секретариатом предпринимались неоднократные попытки сорвать фестиваль «Московская осень». Помню, однажды специально назначили пленум в Кемерове в те же самые дни, чтобы сорвать фестиваль в Москве.

— Вы приобрели известность как представитель опального авангарда композиторов-шестидесятников. Ощущаете ли вы себя уже «классиком» авангарда, как говорит о вас музыкальная молодежь?

— Никогда не присоединялся к идее Тарелкина: если прогресс идет вперед, то быть впереди прогресса. Но ведь каждый честный художник, обладающий индивидуальностью, имеющий идеи в искусстве, будет писать такую музыку или такие картины, которые не войдут в рамки «официального» искусства. Это было всегда: художники, писавшие нетривиально, вызывали протест и гнев официальных лиц, да и публики. Так было, например, с «Весной священной» Стравинского, с оперой «Пеллеас и Мелизанда» Дебюсси — самым великим, на мой взгляд, его сочинением.

Я считаю, что вся музыка, которая в свое время являлась «авангардом», со временем становится классикой, почти всегда.

— Сегодня вас причисляют к представителям «неоромантизма», или «ностальгического романтизма», который называют альтернативой авангарда 60-х годов...

— Это абсолютно неправильно. Я против того, что сейчас называют «неоромантизмом», для меня это одно из проявлений конформизма. Так же как конформизмом я считаю некоторые новые стилистические явления в музыке, как «минимализм», например, и прочее. Это, по существу, отступление назад: люди поднимают руки вверх и говорят: «Герои устали». Но вернемся к проблемам так называемого «неоромантизма».

Например, многие удивляются, что последняя часть моего Альтового концерта — это вариации на тему «Экспромта» Шуберта, опус 142. Шуберт, как и Глинка, и Моцарт, был тем композитором, который меня сопровождал всю жизнь и ценность и важность которого для меня с годами не уменьшается, а увеличивается. Меня никто не просил оркестровать Вальсы Шуберта. Но я это сделал: шесть циклов Вальсов Шуберта для камерного и три цикла для симфонического оркестра. В финале моего Скрипичного концерта появляется цитата из «Прекрасной мельничихи» Шуберта. Это не коллаж, не элемент полистилистики, но некая программная идея, подобная цитате хорала Баха в Скрипичном концерте Альбана Берга. Я обратился к Шуберту в финале Альтового концерта, потому что это концепция концерта, когда все направлено к появлению темы Шуберта. Это ведь одно из поздних сочинений композитора, в нем — прощание с жизнью, предчувствие конца. Для меня музыка Шуберта — это как бы символ вечной красоты в искусстве, символ вечного...

— Однако вы не раз высказывались против цитирования и коллажирования.

— А я и сейчас против! В моей музыке так называемые «цитаты» имеют совершенно иной смысл: это не стилистическое столкновение, они вписываются в стилистику сочинения.

— Как обширные джазовые цитаты из Дюка Эллингтона в партитуре оперы «Пена дней»?

— А вы попробуйте обойтись в этой опере без Дюка Эллингтона. Это же невозможно! Это часть внутренней драматургии романа Бориса Виана, раскрывающая ряд его аллюзий. Прекрасный профессиональный музыкант, Виан сделал музыку Эллингтона одним из действующих лиц. В принципе вся джазовая музыка в опере написана мной, но в ней есть три переработанные цитаты из Дюка Эллингтона (точно указанные Вианом в романе). Единственная прямая цитата — в седьмой картине, когда Хлоя просит Колена поставить ей пластинку... Я ведь очень люблю джаз. Каждый серьезный композитор, по-моему, должен пройти через глубокое профессиональное изучение именно джаза. И еще фольклора.

— «Пена дней» после успешной премьеры в Париже была бы, вероятно, еще долго неизвестна в нашем Отечестве, если бы не отважная работа Пермского оперного театра...

— Да! И вот что примечательно: главный режиссер театра Эмиль Евгеньевич Пасынков, человек очень талантливый, вначале сам начавший постановку, сказал мне, что пригласит молодого режиссера, поскольку не чув-

◄ Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

ствует в себе достаточных возможностей. И он пригласил режиссера, который даже не работал в оперном театре,— Вячеслава Голода. Они сделали ставку в очень трудной игре. И я считаю, что Пермский театр выиграл прекрасно, его постановка ничем не уступает парижской, а в чем-то даже ее превосходит. Пожалуй, она сделана с бóльшим уважением к музыке.

— Но в целом с зарубежными премьерами вам, вероятно, везло больше, чем с отечественными?

— Практически у меня почти все премьеры зарубежные. Возьмем, к примеру, концерты с оркестром, которых у меня двенадцать. Премьера первого Виолончельного состоялась в 1972 году в Лейпциге, как и следующего — Фортепианного; премьера Флейтового концерта, который я писал для швейцарского флейтиста Орэла Николе, прошла в Дрездене; Скрипичный концерт впервые звучал в 1978 году в миланском Ла Скала в исполнении Гидона Кремера. Премьера Альтового в исполнении Юрия Башмета — в Западном Берлине. Последний, Кларнетовый, концерт — в ФРГ, в городе Любеке. Что же касается Симфонии, которая под управлением Геннадия Рождественского уже дважды звучала в Москве, то впервые она была исполнена 2 марта 1988 года в Париже. И вот только мой балет «Исповедь», написанный по заказу театра оперы и балета «Эстония», был поставлен у нас, и поставлен прекрасно — Тийтом Хярмом. Это первое мое сочинение, приобретенное Министерством культуры СССР.

— Композитор Алексей Рыбников в одном из последних своих интервью сказал (я цитирую): «На мой взгляд, музыка вообще как искусство к сегодняшнему дню сказала все, что могла сказать. Творчество авангардистов 60-х годов было последней ступенью старого симфонизма. После них никто уже не сможет сказать ничего нового в этой области. Идет умирание старой музыки. Я имею в виду искусство композиции. Писать сейчас музыку, как у Баха, Моцарта, Шостаковича, Штокгаузена, Пресли, «Битлз», бессмысленно. Это уже сказано и сказано в лучших образцах». Как вы относитесь к такой точке зрения?

— Алексей Рыбников очень милый человек, но — да простит он мне — ничего не понимает в музыке. Конечно, нехорошо так говорить о коллеге, тем более что я отношусь к нему с симпатией. Он человек не профессиональный в области композиции и пишет музыку прикладную, довольно провинциальные коммерческие поделки. Поэтому его высказывания имеют для меня примерно ту же ценность, что и высказывания, скажем, Лигачева Егора Кузьмича. Вообще развелось много ораторов, которые то и дело высказываются по самым глобальным проблемам. Это все от нашего провинциализма. В течение долгих лет создавался этот дилетантизм, и вот, пожалуйста,— пожинаем его плоды.

— Как вы вообще относитесь к так называемому «третьему направлению», к которому принадлежит и Рыбников?

— Нет никакого «третьего направления»! Это ложное направление, которое собрало вокруг себя людей, которые не умеют писать ни хорошую серьезную музыку, ни хорошую эстрадную, джаз или рок-музыку. А поскольку они не умеют писать ни то, ни другое, они выбрали серединку. Сидят между двух стульев, и ничего у них не получается. Это направление — выдуманное, потому что музыкальной основы под этим нет. Есть только коммерческая.

— Вы относите это и к Гладкову?

— Геннадий Гладков — профессионал, он не принадлежит ни к какому «третьему направлению». Я отношусь к Гене с большой симпатией как к человеку; мне близка его общественная позиция, однако основной круг его творчества — все-таки прикладная музыка.

— Но вы и сами, Эдисон Васильевич, в свое время отдали дань прикладным жанрам...

— Я и сейчас занимаюсь театральной музыкой — пишу к спектаклю Театра на Таганке «Самоубийца».

— Вы ведь стали, по существу, основным композитором Таганки. Сколько спектаклей сделали вы с Юрием Любимовым?

— Всего семь, «Самоубийца» — восьмая работа. (Мы начали ее лет десять назад, но нам тогда все прикрыли.) Мне кажется, это его семь лучших спектаклей. «Послушайте, Маяковский!», «Живой» Бориса Можаева, который был запрещен 21 год назад; потом мы ставили «Обмен» и «Дом на набережной», «Преступление и наказание» — спектакль, который Юрий Петрович сейчас замечательно восстановил. И, наконец, «Мастер и Маргарита» и «Три сестры».

— Вы не откроете тайну взаимоотношений режиссера Любимова, работающего над новым спектаклем, с композитором?

— Он читает текст вслух. Потом мы вместе обсуждаем. И он, между прочим, не говорит: мол, такая-то музыка здесь нужна. А я никогда в жизни не играл ему ни единой ноты. Он слушает уже запись. Иногда мы начинаем даже ссориться. Когда я принес ему запись музыки «Мастера и Маргариты», он воскликнул: «Как, это — тема Мастера?!» «Да»,— говорю. Он — «Хм-м»... Задумался. Не понравилось. А эта тема фактически идет через весь спектакль. И вот в финале спектакля он захотел только звук маятника «тик-так-тик-так». Это означало бы — убить спектакль. Я сказал: делайте, как хотите, но я уйду из спектакля. И не приду на премьеру. Так я добился, что весь финал идет на теме Мастера. Как и в «Преступлении и наказании». На кульминациях нет ни слова текста, но идут огромные музыкальные куски — сны Раскольникова. Великолепный спектакль.

— Кроме Любимова, вы с кем-нибудь еще сотрудничали в театрах?

— Очень много! Сделал «Федру» с Романом Виктюком на Таганке, где Алла Демидова выступает в своего рода монобалете. Работал практически во всех московских театрах, кроме Вахтанговского. К Войновичу только что писал музыку в «Современнике» — «Кот домашний средней пушистости». Не только в театре, я и в кино работаю с удовольствием: «Царская охота» в Ленинграде, фильм «Сука» на студии имени Горького в Москве. И еще сделал замечательную картину в Ленинграде с Валерием Огородниковым — «Бумажные глаза Пришвина».

— Если придерживаться терминологии Гоголя, который говорил о «славянистах» и «европеистах», то вы, судя по всему, ближе к последним...

— Я всегда любил русскую литературу больше западной. Русская поэзия обладает неповторимым шармом, особенной музыкой стиха, которые мне очень дороги. У меня много вокальной музыки, написанной на тексты русских поэтов — Пушкина, Блока, Баратынского, Бунина, Пастернака, Мандельштама... Вот если бы мне удалось еще написать несколько опер! Думаю, это были бы русские оперы. Меня давно, например, преследуют три сюжета: «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Мелкий бес» Федора Сологуба и пьеса Александра Введенского «Елка у Ивановых».

— Помните, Эдисон Васильевич, когда Шостакович благословлял композиторские опыты математика Денисова, он предупреждал: «Тернист путь композитора. Если вы на это решитесь, то в будущем не проклинайте меня». Так как? Не проклинаете?

— Я думаю, что сделал правильный выбор.

Андрей НУЙКИН

Опыт иронической политологии

Делайте со мной, что хотите, но за Маркса я буду заступаться. Конечно, были в его расчетах отдельные просчеты, и вообще, с пятым пунктом у него было не все в порядке, но без него нам в нашей жизни не разобраться. Хоть на части меня режьте — буду на этом настаивать. И не одобряю я тех людей, которые по своей инициативе в трех соснах заблудились, а обижаются за это на Маркса. «Что за безобразие,— возмущаются.— Нам говорили: мир развивается по Марксу, а он, оказывается, развивается как-то по-другому! Мыла, к примеру, Маркс обещал при социализме по потребностям, а его достаем по блату, то есть по способностям. И о том, что простые чулки можно продавать только умершим, а носки только инвалидам ВОВ и «афганцам», Маркс в трех томах «Капитала» ни одной строчкой не обмолвился, и вообще, что он на заре новой эры ни пророчил — все как бы наоборот получилось. Возьмите хотя бы современных пролетариев, они ведь повсеместно категорически отказываются исполнять свою историческую миссию — быть могильщиком капитализма, ибо при этом самом капитализме житье у них оказалось более сытным и вольготным, чем при том, что у нас зовется социализмом. Да и с методологическим постулатом, будто экономика определяет и политику, и все остальное, недоразумение вышло: в нашей стране, специально выделенной для экспериментальной проверки всех Марксовых теорий, идеология, как в семнадцатом, подмяла под себя и политику и экономику, так и стоит до сих пор у них ногами на горле!..»

Из-за «абсолютного обнищания» пролетариата тоже на Маркса некоторые обижаются. Неувязка какая-то с этим обнищанием вышла. Специальные экспедиции Институт марксизма-ленинизма в самые капиталистические из стран одну за другой посылает (от желающих своими глазами в наличии обнищания убедиться, говорят, отбою нет!), но пока оно, увы, так и не обнаружено. Относительное, правда, фиксируется (я имею в виду обнищание советских туристов относительно нищих западных стран), но этот вид обнищания не диссертабелен, ибо Марксовой теорией не предусмотрен.

Короче говоря, хотя учение Маркса и всесильно, но круг скептиков и нигилистов, не верящих, что оно к тому же еще и «верно», стремительно ширится, несмотря на то, что железная когорта охранников учения гремит щитами и грозит не поступиться принципами. Что можно сказать в ответ на это? Можно сказать только одно: вы сначала все-таки расспросите у знающих людей, где имение, а где наводнение, и лишь потом начинайте Маркса марксизму учить.

Начнем с того, что даже неграмотный чеховский «злоумышленник» и то понимал, брат за брата — не ответчик! Основоположник за основоположника — тоже. Говорили ли Маркс с Энгельсом, будто социализм можно построить в одной отдельно взятой экономически недоразвитой стране? Не говорили. Это Ленин говорил. Ленин, спору нет, считал себя верным учеником Маркса, но Маркс-то его своим учеником не считал. Это во-первых, и сам Ленин не столь уже определенно на эту тему высказывался, хотя и горячо. Ну а вдруг его (социализм то есть) действительно где-то можно построить? В какой-нибудь другой, более доверчивой, конечно, стране. Однако в любом случае следует признать, что Маркс подобных мечтаний себе не позволял. Более того, утверждал прямо противоположное. «Ни одна общественная формация,— так вот он утверждал,— не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появятся раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества». Слышите? «Никогда»! Мало того, социалистические отношения, по Марксу, должны «созреть» в недрах капитализма на высших стадиях его развития. Обязательно «созреть» и обязательно «в недрах»!

Вы уже уловили, куда я клоню? Нет еще? Тогда от Маркса обратимся к Сталину, он писал доходчивее, к тому же сумел проверить все формулы марксизма на практике, которая, как известно, есть главный дегустатор истины.

Согласно принципу демократического централизма, лежащему в основе Мироздания, все явления делятся на главные («основные») и те, которые этих главных должны слушаться. Но даже и главные законы — это не самое главное в Мироздании. Самое главное в нем — мудрые указания вождей, которым единственно и дано определять, какие законы нужно считать основными, какие — вспомогательными. Сталин позволял себе формулировать только основные, предоставляя полчищам обществоведов приспосабливать к предложенным им формулам все остальные малозначащие законы и реальности. Зато уже с основными экономическими законами капитализма и социализма вождь обращался как равный с равными, уделяя им в своих трудах немало лестного для них внимания. Давайте же полистаем эти труды и вспомним, до чего общество должно докатиться, чтобы люди вынуждены были с негодованием называть его капиталистическим, и как оно должно себя вести, чтобы получить право гордо именоваться социалистическим?

В одном случае основной экономический закон состоит в «обеспечении максимальной... прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства». Второй основной закон, наоборот, состоит в «обеспечении максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования ...производства на базе высшей техники».

Сознáюсь, цитируя, я в местах многоточий пропустил по слову, в одном случае, «капиталистической», в другом — «социалистического». Нарочно. Чтобы вы попробовали угадать, в каком случае какое слово больше подходит. Попробовали? Вот то-то и оно.

Если верить Сталину (а как же ему не верить? Сталин делу построения социализма жизнь отдал! И не одну, а десятки миллионов), то по всем статьям получается, что у нас вроде бы чистый капитализм, притом в его высшей, «загнивающей» форме.

Шучу? Сатирой забавляюсь? Что ж, примерьте признаки формаций сами — к НИМ и к НАМ. Или вы, может быть, думаете, что Иосиф Виссарионович шутки шутил, разрабатывая теорию

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИЗМ!..

Рисунок Сергея ТЮНИНА

обострения классовой борьбы в процессе все ускоряющейся ликвидации классов? Хороши «шутки», если после них органами НКВД на самом деле ликвидировались целые классы, не говоря уж о всякого рода высоколобых прослойках.

Можете и у Нины Андреевой справки навести: правильно ли товарищ Сталин марксизм излагает в приведенных цитатах? Нина Андреева — ныне ведь главный арбитр в области марксизма-сталинизма, она каждый день свет этого единственно научного учения студентам в душе своей приносит. И я не сомневаюсь, что арбитр этот подтвердит: правильно (по Марксу!) Иосиф Виссарионович понимал, что есть социализм, что есть капитализм. Вот только (это я уже от себя, а не от Нины Андреевой говорю), где именно капитализм, а где именно социализм, он немного перепутал. Думается, сильно сердиться на него за это не стоит — большие люди настолько сосредоточены на большом, что в мелочах иногда ошибаются. Это не страшно, каждый из нас без труда столь мелкое недоразумение способен устранить.

«Погоня за прибылью»... Нет, не вообще «погоня». Какой дурак будет за убытками гоняться! Но «путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения»... Про кого это? Про НИХ или про НАС? «Жизненный уровень трудящихся понижается из-за роста цен, а также прямых и косвенных налогов, которыми... государство отбирает все большую часть заработной платы...» Вы, конечно, подумали, что это очередной отклик наших публицистов на доклад о «переходе к рынку» или обобщенная оценка законотворческой деятельности Верховного Совета СССР? Вот и не отгадали! Я процитировал статью «Капитализм» из МСЭ. Как видите, именно МЫ как раз и соответствуем...

Теперь о «нещадной эксплуатации». Самой объективной мерой ее в марксизме считается отношение созданной работником новой стоимости к той ее части, что идет ему в зарплату. У НИХ в оплату труда идет 70—80% «чистого продукта», у НАС (по данным 1985 г.) — 36,6%. Если ИХ эксплуатацию считать «нещадной», то как называть НАШУ? Живодерской?

Но, может быть, ключ к проблеме в том, относится ли обнищание и разорение «к большинству населения» или к меньшинству? В США «малообеспеченных» жителей — 20%. У нас «бедных» — 86,5%. А что значит «малообеспеченный» по ИХ понятиям, можно представить хотя бы из удивленного возгласа депутата от комсомола Андрея Плотникова, побывавшего недавно в Брюсселе: «там при среднем уровне заработков — 60 тысяч бельгийских франков — безработный получает 28 тысяч. А работники советского постпредства (люди высоко обеспеченные по нашим меркам! — **А. Н.**) — 18 тысяч». Можно представить, каков при этом жизненный уровень тех, кого МЫ относим у себя к категориям «малообеспеченных» (по некоторым данным их у нас 100 миллионов) и «бедных», то есть нищих (которых что-то около 65 миллионов)! Однако в основе этих подсчетов лежит очень сомнительная «базовая» цифра 78 рублей в месяц как прожиточный минимум. Года два назад женщина-экономист призналась мне, что ее коллеги подсчитали: прожиточный минимум у нас никак не меньше 105 рублей, но официальные лица считают — 75!

Так что беспристрастные цифры, как видите, вполне подтверждают правоту тезиса Маркса об абсолютном обнищании трудящихся.

Но уже хотя бы такая черта капитализма, как «систематическое ограбление народов других стран, особенно отсталых», у НАС не обнаруживается? Как бы не так! Предоставим слово писателю Тимуру Пулатову: «Число тех, кто проживает здесь (в среднеазиатских республиках.— **А. Н.**) за чертой бедности, за последние годы возросло еще больше и составляет в Таджикистане около 60 процентов, в Узбекиста-

не — более 46, в Киргизии. Туркмении — по 40 процентов и почти столько же в хлопкосеющей республике другого региона — Азербайджане... Во всех этих республиках средний доход на каждого работающего здесь и близко не поднимается к прожиточному минимуму, колеблясь от 40 до 60 рублей... Причина бедности здесь в массовой безработице, нищенской зарплате основной массы населения, которая трудится на хлопке. И в нищенской пенсии престарелых... Среди страдающих тяжелыми недугами от плохих условий жизни, умирающих от недоедания, как в засушливом африканском сахеле, 60 процентов наших детей...». «Но какой же народ «грабит» наши «отсталые страны»? — спросите вы.— Это что, намек на Россию?» Помилуйте! Согласно марксизму, отсталые народы эксплуатируются эксплуататорами господствующей нации в сговоре с эксплуататорами отсталых народов. Это во-первых. А во-вторых, все народы России (включая русских) за годы торжества на ее необъятных просторах тоже давно уже стали вполне отсталыми, так что в этом вопросе у нас полная межнациональная гармония.

Относительно самого последнего пункта основного экономического закона капитализма — «милитаризация народного хозяйства» — даже распространяться не хочется. Тут давно уже все всем (кроме генералов, конечно) ясно. У кого самая гигантская в мире армия? Самый непосильный военный бюджет? Самая милитаризованная наука и промышленность? В какой стране больше всего генералов с маршалами и на единицу населения, и в абсолютном исчислении, и в высших законодательных органах?.. А ведь милитаризация по всем канонам марксизма — верная примета империализма, который есть высшая стадия. Не социализма, разумеется.

Ну, а теперь давайте вернемся по тексту немного назад и вчитаемся в сталинскую формулировку основного экономического закона социализма. Вчитались? Нужны комментарии и выводы? Думаю, что нет. Если в мире сегодня найдется хоть один человек, который искренне убежден, что этот закон имеет непосредственное отношение к нашей стране или какой бы то ни было другой стране «социалистического лагеря», я готов истратить свой очередной отпуск на то, чтобы возить его по этому лагерю и показывать в трудовых коллективах. Разумеется, за счет ученого совета Института марксизма-ленинизма.

Так что, по Сталину, мы живем при самом чистопородном, самом махровом капитализме! Правда, за последнее время мы сильно осмелели, и наверняка среди читателей найдутся люди, которые заявят, что Сталин для них отнюдь не высшая теоретическая инстанция, хотя как практик социалистического строительства он пока никем не превзойден: ни Мао Цзедуном, ни Пол Потом... Что ж, давайте приглядимся, где и по каким приметам находили границу между капитализмом и социализмом другие теоретики.

Ленин как одну из самых глубинных примет социализма называл степень социализации, обобществления средств производства и призывал не путать их с национализацией, конфискацией. Конфисковать можно все за день, а социализация требует длительных и нелегких поисков социальных механизмов, способных сделать трудящихся реальными хозяевами общенародной собственности. Критерий очень важный, не поверхностный, что и говорить. Начнем комментарий с сообщения, которое может оказаться новостью для тех, кто читает лишь три газеты: «Правду», «Советскую Россию» и «Красную звезду», а посему свято верит, что у НАС пускай поменьше зарплаты, зато мы несравненно больше получаем через общественные фонды. Доверчивых людей всегда тяжело огорчать, но что поделаешь, жизнь беспощадна. Вынужден сообщить, что рядовой житель США из общественных фондов получает благ в четыре раза больше, чем житель СССР. Такая вот получается у НИХ социализация. А у НАС — при всеобщей национализации? Владеет ли вообще наш народ реально хоть какой-нибудь собственностью? Никакой. «Землю — крестьянам!»... «Фабрики — рабочим!»... Управление — кухаркам!»... Из этих революционных лозунгов реализован частично лишь третий. Если говорить об уровне государственного мышления, то действительно у нас к власти во многих случаях явно пришли в свое время кухарки. И тотчас же направили на осиротевшие кухни других, ибо все вновь пришедшие к власти очень любят вкусно покушать. Короче говоря, на всех кухарок стульев в парламенте у нас явно не хватило. И на всех рабочих — министерских кресел, и на крестьян — табуреток в кабинетах разного вида агропромов. Крестьян у нас до революции было так много, что даже на нарах ГУЛАГовских лагерей им места не хватило, пришлось некоторую часть оставить в колхозах, правда, приблизив максимально там режим к лагерному. Так что об «овладении» народом заводами и угодьями вправе у нас говорить только Жванецкий с Задорновым. Остальным приличнее помолчать. Мы уже более 70 лет даже своим диванам и ложкам не хозяева. Хотя про это священное право взволнованным голосом всегда говорили все наши конституции.

Три с половиной года после того, как пожилые супруги Драченко (поселок Беличи, что под Киевом) оплакали привезенного из Афганистана в цинковом гробу сына, местные власти предложили им «добровольно» выселиться из собственного дома. «Шесть раз вызывали в суд, двенадцать приходили выселять: побили окна, отключили воду, газ, электричество... А когда супруги и после этого остались в доме, к ним прислали из милиции «пятнадцатисуточников»... И тут уже хулиганы с разрешения властей под наблюдением сотрудника милиции ломали и топтали, отобрали и вывезли часть вещей, разорили то, что создавалось всю жизнь». Думаете, хоть кто-то понес за этот нагло попирающий Конституцию государственный бандитизм наказание? Правильно думаете — никто не понес. В том же Киеве за последние две пятилетки под нож бульдозера попали 10 тысяч частных жилых домов. С копеечной (по сравнению с их реальной стоимостью) компенсацией.

Столь же защищена законом у нас и любая другая собственность — групповая, кооперативная, муниципальная, арендная, акционерная... «Тогда,— подловите вы меня,— у нас вовсе не капитализм! Ведь он-то держится на частной собственности, а ее у нас, получается, и нет!»... Не получается. Я ведь вел речь о собственности народа. У него — никакой нет (всеобщая пролетаризация всей наемной рабочей силы!). «Общенародная собственность», давно установлено, только эвфемизм. На самом деле все у нас принадлежит государству. А государство, по Марксу, есть частная собственность бюрократии (и когда их оппоненты начинали отождествлять государство и общество, основоположники смеялись нехорошим смехом). Вот и прикиньте, много ли у нас «частной собственности», если все в стране принадлежит государству, которое — собственность бюрократии? Впрочем, в этом вопросе марксисты от Маркса, без сомнения, гневно отмежуются. Чтобы не вступать с ними в бесплодные споры, предложу им оспорить наличие частной собственности у нашей мафии и в теневой экономике. По слухам, кошелек теневиков вмещает на сегодняшний день 300—350 миллиардов полновесных рублей (после того, как по просьбе трудящихся цены на золото и прочие бриллианты были повышены в полтора раза, они стали еще полновеснее!). Вопрос марксистам: какой вид собственности представляют эти рубли? Государственная это собственность или колхозно-кооперативная? Ответы прошу посылать Гдляну с Ивановым. Можно и прокурору Сухареву. Но если меня об этом спросить, я скажу: более частной собственности, чем эта, и вообразить невозможно. С нее даже налогов не платят, что является ведь тоже формой социализации частной собственности. А ведь у НИХ процесс обобществления на налогах не остановился. Как писал Маркс: «Капиталистическое производство, ведущееся *акционерными обществами*, это уже больше не *частное производство*, а производство в интересах многих объединившихся лиц. Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только *частное производство*, но и *отсутствие плановости*».

Видите, уже тогда у НИХ была плановость, а у нас? О том скорбят чуть не в каждом выступлении наши экономисты? О том, что в нашей экономике по крайней мере с начала первой пятилетки царят произвол, стихийность, рассогласованность спроса и предложения, анархия, структурная, инвестиционная и прочие неразберихи. Спрашивается, где же социализм, где — капитализм?

Если исходить из определений этих формаций Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным, то получается то, о чем мы уже сказали вслух: у НИХ — социализм, у НАС — капитализм. Однозначно. Ну, а тот, кто в гордыне своей позволяет себе не согласиться сразу с четырьмя основоположниками, пусть ответит на такие вот вопросы.

Если вы считаете, что в развитых странах Запада и Востока (о неразвитых требуется особый разговор, недаром наша наука утверждает, что они избрали «некапиталистический путь развития», хотя и не социалистический тоже) эксплуатация более беспощадная, чем у нас, больше угнетения, кризисов, антагонизмов и т. д., то почему у них о социальной революции говорят только ради смеха, а у нас эта революция идет полным ходом, грозя ввергнуть народы в широкомасштабную гражданскую войну? От капитализма к социализму (по Марксу — Сталину) без революции не перейти. Но если сделать допущение, что у нас социализм, то какая у нас идет революция? Коммунистическая?

Второй вопрос. Если у НАС социализм, то чего ради самые преданные идее социализма люди — наши идеологи во многих случаях неудержимо рвутся хоть немного пожить у НИХ и детей своих норовят туда на подольше пристроить? И вообще, если исходить из доказанной классиками истины, что при социализме жизнь должна быть лучше, то почему люди не от НИХ к НАМ бегут, а от НАС к НИМ? Ради нищеты и безработицы — «вечных спутников капитализма» — что ли?

И еще один конфиденциальный вопрос (который рекомендую сохранить в секрете от Албании и Северной Кореи). Почему в ГДР сразу же после поездки страстного борца за социализм Е. К. Лигачева там произошел социальный переворот, а после его поездки в Швецию там все осталось, как было? Если не согласиться с тем, что у НИХ там — именно социализм, а у НАС здесь — именно капитализм, то ни на один из этих вопросов невозможно членораздельно ответить. Не докатываться же нам до такой дикой мысли, будто Лигачев ездил в западные страны учиться капитализму!

И перестройка наша без подобного признания какой-то кафкианской фантасмагорией предстает. Возьмите хотя бы нашу трагикомедию, именуемую официально «переход к рыночным отношениям».

За пять лет революционного топтания на месте в сфере экономики мы подвели страну, воплотившую в жизнь лучшие мечты человечества, к краю пропасти.

«Поймите, что в СССР начинается экономический развал. Попытка продвигаться к цели постепенно, малыми шажками заманчива, но безрезультатна... Если экономическая реформа не перестанет топтаться на месте, то за ближайшие два года ваш национальный доход упадет процентов на двадцать. Надо ли объяснять, чем это обернется для уровня жизни, который и сейчас не поражает воображение?» — растолковывает нам нашу ситуацию Андерс Ослунд, директор Стокгольмского института экономики Советского Союза и стран Восточной Европы.

«Котел начинает перегреваться... Он достиг такой стадии, когда взорваться может в любой момент»,— предупреждает экономист Павел Бунич.

Признав во всеуслышание, что выход из данной трагической ситуации только один — решительный переход к экономическим методам управления народным хозяйством, к рынку, к демонтажу командно-административной системы, правительство наше начало героическую борьбу за рынок. В декабре оно предложило программу «оздоровления экономики» на основе «разумного радикализма» (выражение Н. И. Рыжкова), о которой группа депутатов от комсомола заявила, однако, что она ничего, к сожалению, оздоровить не сможет, ибо предлагает меры, направленные «на лечение симптомов, а не самой болезни». «С одной стороны, представлено общее описание будущей рыночной экономики, но не предлагается конкретных механизмов перехода к ней. С другой — предложен набор разноплановых административно-экономических мер, не только не приближающих нас к рынку, а, напротив, укрепляющих командную систему», а «стимулов для эффективной работы как не было, так и нет».

Е. Гайдар, вышедший уже из комсомольского возраста, выражался мягче: «Вся программа была пронизана верой в чудо».

Но правительство не сомневалось, что его программа «способна сплотить все силы общества на решении экономических задач обновления социализма». «Твердо скажу,— отверг все нападки на программу «оздоровления» глава правительства,— все это не поколебало нашей уверенности в правильности избранной линии». «Все силы общества» сплачивались вокруг программы по оздоровлению командно-административной системы что-то около трех месяцев, потом перестали сплачиваться. «Мечта» о небывалом (на 66 миллиардов рублей) росте производства товаров народного потребления, который снимет напряжение и оздоровит финансы (при почти полном отсутствии стимулов к труду), не осуществилась. Низкие, но жесткие потолки в зарплате, новые грабительские налоги, напрочь отбивающие охоту работать много и продуктивно, новая волна погромов в сфере кооперации, полный зажим деятельности фермеров и прочие меры по укреплению государственного всевластия в экономике охладили «силы общества», не успев «обновить социализм».

Когда правительство в мае отреклось от курса на «оздоровление» и, как знамя, подняло «концепцию перехода к регулируемой рыночной экономике», злопыхатели восприняли это как крах программы и невыполнение обязательств, торжественно взятых перед лицом Верховного Совета. Ответственно заявляю: клевета! Правительство наше делает то, что обещало. Обещало «непопулярные решения» и предложило их. Тотальное повышение цен при повышении окладов чиновникам, замороженных зарплатах трудящихся и драконовских налогах — кто посмеет назвать такое решение «популярным»? И в целом правительство, верное слову, твердо придерживалось в новой концепции перехода к рынку своей старой, неуклонно проводимой в жизнь антирыночной стратегии. Если помните, Н. Рыжков

главной экономической задачей, ради которой обещал «сплотить все силы общества», считал «обновление социализма», а не рынок как таковой. А если учесть, что речь всегда шла и ныне идет об «управляемом рынке», то можно утверждать, что рынка никто и не обещал. В «регулируемом» рынке ровно столько рынка, сколько права и порядка в «революционном правопорядке», сколько гуманизма в «социалистическом гуманизме» и реализма в «социалистическом реализме». Впрочем, и управления в «управляемом рынке» не больше. Рынок — это саморегулирование экономики. Управляемое самоуправление?.. Чудны́ дела твои, Господи!

Нет, чтобы окончательно похоронить идею рынка, правительство выбрало совершенно правильную тактику. Слить в сознании народа эту идею и факт резкого повышения цен. При этом можно обещать все, что угодно: и закон о свободном предпринимательстве, и частные парикмахерские... Все — вплоть до денационализации металлургических гигантов! Риска тут никакого — ни до чего этого дело не дойдет. «Котел» взорвется задолго до того, как подойдут сроки выполнения смутных прорыночных обещаний. Но линия правительства победит, и в этом случае на транспарантах остервенившихся трудящихся будут антирыночные лозунги, а кооператоров и межрегионалов будут отлавливать по чердакам по первой категории.

Шаржирую? Клевещу на честных, добросовестных людей, которые, может быть, и не все правильно понимают в проблеме перехода на рыночные отношения, но хотят-то добра! «Не все понимают»?..

Не знаю, как у вас, у меня сердце щемит от жалости, когда я читаю или слушаю энтузиастов рыночной экономики, всех этих селюниных, поповых, шмелевых, лисичкиных, пияшевых, не говоря уж о зарубежных «доброжелателях»-экономистах: леонтьевых, бирманах... Из хомутов вылезают от старательности, как рыба об лед, бьются, чтобы подоходчивее, попопулярнее тем, кто стоит у кормила голодающей великой державы, объяснить истины, которые наверняка с первого же раза поняли бы не только депутаты от ВЛКСМ, но, наверное, даже депутаты от Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Настолько тут тому, кто действительно хочет понять, все понятно, что уже и перечислять меры, реально ведущие к рынку, товарному изобилию, финансовому здоровью и прочим нормальным вещам, скучно. Руководство страны вроде бы старается понять, но никак у него это не получается. Прямо руководить страной отказывается руководство, если экстремисты не позволят им сначала цены в 2—3 раза на все поднять. «Все цены в стране искажены и не дают работать!» — жалуется Н. Рыжков. Правильные пропорции, то есть между ценами, искалечены. Но если цены декретно поднять на все вдвое, то пропорции-то останутся теми же самыми, а искалеченность возрастет ровно на столько же! Значит, не в «искажениях» дело? Прямо партия и правительство этого не говорят, но намекают: раз уж мы довели страну до бедствия, финансы — до развала, дефицит бюджета — до рекордной высоты, надо всем принести жертвы, подтянуть пояса...

Странная ситуация! Государство «честно» признается в своем банкротстве, но описать предлагает не свое имущество, а наши с вами жалкие пожитки. И ведь слышны уже примиренные голоса: что делать!.. Государство в беде... Надо помочь... Надо потерпеть...

О мой бедный добросердечный и простодушный, готовый броситься на помощь всякому, кроме собственных детей, народ! Старушки наши, пережившие блокаду и терпеливо ждущие смерти в своих темных подвалах и прокопченных коммуналках, после очередного душещипательного репортажа из-за границы очередного чьего-то «сынка» семенят на почту, чтобы послать часть своей 60-рублевой пенсии безработному Бельгии, получающему в качестве пособия 28 тысяч бельгийских франков. Шахтеры наши по два дня работают бесплатно, чтобы помочь бастующим коллегам в Англии, хотя те и в разгар многомесячной забастовки своей живут и питаются, к талонам не прибегая... Вот сейчас золотые сердца наших трудящихся снова полны сострадания к министру финансов Павлову. И двери домов своих, похоже, уже не запирают, чтобы меньше теряли времени те, что придут описывать их кастрюли и детские коляски.

А ведь банкротство-то объявлено нашим государством фиктивное.

«Говорить, что у нас нет средств, чтобы перейти к ценообразованию и стабилизировать рубль,— это чушь. У нас самая обеспеченная валюта в мире. Не обеспечен доллар, там все продано. Проданы дома, заводы, земля. А у нас ничего не продано»,— такую вот странную мысль высказал недавно депутат Травкин. А ведь ничего странного в ней нет. Нищи мы, а не государство, которое прикидывается нищим, чтобы не только не отдавать нам нашего, но и еще обложить нас новыми поборами.

Я понимаю, Травкину вы не поверите, он радикал, межрегионал, левак... Хотите, я приведу свидетельство его правоты, которому вы поверите больше, чем поверили бы Политбюро и КГБ, не говоря уж о Госкомстате, которому поверить может только тот, кто побывал в автомобильной аварии? «Оценки советского валового национального продукта в долларах, сделанные Центральным разведывательным управлением США, показывают, что рубль стоит... (внимание, не упадите со стула! — *А. Н.*) 3 американских доллара»,— пишет М. Вулф в «Файнэншл таймс».

А официальный курс — 1,6 доллара за рубль, а «туристский» — 6 рублей за доллар, а реальная цена доллара (по признанию самого Павлова) — 10 рублей, а на черном рынке и в зарубежном обиходе за доллар дают уже 20—25 рублей... Это кто же из нашего материального оборота изъял, исключил, припрятал для себя столько «национального продукта», что нам с вами платят в 30—60 раз меньше, чем мы зарабатываем?! Наше государство богатейшее, но богатства эти отняты у народа и охраняются от него построже, чем хранилища госбанка от налетчиков. Этими богатствами почти без всякой отдачи для народа распоряжаются министерства, воротилы военно-промышленного комплекса, всякие минводхозы, агропромы и т. д. и т. п. И все им мало, и мы снова должны подтягивать пояса, чтобы набивать их бесплодные, но ненасытные утробы!

Некоторые заявления Н. И. Рыжкова надо трактовать в том смысле, что правительство не сможет руководить страной, если предложения по взвинчиванию цен (которое уже началось без всяких санкций законодательных органов) не будут приняты. Ну, а что, это естественно и нормально: если правительство осознало, что оно руководить не может, оно подает в отставку. Пусть попробуют другие, вдруг они смогут? У НИХ в такой ситуации только так и могло быть, но наше правительство в отставку уходить явно не собирается. Еще одна загадка того социализма, до которого довел нас Маркс своим учением!

Маркс? Но, по его-то определениям, социализма у нас и в помине нет, по его-то оценкам, у нас, как мы выше установили, самый настоящий капитализм! Стоит этот, на мой взгляд, совершенно очевидный вывод сделать, как все становится на свои места. Абсолютно четко. И все загадки и тайны сегодняшней нашей жизни получают сразу свои отгадки, и мир снова начинает развиваться «по Марксу», и «кто виноват?» — станет ясно, и «что делать?» — во многом определится.

Если исходить из внушенного нам убеждения, будто у нас социализм, послеоктябрьская история предстает как цепь диких, нелепых ошибок, заблуждений, бессмысленных злодейств и непрерывного мазохистского самоистязания. Не то народ, придя к власти, впал в безумие и начал сам себя истреблять, сам себя грабить, сам себя загонять в лагеря и тюрьмы; не то все общественные институты посходили с ума и начали в высшие органы власти сознательно отбирать бездарных и аморальных типов... Но наша экономическая и политическая системы кажутся бессмысленными потому, что мы им изначально приписали цели, которых они не преследовали и не преследуют. Наши органы власти, официальные общественные структуры (то, что имитировало у нас партию, профсоюзы и прочие «самодеятельные» организации), государственный аппарат, если брать их в целом (отдельными чудаками, не делавшими погоды и не способными изменить сущность режима, его цели и методы, мы при данном глобальном подходе можем пренебречь), никогда не были озабочены ни счастьем народа, ни процветанием общества, ни прочей «благотворительностью». Они ревностно служили все десятилетия интересам нашего господствующего, эксплуататорского класса. И для укрепления его всевластия, его идеологии и морали все эти системы и институты работали очень даже умно и эффективно.

Чего же мы ждем и чему удивляемся, столкнувшись с тем, что правительство саботирует, как только может, переход к рынку? Рынок — это смерть режима, конец всевластия номенклатуры, ступенька к ИХ социализму, при котором государственный аппарат тоже не из ангелов формируется, но в целом в итоге успешной борьбы трудящихся за свои права становится инструментом консенсуса между основными классами и социальными силами общества. У нас же пока — капитализм, в его начальной, хищнической стадии (анализу которой и посвящены труды Маркса), а буржуазное государство, «какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист».

Активист польской «Солидарности» Ежи Милевский говорил: «Правительство не должно действовать в качестве владельца народных средств производства. У нас в Польше так было сорок лет, и мы убедились, что государство является самым ужасным капиталистом из всех известных нам в современном мире».

И не надо нам тешить себя детскими иллюзиями, будто, неумело помитинговав пять лет и выбрав по законам, сочиненным аппаратчиками, и под их достаточно бесцеремонным контролем несколько «представительных органов» власти (местных, республиканских, союзных), мы уже изменили природу классового эксплуататорского строя.

У одного из моих оппонентов, спокойно-иронично именующего себя «захребетником», есть все основания издеваться над нашими восторгами по поводу достигнутого перестройкой и над нашими надеждами на всенародное единение: «Не рассчитывайте, будто мы сами поможем вам рыть нашу могилу и ляжем в нее по первому требованию. Никак нет. Да и по второму — не ляжем. И по третьему — тоже. Как класс, мы будем бороться за сохранение своего «места в определенном укладе общественного хозяйства» (Ленин, ПСС, т. 39, с. 15) и за самый этот уклад, не щадя крови и самой жизни своих классовых врагов».

Будут! И до гражданской войны страну без колебаний доведут, если увидят хоть малый шанс, залив страну кровью, сохранить свою власть и привилегии. И Всероссийская конференция коммунистов, самозванно объявившая себя Учредительным съездом, у меня лично только укрепила это убеждение. А мы-то все пробуем переубедить своих эксплуататоров неотразимыми аргументами, конструктивными (для кого? Для них? То, что конструктивно для народа, для них — неприемлемый бред, что конструктивно для них — непременно новое ограбление для народа!) предложениями, оттачиваем слог, штудируем учебники по культуре дискуссий... «Нужно общенациональное примирение,— призывает всех (антисемитов и русофобов, фашистов и либералов) к единению наш гость «оттуда», годами работавший «на разъединение», Владимир Максимов.— Простить друг другу все обиды, покаяться и объединиться перед лицом всеобщего распада и гибели». Можно представить, как хохочут по поводу этих наших мечтаний и заклинаний хозяева жизни в своих охотничьих домиках и саунах с дамским персоналом! Нет, рано мы заносим в архив Марксову теорию классовой борьбы, аргументируя это ее неприменимостью к современному опыту западных стран.

Но уж народных-то наших депутатов никак мы не можем счесть наймитами эксплуататоров? Тому, что по-настоящему «народно», нет нужды писать про это на фасаде. В наших же условиях подобный дизайн особенно подозрителен. Слишком много у нашего народа всего «народного» — и суды у нас народные, и милиция, и контроль, и дружины... Но случайно ли, объявляя оратора, в наших парламентах называют только никому ничего не говорящий номер округа? Начни спикеры называть должности «народных депутатов», сразу же, наверное, ореол «народности» наших парламентов быстро пошел бы на убыль. Конечно, во всех буржуазных парламентах всегда были трибуны, сражающиеся за интересы простых людей. И у нас они появились, и очень даже высокого класса, но... Слишком уж часто мы сталкиваемся и в работе наших революционных конвентов с «загадками», которые никак не отгадать без помощи Маркса. Например, такой.

«Только что принятые прогрессивные законы не предусматривают санкций за их несоблюдение и тут же извращаются различными инструкциями или вовсе нарушаются самим государством...»,— жалуется профессор Ю. Орлов корреспонденту «АиФ». Тут я привлек бы ваше особое внимание к слову «прогрессивные».

Стало уже тривиальным разносить наше правительство за «атрофию воли», вялость действий, неспособность заставить законы «работать», а решения «претворять в жизнь». Все вроде соответствует истине, но с частными отклонениями. Все грабительские, антиперестроечные, антидемократические, антинародные законы и решения вступают почему-то в силу молниеносно и работают на всю катушку (вспомните хотя бы законы об индивидуальной трудовой деятельности, указы о запрете митингов, поправки к Закону о кооперации, все решения о повышении цен, росте налогов, ограничении заработков и доходов...). И воли оказывается вполне достаточно, и вялость как рукой снимает, и кадры для «претворения в жизнь» находятся... А вот для остальных решений и законов, действительно, ничего этого нет, да и сама формула «атрофия власти» навевает безнадежность и настраивает на терпение. Правда, ведь хороша «загадка»? Есть и другие, не хуже. Почему, например, наш Верховный Совет, так тонко улавливая (в лице своих лучших представителей, конечно) малейшую антинародную нотку в предлагаемых правительством (или собственным Президиумом) законах и решениях и бесстрашно обличая такого рода проявления в своих речах, как только дело доходит до принятия решения, подавляющим большинством раз за разом голосует так, как велено?

Или вдруг включат наши народные депутаты в поражающий своей революционностью закон такую «мелкую» оговорку, что от революционности его не останется на практике и следа. В пол-

ном соответствии, увы, с тем, что Маркс писал о классовой сути буржуазного законотворчества: «Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке».

Посмотрите, как сурово осудили члены Верховного Совета СССР доклад Рыжкова за то, что в нем предлагается народу «шок без терапии». (Кто-то даже, ходят слухи, шепотом в курилке произнес слово «отставка»!) Разумеется, осудили во имя защиты вдов и сирот, вообще всех, кто живет «за чертой бедности». Зарубежный бедняк, побывав на наших форумах и почитав наши газеты, наверняка проникся бы жгучей завистью к наших неимущим. Ни о ком у нас так горячо не заботятся, так много не говорят, так скорбно не вздыхают, как о живущих «за чертой». Вся страна день и ночь думает, как их защитить, чем еще им помочь. Я и сам иной раз, наслушавшись речей, проникаюсь убеждением, что советские бедняки самые богатые в мире. И непонятно, чем они еще могут быть недовольны, чего смотрят так хмуро и обреченно? Заелись не иначе на свои 5—6 долларов в месяц! Какой-нибудь американский бедняк ведь ничуть не больше тратит в месяц на свою рыбку скалярию, и ничего, скалярия эта ведет себя вполне жизнерадостно.

Я к чему о бедняках вспомнил? Очень они полезны. Если бы не затухающая скорбь нашего человеколюбивого общества о положении вдов и сирот, то аргументы по поводу необходимости ограбления трудящихся более высокого достатка лишились бы пронзительного человеколюбивого пафоса. В итоге, когда вдовы и сироты начнут вымирать от голода, им будет приятно сознавать, что социальная справедливость в СССР торжествует — все живут ненамного лучше них. Ну, а кто живет все роскошнее и роскошнее, так у того ведь доходы нечестные, с него какой спрос! Таким образом, вдовы и сироты — наиважнейший козырь против рынка и свободного предпринимательства. И, похоже, ничего ни тому, ни другому у нас не светит, пока вдовы и сироты не вымрут окончательно, после чего станет не так стыдно остальным есть досыта. Только... как бы всем нам вместе со вдовами не вымереть! Во всяком случае, наш Верховный Совет, сурово осудивший на словах правительство за недостаточно энергичный переход к рыночным отношениям, на деле еще до доклада Рыжкова не раз уже похоронил этот самый рынок. Возьмем хотя бы только Закон о подоходном налоге с граждан. Без такого закона, предусматривающего единую шкалу прогрессивного обложения, заверила нас тысяча аппаратчиков, правоведов и депутатов, переход к рынку был бы невозможен. А с ТАКИМ законом возможен? Вспомним его детали. Закон освободил колхозников от обложения. Зачем? Чтобы наказать рвущихся на фермы или ввести еще одну форму дотирования крепостничества в сельском хозяйстве, доведшего страну до голода? Обложению подвергли и фонд развития индивидуальных хозяйств. Зачем? Чтобы не в силах были конкурировать они, вооруженные только лопатами и тяпками, с государственными предприятиями? Членов производственных кооперативов Закон уравнял по обложению с работающими и служащими (которым, согласитесь, не приходится все же на зарплату покупать технику и рабочие помещения). В потребительских и смешанных кооперативах драконовская шкала вступает в силу, начиная с дохода в 250 рублей. Предприниматели-индивидуалы отождествлены Законом с кустарями, им сейчас зарабатывать больше 417 рублей в месяц просто невыгодно, да и фонд развития у них тоже облагается. Всем прочим трудящимся невыгодно зарабатывать 1500 рублей в месяц, далее отбирается 50 и 60% заработанного.

Для сравнения автор «Московских новостей» А. Коршунов напоминает, что в США предельная ставка налога 33% и взимается она с дохода выше 6 тысяч долларов (это, по признанию самого министра финансов СССР, по покупательной способности эквивалентно 60 тысячам рублей) в месяц!

У нас сейчас над страной гул стоит — все (в том числе и народные депутаты) горячо прославляют свободу предпринимательства, инициативу, агитируют друг друга становиться фермерами, выкупать парикмахерские, магазины, объединяться в кооперативы и т. д. и т. п. Это очень похвально. Живущим за чертой бедности ведь недостаточно жалостных речей, им нужны субсидии, товары, продукты, доступный сервис...

417 рублей — это (по меркам Павлова, а на самом деле вдвое меньше!) 40 долларов. 1500 рублей — 150 долларов. В США при таких «сверхдоходах» пособие по бедности выдают! Мы же обираем как реставраторов капитализма. Да еще призываем этих голодранцев закупать сырье, станки, арендовать помещения, осваивать прогрессивные технологии и заваливать страну дешевыми высококачественными товарами!

Плюс к тому: инфляция у нас уже сейчас достигла не то 15, не то 20%, порываясь в ближайшем будущем вообще с цепи сорваться. Спрашивается, сколько будут стоить 1500 рублей через 3—4 года?

Кому же служили наши народные избранники, принимая вместо антитрестовских антирыночные законы? Тем, кто живет ниже черты бедности? Кооператорам? Фермерам? Рабочим?.. Чего тут голову ломать, в капиталистическом государстве парламенты, чего бы себе ни воображали и какими бы иллюзиями себя ни тешили его члены, служили и служат господствующему, эксплуататорскому классу. Так получается и по Марксу, и по жизни.

И за повышение цен в конечном счете наши парламентарии, придав лицу государственную озабоченность, проголосуют. Да и без их голосования цены будут расти, как уже сейчас, до голосования, растут. На стройматериалы цены повышаются вдвое, на бумагу и типографские услуги — то же самое, на зерно уже повысили, собираются повысить резко на сырье, на топливо, энергию... Под шум разговоров о том, что растут только оптовые и закупочные цены, а не розничные. Однако очень скоро кто-то из народных защитников встанет (как недавно представитель комиссии по транспорту) и доложит суровым голосом: «Увы, цены на билеты городского транспорта надо не менее чем в 3,5 раза повысить, чтобы этот транспорт стал рентабельным!» А о чем думал этот «представитель», когда раньше повышались цены (не розничные, нет!) на сырье, стройматериалы, энергию? Он не догадывался, что ему очень скоро придется встать со своим «увы»?

Мы живем по Марксу, давайте признаем наконец эту горькую истину. Это снимет с наших глаз идеологические бельма, сразу же многое из того, что воспринималось нами как нелепость, случайность, бред, обретет логику и смысл, встанет на свое место.

И мы увидим, что абсолютное обнищание, предсказанное Марксом, не миф. И что у нас вовсе не идеология формирует экономику, как, не подумав, начали повторять многие нынешние политологи, а так, как определял Маркс. Наша экономическая система создает максимум удобств для ограбления народа, и эклектическая идеология наша, не много общего имеющая с идеологией марксистской, вообще-то говоря, создавалась именно для нужд такой экономики. И ничем другим ее сути, ее хорошо продуманных противоречий и эффективно работающих нелепостей не объяснить.

И увидим мы, что суды у нас классовые, что партия наша, милиция, армия и КГБ твердо стояли и стоят на страже интересов господствующего класса, что и школа воспитывает в соответствии с его интересами, и искусство на это же все время мощно нацеливалось и нацеливается. Все тут, увы, сотворено в полном соответствии с теми формулами эксплуататорского общества, изучению которого и посвятил свою жизнь Карл Маркс. И пока мы этого не осознаем, мы не сумеем разобраться ни в том, как мы живем, ни в том, что с нами делают, кто делает и каковы перспективы на будущее.

Очень много насмешек пришлось выслушать Марксу в связи с его «преувеличением роли пролетариата» в борьбе за социализм. Ссылаются при этом на нежелание западных рабочих готовить революцию, а также на политическую пассивность и возрастающую деклассированность наших.

Действительно, ИХ рабочие меньше всего похожи на Макара Нагульнова, не умеющего работать, никчемного семьянина, живущего неустроенно и неряшливо потому, что ему это все неинтересно — он «весь заострен на мировую революцию». ИХ рабочих уровень зарплаты и условия труда волнуют больше грядущего всеобщего счастья. Обыватели, отрекшиеся от героических традиций отцов и дедов? Героическая стадия истории не случайно связывалась Марксом с неизжитой дикостью. Социализм — это уже достигнутая цивилизованность.

Скажите на милость, зачем ИХ рабочим баррикады и перестрелки с полицией? Они построили уже себе вполне разумную для сегодняшних условий жизнь; при наличии многопартийности и влиятельности профсоюзов они имеют достаточно эффективные социальные механизмы и институты, чтобы отстаивать свои и экономические, и политические интересы демократическим путем, не прибегая к крайним, разрушительным, кровопролитным, дезорганизующим жизнь способам разрешения классовых конфликтов.

Другое дело — наши рабочие. Они добрых 70 лет безропотно терпели бесправие и жестокую эксплуатацию. И вместо того, чтобы превращаться из класса «в себе» в класс «для себя», развивать классовое сознание и вести за собой все прогрессивные силы общества, они вопреки учению Маркса тихо (или шумно) спивались и телесериал по роману Анатолия Иванова зачастую предпочитали реальному участию в мировой революции. Вот как нынешние философы и социологи оценивают пригодность отечественного пролетариата, на которого учение Маркса возложило всемирно-историческую миссию: «...эти люди, лишенные корней, нравственной базы, устойчивых жизненных навыков, в согласии с буквой марксистского учения были объявлены солью земли, носителями высшей культуры».

Что ж, тут не поспоришь, наш рабочий класс более полувека вроде бы напрочь опровергал все схему марксизма и не высказывал ни малейшего намерения становиться гегемоном. Но стоит ли нам забывать, что в ходе первой мировой войны, революции, гражданской войны и сталинских репрессий кадровых рабочих в России практически всех истребили? Это во-первых. А во-вторых, эксперимент по ликвидации института частной собственности отбросил страну на доисторический уровень первобытного коммунизма, когда собственности тоже не было. Конечно, наш народ некоторые навыки цивилизованности все же сумел сохранить и поэтому все формации, ведущие к культуре, преодолел в ускоренном темпе. За годы культа личности он пережил заново сжато стадию рабовладельчества, за годы застоя — период средневековья, то есть всевластия областных, республиканских, районных и прочих феодалов. Тогда же в недрах мафии и теневой экономики путем ускоренного разворовывания «народной» собственности под присмотром правоохранительных органов начался процесс первичного накопления капитала, трудящиеся люди начали от барщины через оброк переходить к системе свободной продажи рабочей силы... И ведь это было буквально вчера! А сегодня?

По-моему, ни политики, ни социологи до сих пор не осознали всей праздничности и всего драматизма нескольких всесоюзных стачек шахтеров. События эти неожиданно для всех, кто привык уже поправлять Маркса, раз и, думается, навсегда прервали затянувшееся рабское послушание наших рабочих, радикально изменив всю политическую ситуацию в стране.

Под чередой неуверенно дозируемых сверху непоследовательных реформ забастовки эти подвели жирную черту. Страна, даже не осознав этого (кажется, до сих пор), вступила в грозовую зону «революции снизу». И мы увидели, что рабочий класс у нас — это уже класс «для себя», что на политическую арену страны вышла сила, сопоставимая с силой самого государства со всеми его МО, МВД и КГБ, сила, проявившая себя с первых шагов на удивление организованной и явно осознавшей свои интересы и права. Отныне не считаться с настроениями народа, с его мнением, как это у нас всегда было, уже никто не сможет. В нашей революции победу одержит явно то политическое течение, за которым пойдет рабочий класс. И партийные аппаратчики, кажется, начали это осознавать, спохватились, развернули кампанию лести, подкупа и демагогии, что мы воочию видели на Учредительном съезде коммунистов РСФСР. Очень мечтательно этим политикам найти в наших рабочих нечто подобное румынским шахтерам, но боюсь, что они уже опоздали.

Этим людям нечего терять, кроме цепей, поэтому они непобедимы.

Наше общество в деле ускоренного прохождения исторических эпох развило такие темпы, что наш капитализм, не выйдя по-настоящему еще из стадии первичного накопления капитала, ухитрился сразу же вбухаться в высшую его стадию, о которой верный ученик Маркса В. И. Ленин писал с презрением: «...Капитализм дозрел и перезрел. Он пережил себя. Он стал реакционнейшей задержкой человеческого развития».

О НИХ это сказано? Главный редактор журнала «Общественная мысль» профессор В. Согрин категорически отметает подобное допущение, позволяя себе даже иронию в адрес тех, кто пишет об ИХ «загнивании»: «Все больше советских обществоведов приходят к выводу, что этот «загнивающий» строй не только не исчерпал свои возможности, но на современном этапе переживает фазу подъема». Ну, а если к НИМ это не относится, то к кому? Думается, нам с вами нетрудно об этом догадаться.

В учении Маркса меня больше всего радует вывод, поддержанный всеми его лучшими учениками: Энгельсом, Лениным, Сталиным,— вывод о неизбежности и неотвратимости гибели капитализма.

Радует потому, что все мы нахлебались его досыта, до тошноты; потому что я презираю этот насквозь прогнивший, насквозь лицемерный строй, ведущий к нищете, невежеству, нравственному одичанию, бессмысленному разграблению и запакощиванию природы; строй, при котором кучка невежественных, бездарных политиканов и уголовников может бесконечно долго безнаказанно измываться над великой державой.

«Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»,— говорил Маркс. Слава богу, этот кошмар начинает у нас понемножку рассеиваться. «Классовая борьба пролетариата,— правильно констатировал Иосиф Виссарионович Сталин,— это то оружие, при помощи которого он завоюет политическую власть и затем экспроприирует буржуазию для установления социализма».

И да здравствует социализм!

Анна ПРИСМАНОВА

НЕУСЛЫШАННЫЙ ГОЛОС

Жадность нынешнего интереса к литературе русского зарубежья XX века, вполне, разумеется, естественная, как и всякое увлечение, несколько апологетична, критическое начало ей несвойственно, по крайней мере пока. Оно и понятно: широкому читательскому кругу становится доступным творчество десятков прозаиков и поэтов, доселе известное в лучшем случае фрагментарно, а то и вовсе не ведомое. Вкус совсем еще недавно запретного плода мешает разобраться в том, как этот плод рос и созревал. Потому может сложиться — и уже складывается — впечатление, будто в то время, как здесь, в метрополии, все наиболее талантливое загонялось под спуд, замалчивалось, репрессировалось, там, в эмиграции, оно приветствовалось, поддерживалось, поощрялось.

Судьба Анны Присмановой (1898—1960) разрушает начавший складываться стереотип. Потому что эту поэтессу в эмиграции попросту прозевали, ее голос остался неуслышанным.

Поэтесса Мария Вега на мой вопрос о Присмановой вспомнила, что в русском литературном Париже очень потешались над одной комически-неловкой строчкой Присмановой — про лебедя, «вытянувшего ухо, как Бетховен». И еще — о том, как на Пушкинский вечер, если не ошибаюсь, в 1929 году, Присманова и ее муж, поэт Александр Гингер, пришли в одежде и прическах «под Натали и Пушкина»: она — маленького роста и нехороша собой, он — огромный и широкоплечий... За всем этим стихов не заметили.

Не вспомнили их толком и по сию пору.

Присманова родилась в Латвии. Писать начала в отрочестве. В двадцатилетнем возрасте переехала в Петроград, где входила в одну из многочисленных тогда поэтических студий. В 1921 году была принята в Союз Поэтов — принимал ее туда Гумилев. Годом позже уехала из России. В обильных воспоминаниях об этой поре ее имя не фигурирует.

То же относится к парижскому периоду ее жизни. Печаталась она нечасто. Первую книгу выпустила лишь в 1937 году. Вторую — девять лет спустя. Чуть позже — третью. Была еще поэма «Вера» — о Вере Фигнер, совсем поздняя, написанная, так сказать, по соцзаказу, когда поэтесса собиралась возвращаться в Советский Союз,— и отметиться подобным образом в лояльности было непременным условием возвращения...

Биографические сведения скудны. Известно, что регулярно бывала она на чтениях молодых поэтов в редакции «Возрождения», где слушателем и судьей был Ходасевич. Что во время войны, спасая мужа от гибели, прятала его на чердаке, в одном из еврейских гетто. Что не было у нее среди литераторов-эмигрантов близких друзей... Вот, пожалуй, и все.

Она работала неторопливо, скромно, самоуглубленно. «Парижская нота» в ее поэзии пронзительна и чиста.

Сейчас к печати подготовлена ее книга. Думается, она откроет наконец читателям поэта совершенно оригинального, заслуживающего достойного места в русской поэзии первой половины нашего столетия.

Вадим ПЕРЕЛЬМУТЕР

ЗЕМЛЯ

Невольно ослабляя напряженье
распластанного в воздухе крыла,
подвластна птица силе притяженья,
как в косном этом мире все тела.

Но хрупкий ком, садящийся на кровы,
на разные поющий голоса,
сбирающий крупицы у подковы,
опять уносится под небеса.

И перьями приподнятая птица
без трепета висит на высоте,
откуда человеческие лица
чуть видимы, как гвозди на кресте.

А человек, уставший от полета,
от содроганий вечного пера,
обычно ищет теплого оплота
гораздо ниже горного ребра.

Гораздо ближе к чавкающим недрам
гостеприимной низменной земли —
защитницы незыблемой и щедрой,
которой в горе жаждут корабли.

ТРЕУГОЛЬНИК

Обычно угловат над морем мыс,
кончается углом рисунок лодок,
краеугольна печь рыбачьих мыз
и треугольны головы селедок.

Глаз маяка, от солнца золотой,
слепит рыбачий глаз, как рыцарь шпагой.
Широкий пляж с янтарной мелкотой
распластан между дюнами и влагой.

Почти забыты мною латыши,
остыла я к воде и к водолазу,
но первый угол здания души
я прислоню к либавскому лабазу.

В окне дитя, схватившись за косяк,
в матроске сине-красной с белым бантом,
висело, как живой трехцветный стяг,
воскресным увлекаясь музыкантом.

К несчастью, музыкальный город был
настроен на дождливую погоду,
и чайки, снизив треугольник крыл,
зигзагами предсказывали воду.

Но вдоль квартир, имевших вид змеи,
картонная меня возила лошадь,
а в сквере ноги быстрые мои
сверкали в Треугольника калошах.

Подняв три церкви равной высоты
(о свод с тремя небесными ногами!),
казался город мирной суеты
треножником, стоящим над снегами.

Морской старик с соленой бородой
тремя зубцами бился там о гавань.
Был треуголен парус над водой,
в котором плотник Петр Великий
плавал.

С убийственной длиною шли дожди,
стремительно шел ветер, влагой полный,
и сногсшибательные, как вожди,
шли к берегу трехъярусные волны.

ЖЕЛТЫЙ ДОМ

Лоснился щебень. Бились воробьи
над крошками разрушенного хлеба.
Тяжелый флот скользил вдоль моря и
флот облачный — по временам
вдоль неба.

Весенний сквер был по-балтийски чист.
Гудела детвора вокруг эстрады...
Одно дитя, как виноградный лист,
упорно липло к столбикам ограды...

. . . .

Через дорогу, в дюнах, над песком,
у грядок с будущими огурцами,
стоял в уединенье длинный дом
с довольно необычными жильцами.

Он сделан был из желтых кирпичей,
и все вокруг весной дышало, кроме
смирительных рубашек и ключей
для тех, что проживали в желтом доме.

Они гуляли парами порой,
но двигался иной и в одиночку...
Я помню гравий, солнце над горой
и их глаза, направленные в точку.

Они срывали тонкую траву
невозмутимым выспренним движеньем.
Движенья их, заснувших наяву,
других миров казались отраженьем.

А между ними поливал газон
веселый молодой садовник. С лейкой,
в лучах заката направлялся он
к насосу, что плескался за скамейкой.

Здесь мелкие лазурные цветы,
имея блеск небесного оттенка,
казались капельками высоты,
упавшими к подножию застенка...

. . . .

Ребенок с ярким яблочным лицом
на солнышке, пять лет ему знакомом,
нередко наслаждался леденцом
пред этим необыкновенным домом.

К садовнику он подойти не смел,
зато в сияющее время года,
следя за ходом огородных дел,
подобно тумбе застывал у входа.

При нем — новорожденная гряда
от полной лейки набиралась силы,
пел ящичек скворешного гнезда,
входили в яму корневые жилы.

За дюнами кричали петухи —
будильники рыбачьего поселка,
и прославляла хвойные духи
упавшая сосновая иголка...

Дитя стояло у больших ворот
так неподвижно, как цветок двуногий.
Брели безумные, раскрывши рот,
ловя руками собственные ноги...

Садовник пел, не замечая их.
Подрагивая яркими боками,
взлетел к лазури шар.
Закат был тих.
Вдали — чернели барки с рыбаками.

Садовника землистая рука
сама, в тени, землей казалась бурой.
Над черным завитком от корешка
он думал о невесте белокурой.

У западной границы городка
качались пароходные каюты...
И грустью, что весной для всех сладка,
Туманилась душа его Анюты.

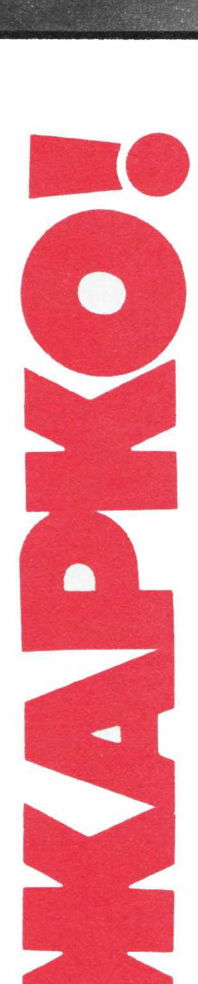
Садовник взял Анютины глаза
и посадил их в солнечное место.
Любил весну он за цветы и за
те чувства, что дала ему невеста...

. . . .

Но беспощадно сыплется песок,
что назван был песочными часами.
Сомнения вонзаются в висок,
судьба полна немыми голосами...

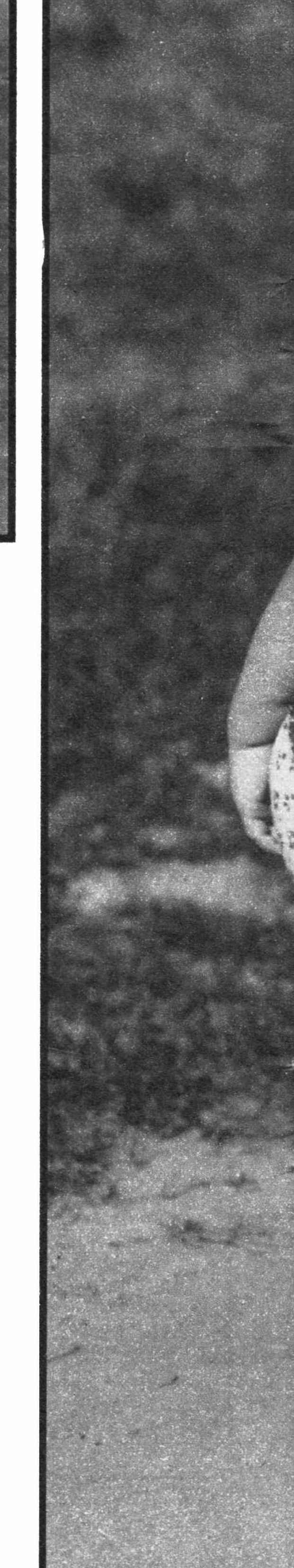
И девочка, смотревшая на дом,—
с тем зданием боясь теперь свиданий,—
растерянно готовит третий том
своих восторгов и своих страданий,

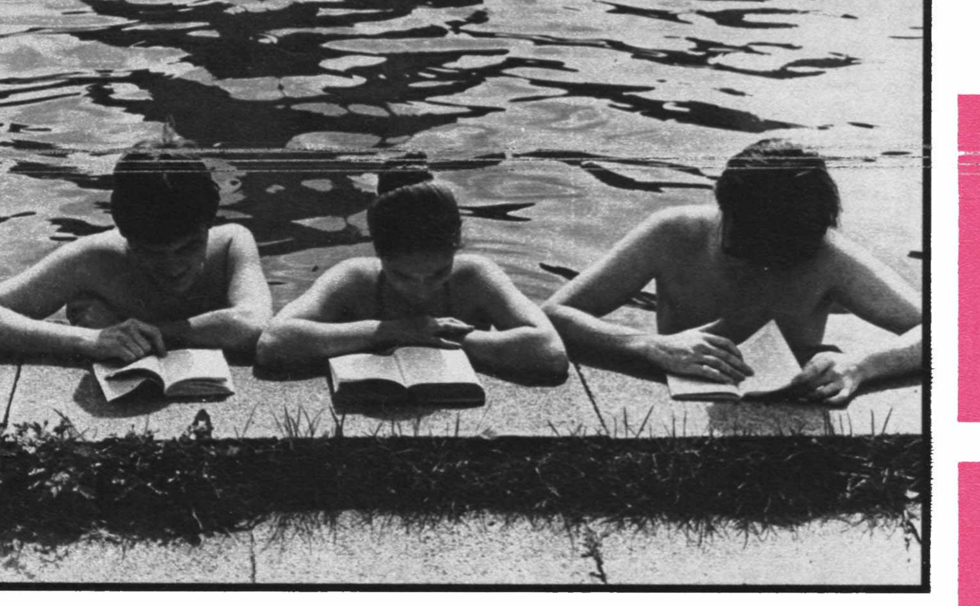
со страстностью соединив тоску,
прибавив к этому надежду даже,
но посыпая каждую строку
той солью, коей не найти в продаже.

ЖАРКО!

Фото Анатолия БОЧИНИНА

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Лучшими публикациями июня читатели назвали две работы одного автора: «Кабала святош» (№ 27) и «Секрет» (№ 24).

Мы поздравляем Александра Минкина с присуждением ему ежемесячной премии американской фирмы КОМПЬЮТРЭЙД ИНТЕРНЭШНЛ, ЛТД.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Украшение узорами из кусочков мрамора, керамики, перламутра. 8. Французский писатель XIX века. 9. Русский скульптор, автор памятника А. С. Пушкину в Москве. 10. Единица веса. 11. Декоративное растение с крупными цветками. 14. Приток Нижней Тунгуски. 15. Строй кораблей, следующих один за другим. 18. Певица Большого театра, народная артистка СССР. 20. Русский композитор, дирижер. 21. Наука о строении организма. 22. Композитор, Герой Социалистического Труда. 25. Пилотажный прибор для определения скорости изменения высоты самолета. 26. Курс судна относительно ветра. 28. Приток Волги. 29. Спутник Марса. 31. Картина И. Е. Репина. 32. Помещение для публичных выступлений. 33. Государство в Центральной Европе.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Норвежский драматург. 2. Звание, чин. 3. Город в Югославии. 4. Мельчайшая частица химического элемента. 5. Горный массив в Амурской области. 6. Самодвижущийся подводный снаряд. 7. Советский офтальмолог и хирург, Герой Социалистического Труда. 12. Прибор для определения курса судна. 13. Опера Ю. А. Шапорина. 16. Устройство для очищения жидкостей, газов. 17. Столица европейского государства. 19. Часть света. 20. Военно-морской флаг на корабле. 21. Сорт винограда. 23. Химический элемент, металл. 24. Горный массив и вершина в Западных Альпах. 27. Хищная птица. 28. Действующее лицо в пьесе М. Горького «На дне». 29. Действительное событие, явление. 30. Собрание членов массовой организации.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД № 30

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. «Отрочество». 7. Аллея. 8. Айон. 9. Генуя. 10. Каботаж. 11. Еврипид. 12. Метр. 14. Чюрленис. 16. Шарж. 18. Явор. 19. Атласов. 20. Лиелупе. 21. Драп. 23. «Новь». 25. Нестеров. 26. Гана. 30. Скрепер. 31. Фарадей. 32. Ралли. 33. «Зима». 34. Иргиз. 35. Крейцвальд.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Оберон. 2. Оранжерея. 3. Сенбернар. 4. Офелия. 5. «Алмаст». 6. Путина. 12. Меларен. 13. «Рафаэль». 14. Чигорин. 15. Собинов. 16. Шезлонг. 17. Жалейка. 21. Диспрозий. 22. Парафраза. 24. Вокзал. 27. Афелий. 28. Кеклик. 29. Мадрид.

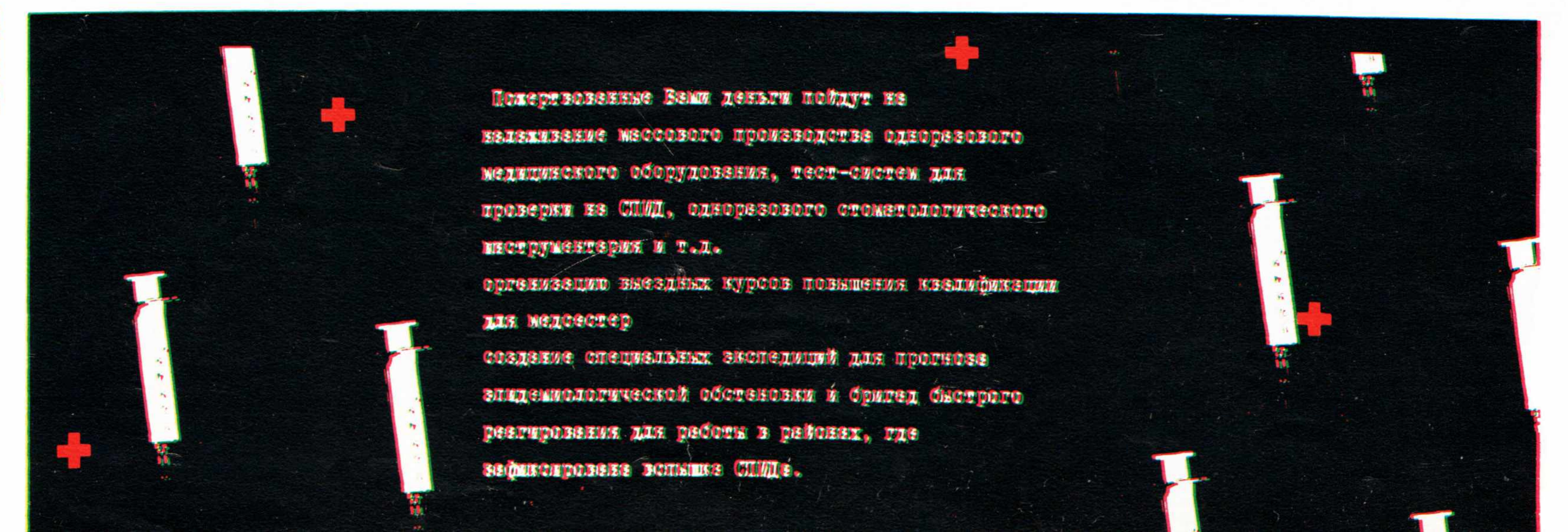
ОГОНЁК

Более 240 детей заражены вирусом СПИДа в советских больницах из-за отсутствия одноразового медицинского оборудования. Прогноз ученых предупреждает: если не принять срочных мер, к 2006 году число вирусоносителей составит около 50 млн. человек, а после 2010 года станет реальной угроза вымирания до 40 процентов молодого населения страны.

Советский благотворительный фонд «ОГОНЕК»-АНТИСПИД»

рублевый счет № 700645

в ОПЕРУ Жилсоцбанка СССР

ВАШИ ДЕНЬГИ ПОЙДУТ НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ ПОСОБИЯ ДЕТЯМ, ИНФИЦИРОВАННЫМ ВИЧ.

